ФАНТ-ХАБАР
2026
26

ФАНТ-ХАБАР

2026
2 (26)

3 Календарь. 2026. Март
16 Такие дела. Февраль 2026
22 Голоса из Сетей
101 Источники

Первая страница:
«Звёздные войны» в исполнении Jerry Vanderstelt

Редактор: БВИ
bvi@rusf.ru
https://t.me/bratrazum
https://bvi.livejournal.com
http://bvi.rusf.ru/fx/fx026.pdf

Арканар: Метагом, 2026

Календарь фантастики: Март

1 марта: **С котом Мышеловом**

90 лет назад родился **Анджей УРБАНЬЧИК [Andrzej URBAŃCZYK]** (р. 1936), польский учёный, путешественник, яхтсмен и писатель, автор сборников «Эксперимент профессора Крегера», «Машина времени».

Удивительный человек: своими руками сделал четыре плота, на которых совершал длительные плавания, неоднократно плавал на яхте в одиночку (правда, иногда с котом Мышеловом), пересекал Тихий океан и осуществил кругосветный рейс, всего проплыл более 100 тысяч морских миль, участвовал в разработке микрочипов для космических зондов «Викинг 1» и «Викинг 2», написал более пятидесяти книг, среди которых была и фантастика.

2 марта: **И тут выхожу я – весь в белом!**

95 лет назад родился **Томас Кеннерли ВУЛФ-младший (Том ВУЛФ) [Thomas Kennerly WOLFE, Jr. (Tom WOLFE)]** (1931-2018), американский журналист, писатель, искусствовед, карикатурист, автор

книг «Конфетнораскрашенная, апельсиннолепестковая, обтекаемая малютка», «Электропрохладительный кислотный тест», «Шайка пожарников», «Ребята-класс!», рассказа «Автоматизированный отель».

После 1962 года отличительной чертой стиля Вулфа стал белый костюм (как символ «джентльмена с юга»). Ему понравилось, что окружающие с удивлением смотрят на человека в белом в разгар зимы, и он стал носить его постоянно: «Это делает меня человеком с Марса». Хотя над писателем и посмеивались, мол, он дублирует манеру Марка Твена, Вулф продолжал и в литературе, и в жизни играть критически настроенного денди. В одном из эпизодов «Симпсонов» прикололись над преданностью Вулфа к белым пиджакам – испачкав костюм шоколадом, писатель немедленно снимает его, обнаруживая под ним точно такой же.

3 марта: **О чём помнят мифы**

110 лет назад родился **Лайош ХОФФШТЕДТЕР (Лайош МЕШТЕРХАЗИ) [Lajos HOFFSTAEDTER (Lajos MESTERHÁZI)]** (1916-1979), венгерский писатель и драматург, автор сборника «Семпитернин»,

повести «Великолепная рыбалка», романа «Загадка Прометея».

Из статьи Юрия Гусева: «Задаваясь вопросом, почему Прометей, после того как был освобождён Гераклом, не оставил практически никакого следа в богатейшей древнегреческой мифологии, Мештерхази ясно дает понять: этот бог («бог с подмоченной репутацией») не совершил ни одного злодейства (он «не творил никаких фокусов-покусов, не творил чудес. Не пророчествовал, не убаюкивал в двусмысленных речах приятною ложью. Предсказывал лишь то, что можно предсказать с помощью разума. Никого не обращал ни в камень, ни в лягушку, вообще – никого не обижал. Он был добрый бог. Не просил себе храма, корпуса жрецов, жертвоприношений, никаких привилегий. Он работал. А поскольку знал, что от плохой работы плох и созидаемый мир, работал точно, красиво...» Это тоже загадка Прометея), а потому и не был увековечен в мифах».

6 марта: **Одни из первых пародий на киножанры**

120 лет назад родился **Луис Франсис КРИСТИЛЛО (Лу КОСТЕЛЛО) [Louis Francis CRISTILLO (Lou COSTELLO)]** (1906-1959), американский актёр, исполнитель ролей в к/ф «Задержите это привидение», «Время их жизни», «Эбботт и Костелло

встречают Франкенштейна», «Эбботт и Костелло встречают убийцу Бориса Карлоффа», «Эбботт и Костелло встречают человека-невидимку», «Джек и бобовый стручок», «Эбботт и Костелло встречают доктора Джекила и мистера Хайта», «Эбботт и Костелло летят на Марс», «Эбботт и Костелло встречают мумию», «30-футовая невеста Кэнди Рока».

В большинстве фильмов Лу Костелло играет с напарником Бадом Эбботтом. Этот комедийный дуэт сложился совершенно случайно: как-то компаньон Костелло заболел, и тот пригласил на замену билетёра Эбботта. Как водится в подобных дуэтах, они играли на контрастах: худой и злой Эбботт и толстый неуклюжий Костелло. После выступлений в водевилях и на радио Эбботт и Костелло успешно завоевали большой экран. Их фильмы пользовались огромным успехом. Это были пародии на известные франшизы. Даже Хайнлайн написал для них сценарий под названием «Эбботт и Костелло отправляются на Луну», который стал источником вдохновения для полёта комиков на Марс.

6 марта: **Неудавшийся «Конгресс»**

100 лет назад родился **Анджей Витольд ВАЙДА [Andrzej Witold WAJDA]** (1926-2016), польский режиссёр, постановщик к/ф «Слоёный пирог» по рассказу С.Лема, «Пилат и другие» по роману М.Булгакова, «Корчак».

Лему понравился фильм «Слоёный пирог», а Вайда планировал снять ещё что-нибудь по книгам Лема. Сразу же после выхода «Футурологического конгресса» Вайда занялся поисками киностудии и продюсера в Германии, а Лем написал для него краткое содержание фильма (синопсис). Лем вспоминал: «Некоторое время Вайда носился с мыслью о съёмках “Конгресса”. В то время он был очень очарован им... представлял себе какой-то большой

отель, где можно было бы развернуть действие... Он даже нашёл его. Но в конце концов все разбилось из-за денег, оказалось слишком дорого. Это могло быть интересно, когда сквозь тот чудесный мир начинает проглядывать другой, кошмарный. То есть истинный... Я по-прежнему утверждаю, что это могло быть очень интересно, но для этого мне нужно было найти какого-нибудь Стэнли Кубрика, чтобы между сценаристом и режиссером возникла духовная близость».

7 марта: **Философ-бродяга**

85 лет назад родился **Андрей Александрович МИРОНОВ** (1941-1987), русский актёр, исполнитель ролей в спектаклях «Клоп» (Милиционер, Присыпкин, Баян), «Тёркин на том свете» (в эпизодах), «Дон Жуан, или Любовь к геометрии» (Дон Жуан), «Баня» (Велосипедкин), «Малыш и Карлсон, который живёт на крыше» (Жулик Рулле), «Продолжение Дон Жуана» (Дон Жуан), в к/ф «Таинственная стена» (Валентин Карпухин), «Тень» (Цезарь Борджиа), «Обыкновенное чудо» (Министр-администратор), «Сказка странствий» (Орландо, философ-бродяга).

Александр Митта в книге «Кино между адом и раем» писал: «Я выбирал актера на главную роль в фильме «Сказка странствий». Одним из претендентов был Леонид Филатов. Я практически открыл его в «Экипаже» и, как любой режиссёр, мечтал работать с ним ещё и ещё. А тут такая роль – герой сказки; он этого не играл, но мог поднять фильм до уровня философской притчи. Другой претендент – Андрей Миронов. С ним был бы совсем другой фильм: яркий, праздничный, сочный. Я был знаком с ним много лет, но никогда не было роли для него. А тут возможность, может, раз в жизни... Сейчас после ранней смерти Миронова ясно, что это был актёр будущего. Он уже в те годы создавал искусство там, где оно не признавалось за искусство: на площадке развлечения. Теперь его энергия осталась бессмертной частью нашей жизни. Но тогда это только угадывалось.

В общем, я был в смятении. Миронов, наверное, подумал: «Бедный парень, сам не знает, что ему выбрать. Надо ему помочь...» Он позвал меня домой. И устроил фантастический вечер: читал сценарий, импровизировал, напевал, приплясывал, преображался. Одним словом, не оставил мне ни одного шанса. Я его утвердил. И, надо сказать, не жалел об этом никогда. Работа с ним была сказочно интересной».

8 марта: **Ирландское наследство**

120 лет назад родился **Александр Артурович РОУ** (1906-1973), русский режиссёр, постановщик к/ф «По щучьему велению (Сказка про Емелю)», «Василиса Прекрасная», «Конёк-Горбунок», «Кащей Бессмертный», «Майская ночь, или Утопленница», «Тайна горного озера», «Новые приключения кота в сапогах», «Марья-искусница», «Хрустальный башмачок», «Вечера на хуторе близ Диканьки (Ночь перед Рождеством)», «Королевство кривых зеркал», «Морозко», «Огонь, вода... и медные трубы», «Варвара-краса, длинная коса», «Золотые рога», «Финист – ясный сокол».

В 1960-х годах Роу получил наследство от своего ирландского деда. Тогда по всей Москве пошёл слух, что ему досталась пароходная линия Лондон – Ливерпуль, состоящая из двух пароходов, и... публичный дом. У Александра Артуровича всегда было

хорошо с юмором, и, когда ему об этой сплетне рассказал один из операторов, он ответил, что, мол, да, так всё и есть. Мол, получил наследство и теперь брошу кино. Чего мне им заниматься, когда есть пароходная линия и публичный дом? После того, как это было сказано на «Мосфильме», слух разнёсся по всей Москве! Но он не пытался его как-то пресечь. А подлинная правда ситуации была в том, что ему досталось 300 фунтов, за которые он купил себе пальто или плащ и фотоаппарат, – на это ушло его мифическое ирландское наследство...

8 марта: **Мягкий, но не уступчивый**

100 лет назад родился **Григорий Ермович КРОМАНОВ** (1926-1984), советский и эстонский актёр и режиссёр, постановщик к/ф «Новый нечистый из преисподней», «Отель “У погибшего альпиниста”».

Борис Стругацкий вспоминал в «Комментариях к пройденному»: «Мне приходилось работать с Григорием Кромановым («Отель У ПОГИБШЕГО АЛЬПИНИСТА») – это был человек, скорее, мягкий, но в то же время отнюдь не уступчивый. У него явно была своя позиция, свой образ снимаемого кино, и фильм в результате получился неплохой – особенно для тех лет». Со стороны Аркадия Стругацкого оценка была примерно такой же. На встречах с читателями в Саратове в августе 1982 года он говорил: «Режиссёр старательно следовал букве сценария, написанного нами. В создании же фильма мы практически не участвовали. Мне кажется, это добротный, хороший, средний фильм. Достаточно увлекательный, интересный для зрителя».

10 марта: **Фантастику любил всегда**

100 лет назад родился **Александр Сергеевич ЗАЦЕПИН** (р. 1926), русский композитор, автор музыки к к/ф «Формула радуги», «Земля Санникова», «Иван Васильевич меняет профессию», «Бросок, или Всё началось в субботу», «Капитан Немо», «31 июня», «Петля Ориона», «Она с метлой, он в чёрной шляпе», «Остров погибших кораблей», «Продавец снов», к м/ф «Я жду птенца», «Растрёпанный воробей», «Золотой мальчик», «Солнечное зёрнышко», «Тайна третьей планеты», «Оранжевая корова»,

к мюзиклам «Иван Царевич и Серый Волк», «Тайна третьей планеты», «Сказка о царе Салтане», «Маленький принц».

Из интервью: «Фантастику любил всегда, Рэя Брэдбери читал. Когда учился в консерватории, мюзиклов ещё в помине не было, но была идея написать оперу или балет по «Аэлите» Толстого. Потом я к этому как-то остыл. А в другое измерение кому же не хотелось попасть? Мне, конечно, тоже. Только вот за это измерение иногда ругали. Одну песню из кинофильма «31 июня» у нас, по-моему, даже вырезали после первого показа, и не знаю, восстановили ли. Фильм создавался по заказу телевидения. Нас с режиссером Лёней Квинихидзе вызывали, и редактор из какого-то начальства говорит: «Александр Сергеевич, у вас Яак Йоала поёт главную песню хорошо, а персонаж в будущем почему поёт хриплым голосом?». Я ответил: это сделано для того, чтобы показать разницу, как было в прошлом веке, а как в будущем. «Нет, нет, пусть он споёт так же хорошо». То есть даже не за текст, а за хрипловатую манеру «под американщину» придрались».

13 марта: **Фантаст и создатель новой религии**

115 лет назад родился **Лафайетт Роналд ХАББАРД (Чарлз ГОРДОН; Джонатан ДЕЙЛИ; Джордж КЕЛЛОГГ; Майкл КИТ; Винчестер Ремингтон КОЛЬТ; Рене ЛАФАЙЕТ; ЛЕГИОНЕР 148; ЛЕГИОНЕР 14830; Кен МАРТИН; Скотт МОРГАН; МР. ЗРИТЕЛЬ; Б.А.НОРТРОП; Барри РАНДОЛФ; Хамберт РЕНОЛДЗ; Курт фон РАХЕН; Джон СИБРУК; Л. Рон ХАББАРД; Бернард ХАББЕЛ; Фредерик ЭНГЕЛЬГАРДТ; Том ЭСТЕРБРУК) [Lafayette Ronald HUBBARD (Charles GORDON; Jonathan DALY; George KELLOGG; Michael KEITH; Winchester Remington COLT; René LAFAYETTE; LEGIONNAIRE 148; LEGIONNAIRE 14830; Ken MARTIN; Scott MORGAN; MR. SPECTATOR; B.A.NORTHROP; Barry RANDOLPH; Humbert REYNOLDS; John SEABROOK; L. Ron HUBBARD; Bernard HUBBEL; Frederick ENGELHARDT; Tom ESTERBROOK)]** (1911-1986), американский писатель, создатель псевдонаук дианетики и сайентологии, издатель, автор романов «Последнее затемнение», «Рабы сна», «Пишущая машинка в небе», «Поле битвы – Земля: сага о 3000-м годе», декалогии «Миссия на Земле».

Очень противоречивая и интересная фигура в американской фантастике и науке. Начал карьеру писателя, чтобы заработать средства для научных изысканий. За шесть лет (1935-1940) написал 138 романов, повестей и рассказов во всех возможных жанрах, публикуя их в различных журналах под многочисленными псевдонимами. Во время второй мировой войны командовал противолодочными кораблями на Атлантическом и Тихом океанах, был ранен и придумал новые методики восстановления здоровья, которые позднее преобразовал в систему, назвав её дианетикой. А затем основал новую церковь Сайентологии (запрещённую во многих странах) на основе дианетики. В конце 1983 года объявил об организации конкурса «Писатели будущего», который ежегодно проводится и по сей день.

14 марта: **Охотник за скрытыми цитатами**

65 лет назад родился **Виктор Максимович КУРИЛЬСКИЙ** (1961-2018), русский фэн, люден, автор «Комментариев к Мирам братьев Стругацких».

Светлана Бондаренко о коллеге и соратнике: «Борис Натанович Стругацкий писал о нем в предисловии к полному собранию сочинений: «Виктор Курильский. Великий охотник за скрытыми цитатами и «псевдоквазиями». Исследователь от бога. Безусловно, знает творчество АБС вдоль и поперёк в совершенстве и давно уже обогнал самих авторов в этом знании». Виктор всегда считался у нас знатоком творчества Стругацких. Он выбрал себе нелёгкое занятие – поиск скрытых цитат в текстах Стругацких. И его «Цитатник» – образец долгой скрупулёзной работы исследователя. Потом мы с ним работали над шеститомником «Неизвестные Стругацкие: письма, рабочие дневники». Так же методично, скрупулёзно он выискивал малейшие зацепки для датировки письма или записи в дневнике и выяснял, кого конкретно АБС имели в виду, называя только именем, а то и прозвищем... В 33-томном полном собрании сочинений Стругацких он до конца довёл порученную ему работу по составлению третьего раздела (Письма. Дневники. Записные книжки), откомментировал все готовые тексты к ещё неготовым томам. И даже кое-какие тексты, которые только должны войти в последние тома (разделы ещё не готовы), он уже откомментировал. Были наработки и на будущее – большое эссе по цитатнику (кого из писателей АБС любили цитировать чаще всего, какие персонажи полюбились им наиболее, как часто АБС занимались самоцитированием и сколько псевдоцитат рассыпаны по их текстам), большой указатель по персоналиям, возникавшим в жизни АБС... Читателю ещё предстоит ознакамливаться не один и не два года с наработанным им материалом».

15 марта: **Исследовательница этических проблем**

100 лет назад родилась **Людмила ФРЕЙОВА [Ludmila FREIOVÁ]** (1926-2014), чешская писательница, публицистка и переводчица, автор романов «Летние курсы», «Забавный экземпляр», «Страх на планете Квара», «Чужеземцы на планете Квара», «Откуда пришёл

Сильвестр Стин?», «Дата рождения – нуль», «Время вне времени».

На русском языке был опубликован всего один рассказ Людмилы Фрейовой, «Невидимые преступники». Учительница чешского и итальянского языков занялась фантастикой лишь после выхода на пенсию. Первоначальным источником вдохновения для писательницы была её педагогическая профессия, но интерес к психологическим и этическим вопросам вскоре расширился, и она сосредоточилась на показе моральных конфликтов. Фантастику она использовала в качестве искусственной среды для своих психологических исследований. За вклад в фантастику Людмила Фрейова получила премию имени Карела Чапека «Саламандра».

16 марта: **Гениальный читатель**

95 лет назад родился **Рафаил Ильич /Эльевич/ НУДЕЛЬМАН** (1931-2017), российский и израильский писатель, критик, переводчик, автор романа «В Институте Времени идет расследование» (с А. Громовой), статей о творчестве С.Лема, братьев Стругацких, Р.Брэдбери.

Из письма Станислава Лема Рафаилу Нудельману от 19 апреля 1974 года: «Вы – так называемый «гениальный читатель», авторы высочайшего калибра уже не раз говорили, что такой читатель встречается значительно реже наилучшего писателя, и это святая правда. Вы такой же выдающийся читатель, как та женщина, которая была выдающейся личностью, поскольку могла читать обычный текст пальцами, хотя знаки никто другой не мог ощутить касанием. Вы смогли вычитать то, что в этой книге («Возвращение со звёзд») ЕДВА обозначено, что МОГЛО быть глубоким, но не является таковым! В этом Ваша конгениальность».

17 марта: **В духе Брэдбери по-армянски**

90 лет назад родился **Карен Арамович СИМОНЯН [Կարեն Արամի ՍԻՄՈՆՅԱՆ]** (1936-2018), армянский писатель, автор сборников «Марсиане», «В щупальцах медузы», «Тайна свинцовых людей»,

«Блуждающая планета», «Цирк на Луне», «Второе солнце; Адам Малого Льва; Вальтер Буш», «Мы хотели играть», «Луг», «Фантастика», «Аптекарь Нерсес Мажан».

На русском языке вышли два сборника Симоняна. О книге «Аптекарь Нерсес Мажан» Аркадий Стругацкий оставил краткую запись в дневнике от 31 октября 1984: «Вчера дочитал Карэна Симоняна. Хорошо. Настоящий». Карен Симонян занимался и переводами фантастики, в частности, переводил произведения Рэя Брэдбери (писательскую близость к которому он не скрывал, многие короткие поэтичные новеллы армянского писателя проникнуты духом Брэдбери), Джека Лондона, Габриэля Гарсиа Маркеса.

19 марта: **Над небом голубым…**

90 лет назад родился **Генри Гиршевич ВОЛОХОНСКИЙ (Анри ВОЛОХОНСКИЙ)** (1936-2017), русский поэт, эссеист, автор пьесы «Лабиринт, или Остров лжецов» (с А.Хвостенко), книги «Бытие и Апокалипсис», перевода Дж.Джойса «Уэйк Финнеганов: Опыты отрывочного переложения российскою азбукой».

Немецкий славист Вольфганг Казак писал о раннем творчестве Волохонского: «Его стихам свойственны гротеск, ирония и пародийность; толчком к их возникновению может служить как философское положение, так и бытовое происшествие. В них ставится много вопросов, ответы на которые предлагаются лишь намёком, облечённым в изобилующий образами язык. Иногда эстетическое воздействие стихов Волохонского основывается исключительно на смелых словосочетаниях, неологизмах, на музыкальном звучании и дерзкой рифме».

21 марта: **Актёр с несоветской внешностью**

100 лет назад родился **Александр Андреевич ВОКАЧ** (1926-1989), русский актёр и режиссёр, исполнитель ролей в к/ф «Король Лир» (Герцог Корнуэльский), «Комитет девятнадцати» (О'Кризи), «Эта весёлая планета» (Пал Палыч, массовик-затейник), «Бегство мистера Мак-Кинли» (Баренс),

«Шагреневая кожа» (Ионафан), «Победитель невозможного» (Семён Николаевич Таратар, учитель математики), «Соловей» (Канцлер Краб), «Свидетельствую» (Обвинитель), «Уровень шума» (Профессор), «Блистающий мир» (Грантом), «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда» (Керью), «Сезам, откройся» (Йоган), «Идеальное преступление» (Профессор Ламонт).

Станислав Садальский вспоминал: «Девять лет мы проработали с ним в Современнике, были партнерами по сцене, играли в одних спектаклях. Я имел возможность наблюдать за ним. Тихий, добрый, застенчивый человек. Из семьи потомственной московской технической интеллигенции. Мега-талантливый актёр с несоветской внешностью. С удивительным тембром голоса, узнаваемым сразу. Посмотрите на его фильмографию: герцог, рыцарь, бургомистр, англичанин, мэр, лорд, канцлер: Даже, если среди его ролей и случались «советские граждане», то это были профессора, учителя, врачи, художники. Кажется, – дунь на такой аристократический одуванчик – улетит... И для меня всегда было загадкой, как такие утончённые, рафинированные, почти прозрачные, как Вокач или, допустим, Смоктуновский, могли воевать? Как они вообще смогли выжить в том аду? И не просто воевать, а идти добровольцами, становиться героями, принимать участие в самых страшных сражениях, получать высшие награды за храбрость: что это за метаморфоза?»

26 марта: **Живи долго и процветай!**

95 лет назад родился **Леонард Саймон НИМОЙ [Leonard Simon NIMOY]** (1931-2015), американский актёр и режиссёр, исполнитель ролей в к/ф «Зомби стратосферы» и «Союзники Сатаны» (Нараб, марсианин), «Пожиратели мозга» (Профессор Коул), «Сбитый с толку» (Том Ковак), «Вторжение похитителей тел» (Доктор Дэвид Кибнер), «Аладдин и его чудесная лампа» (Злой марокканский колдун), «Трансформеры» (Гальватрон), «Дивный новый мир» (Мустафа Монд) в сериалах «Я, робот» (Адвокат Катлер), «Star Trek» (Спок), в серии документальных фильмов «В поисках... (НЛО, вуду, Атлантиды, Дракулы, марсиан и т.п.)».

Конечно, самой важной ролью Нимоя стал Спок – получеловек-полувулканец из «Звёздного пути», один из самых популярных инопланетных персонажей на телевидении. Зрители восхищались его хладнокровием и интеллектом, его способностью успешно справляться с любой задачей. Среди узнаваемых и уникальных символов Спока, которые Нимой привнёс в телесериал, – вулканский салют. Актёр создал этот знак на основе своих детских воспоминаний о том, как коханим (еврейские священники) держат руки, давая аароново благословение. Сопровождающее молитву благословение звучит так: «Живи долго и процветай».

26 марта: **С удивлением и восхищением**

90 лет назад родился **Геннадий Дмитриевич НОВОЖИЛОВ** (1936-2007), русский художник, аниматор, писатель, журналист, автор иллюстраций

к произведениям Абэ Кобо, Д.Биленкина, М.Булгакова, Т.Диша, А.Кларка, Г.Мартынова, Б.Олдисса, Р.Подольного, К.Саймака, братьев Стругацких, К.Фиалковского, Б.Чандлера, Р.Шекли, Р.Янга.

Первый иллюстратор романа Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита» начинал свою деятельность в качестве художника-мультипликатора и принимал участие в создании мультфильмов «Заколдованный мальчик», «Остров ошибок», «В некотором царстве», «Верлиока», «Опять двойка», «Снежная королева», «Золотые колосья», «Новогоднее путешествие», был художником-постановщиком м/ф «О рыбаке и рыбке» и «Девочка и крот». По словам Леонида Шварцмана, «Геннадий Новожилов смотрит на каждую другую, чужую жизнь с удивлением и восхищением и умеет эти чувства передать. Очень оригинально и тонко».

29 марта: **О виртуальной реальности полвека назад**

100 лет назад родился **Лино АЛЬДАНИ (Н.Л.ЯНДА) [Lino ALDANI (N.L.JANDA)]** (1926-2009), итальянский писатель и редактор, основатель журнала «Футуро», автор романов «Бегство Арно», «Затмение 2000», «В знаке Белой Луны», «Ледяной крест», сборников «Четвёртое измерение», «Орбиты завтрашнего дня», «Тысячелетие»,

«Онтальгия», «Римские напевы», «Горячая Луна», работы «Научная фантастика: что она такое, откуда явилась и куда идёт».

Андрей Ермолаев о рассказе «Онирофильм», первой публикации Альдани на русском языке в 1966 году: «Когда этот рассказ писался, он, наверное, казался откровенной фантастикой. Теперь же, по прошествии полувека, его социальная сатира приобретает всё более реалистические черты. Это рассказ о виртуальной реальности, написанный в те времена, когда такого слова ещё никто не знал. И рассказ замечательный, остро ставящий вопросы о том, что же лучше для человека – невесёлая и проблемная реальность или сладостная несуществующая виртуальность?»

31 марта: **Театр мистерий для одинокой души**

100 лет назад родился **Джон Роберт ФАУЛЗ [John Robert FOWLES]** (1926-2005), английский писатель, автор романов «Коллекционер», «Волхв», «Червь».

Кир Луковкин о романе «Волхв» на сайте «Лаборатория фантастики»: «О романе можно рассуждать много и плодотворно, поскольку текст относится к треклятому направлению постмодернизма, который играет жанрами и готовыми литературными формами, как пьяный жонглёр-клоун в цирке шарами. Постмодерн не создаёт ничего нового, но интерпретирует старое так, что кажется, будто перед вами оригинальная картинка, свежая, удивительная. Странно манящая, дающая возможность для размышления и интерпретации. Такие дела. Та же история и с «Волхвом», где Фаулз с английской обстоятельностью описывает похождения молодого Орфея, которому предстоит испытать почти психоделические мистерии, проистекающие из древнегреческого мифа: Эрос и Танатос, дионисийство

и аполлонизм. Миф выступает в роли циркового шарика, писатель кидает его в воздух перед нашим носом – хлоп! И мы в капкане.

Погружаясь в странный мир этого острова, читатель в шкуре молодого англичанина как бы знакомится с хозяином дома Кончисом, который излагает свою простую элегантную жизненную философию. Всё на этом острове окутано тайной, и чем больше юному герою хочется узнать, в чём же дело, тем, кажется, строже стерегут секрет его хранители. Таким образом, весь сюжет и интрига произведения строится на интересе узнать, что ожидает Николаса в конце, сможет ли он вообще вернуться на родину или утонет в древнем и юном мире Эллады безвозвратно. Действительно, обитель Кончиса со временем приобретает сакральное значение ловушки, лабиринта Минотавра, отражений и снов, в которых легко заблудиться и пропасть без вести».

Jerry Vanderstelt

Такие дела
Февраль, 2026:

1 февраля: **Джозеф Чарлз Кеннеди (ДжоКе; Джо Кеннеди; Кс.Дж.Кеннеди) [Joseph Charles Kennedy (JoKe; Joe Kennedy; X.J.Kennedy)]** (р. 21 августа 1929), американский фэн, автор романов «Корона из камня Совы», «Орёл, широкий, как мир», сборника рассказов «Нет большей мечты», составитель сборника стихов «Спуск Пегаса», издатель десятка фэнзинов. 96 лет. (***Дэвид Лангфорд***)

6 февраля: **Яна Брейхова [Jana Brejchová]** (р. 20 января 1940), чешская актриса кино и театра, исполнительница ролей в к/ф и сериалах «Барон Мюнхгаузен», «Я убил Эйнштейна, господа», «В пыли звёзд», «Красавица и чудовище», «Арабелла», «Арабелла возвращается». 86 лет. (***Википедия***)

6 февраля: **Владимир Ильич Порудоминский** (р. 19 июля 1928), писатель, литературовед, биограф, историк культуры, автор книг «А рассказать тебе сказку?.. Повесть о жизни и трудах сказочника А.Н.Афанасьева», «Даль», «Про Владимира Ивановича Даля и его словарь», «Врубель». 97 лет. (***Николай Подосокорский***)

7 февраля: **Дэниел Бойд [Daniel Boyd]** (р. 14 сентября 1956), американский режиссёр, продюсер и писатель, автор графических романов «Смертельный Сокол против Повелителей Зомби-Слизней», «Чиллеры», «Карбон», «Соль», постановщик к/ф «Чиллеры», «Странные сны: Атака проповедников из космоса», «Райский парк». 69 лет. (***Википедия***)

10 февраля: **Владимир Иванович Акулов [Уладзімір Іванавіч Акулаў]** (р. 23 апреля 1954), белорусский художник-живописец и график, автор композиций с символико-аллегорическими сюжетами, цикла иллюстраций к «Дон Кихоту» Сервантеса. 71 год. (***Википедия***)

11 февраля: **Джеймс Дэвид Ван Дер Бик [James David Van Der Beek]** (р. 8 марта 1977), американский актёр, исполнитель ролей в к/ф и сериалах «Чужие в семье», «Медиум», «Кома», «Тварь из бездны», «Последний черновик», «Миссис Чудо», «Шторм», «Комната 104», «Короче», «Мои волосы хотят убивать». 48 лет. (***Википедия***)

11 февраля: **Уолтер Эдвард Кокс (Бад Корт) [Walter Edward Cox (Bud Cort)]** (р. 29 марта 1948), американский актёр, режиссёр и сценарист, исполнитель ролей в к/ф и сериалах «Брюстер МакКлауд», «Газ! Или как пришлось уничтожить мир, чтобы его спасти», «Непридуманные истории», «О дивный новый мир», «Театр волшебных историй», «Автостопщик», «Сказки тёмной стороны», «Смертельно истеричная», «Электрические грёзы», «Сумеречная зона», «Пришельцы с Марса», «Мотель Бейтсов», «Из тьмы», «Мёртвый мозг», «Бэтмен», «Маска», «Сильвестр и Твити: Загадочные истории», «Теодор Рекс», «Супермен», «Догма», «Статический шок», «Большая пустота», «Лига справедливости: Без границ», «Маленький принц» (озвучка). 77 лет. (***Википедия***)

11 февраля: **Корнелис Йоханнес Якобус Мария «Сейс» Нотебоом [Cornelis Johannes Jacobus Maria «Cees» Nooteboom]** (р. 31 июля 1933), нидерландский писатель, журналист, переводчик, автор романов «В Голландии», «Потерянный рай». 92 года. (***Википедия***)

11 февраля: **Евгений Михайлович Солонович** (р. 21 февраля 1933), русский переводчик с итальянского произведений М.Арджилли, Дж.Д'Агаты, И.Кальвино, Т.Ландольфи, Л.Шаши. 92 года. (***Николай Подосокорский***)

12 февраля: **Божена Дыкель [Bożena Dykiel]** (р. 26 августа 1948), польская актриса, певица,

телеведущая, исполнительница ролей в спектаклях «Улисс», «Король Мясопуста», «Клоп», «Лягушки», «Лысая певица», в к/ф и сериалах «Дракон», «Война миров. Следующее столетие», «Га, га. Слава героям», «Банк не с той Земли». 77 лет. (***Википедия***)

13 февраля: **Рой Александрович Медведев** (р. 14 ноября 1925), писатель, автор статей о творчестве Г.Уэллса, А.Синявского, Ю.Даниэля, участник телемоста Москва – Бостон 1986 г. по теме «Ядерный век. Культура и бомба». 100 лет. (***Николай Подосокорский***)

14 февраля: **Джузеппе (Пино) Колицци [Giuseppe (Pino) Colizzi]** (р. 12 ноября 1937), итальянский актёр, исполнитель ролей в к/ф «24 часа ужаса», «Бермуды: Проклятая бездна». 88 лет. (***Wikipedia***)

14 февраля: **Том Нунан [Tom Noonan]** (р. 12 апреля 1951), американский актёр, режиссёр, сценарист, продюсер, композитор, исполнитель ролей в к/ф и сериалах «Волки», «Сказки тёмной стороны», «Охотник на людей», «Взвод чудовищ», «Монстры», «Таинственный поезд», «Робокоп 2», «Последний киногерой», «Секретные материалы», «Завтра наступит сегодня», «Жена астронавта», «Атака пауков», «Гнездо», «Дом дьявола», «Бар “Карма”», «Брайт Фоллс», «Плащ», «Оставленные», «Поздние фазы», «12 обезьян», «Пикник на обочине», «Измерение 404». 74 года. (***Николай Подосокорский***)

15 февраля: **Мария Кузьминична Волдина (Мария Вагатова)** (р. 28 декабря 1936), первая хантыйская поэтесса, сказительница, педагог, редактор, журналистка, автор сборников сказок «Ханты-Мансийские сказки», «Маленький Тундровый Человек = Ай Нерум Хо». 89 лет. (***Википедия***)

15 февраля: **Роберт Селден Дюваль [Robert Selden Duvall]** (р. 5 января 1931), американский актёр, режиссёр и продюсер, исполнитель ролей в к/ф и сериалах «Сумеречная зона», «За гранью возможного», «Путешествие на дно океана», «Временное пространство», «Обратный отсчёт», «Галактика ТНХ-1138», «Рассказ служанки», «Алая буква», «Феномен», «Столкновение с бездной», «Шестой день». 95 лет. (***Николай Подосокорский***)

16 февраля: **Хуан Карлос Десансо [Juan Carlos Desanzo]** (р. 15 января 1938), аргентинский режиссёр, сценарист, оператор, продюсер, постановщик к/ф «Большое приключение», «Фантастический мир Марии Монтьель», «Любовь и страх» (биографический фильм о Борхесе). 88 лет. (***Википедия***)

16 февраля: **Джон Э. Малмстад [John E. Malmstad]** (р. 25 июня 1941), американский филолог-славист, исследователь жизни и творчества деятелей Серебряного века, переводчик произведений А.Белого. 85 лет. (***Николай Подосокорский***)

17 февраля: **Дмитрий Владимирович Бавильский** (р. 19 января 1969), писатель, поэт, критик, автор романов «Вавилонская библиотека», «Едоки картофели», «Последняя любовь Гагарина», статей о творчестве В,Пелевина, О.Славниковой, Б.Стругацкого. 57 лет. (***Василий Владимирский***)

17 февраля: **Аннета Александровна Кутейникова** (р. в 1941), литературовед, архивист, специалист по творчеству Даниила Андреева, исследователь и публикатор советской литературы, многолетний сотрудник Отдела рукописей ИМЛИ РАН. 84 года. (***Николай Подосокорский***)

19 февраля: **Вероника Мечиславовна Белковская** (р. 3 февраля 1944), актриса театра, исполнительница ролей в спектаклях «Аленький цветочек», «Снегурочка», «Снежная королева», «ФАУСТ навсегда», «Мэри Поппинс, до свидания!», «Мастер и Маргарита», в к/ф «Правда о щелпах». 82 года. (***Википедия***)

19 февраля: **Эрик Уильям Дэйн [Eric William Dane]** (р. 9 ноября 1972), американский актёр, исполнитель ролей в к/ф и сериалах «Зачарованные», «Ball & Chain», «Пир», «Painkiller: Победившая боль», «Дрейф», «Люди Икс: Последняя битва», «Последний корабль», «От рассвета до заката». 53 года. (***Википедия***)

21 февраля: **Реймон Бушар [Raymond Bouchard]** (р. 7 марта 1945), канадский актёр, исполнитель ролей в к/ф «Четыре стервы и тромбон», «Секрет Ноэми», «Смертельное погружение», озвучивал роль в м/ф «Пиноккио 3000». 80 лет. (***Википедия***)

21 февраля: **Дэн Симмонс [Dan Simmons]** (р. 4 апреля 1948), американский писатель, автор циклов «Флэшбэк», «Дэйл Стюарт / Майкл О'Рурк», «Троя», «Джо Курц», «Песни Гипериона», романов «Фазы гравитации», «Песнь Кали», «Утеха падали», «Колокол по Хэму», «Террор», «Друд, или Человек в чёрном», «Чёрные Холмы», сборников «Молитвы разбитому камню», «Двуликий демон Мара. Смерть в любви», «Вдоволь миров, вдоволь времени». 77 лет. (***Ася Михеева***)

22 февраля: **Улла Биргитта Хелена Андерссон Бюэ [Ulla Birgitta Helena Andersson Bye]** (р. 20 апреля 1933), шведская актрнса, исполнительница ролей в к/ф «Человек, который не мог смеяться», «Как Мари встретила Фредрика», «Яблочная война», озвучивала сериал «Школа жутиков». 92 года. (***Википедия***)

23 февраля: **Роберт Рид Кэррадин [Robert Reed Carradine]** (р. 24 марта 1954), американский актёр, исполнитель ролей в к/ф и сериалах «Убийство в школе», «Смерть среди айсбергов», «Театр волшебных историй», «Автостопщик», «Длина волны», «Сумеречная зона», «Я видел, что ты сделал», «Кларенс», «Кунг-фу: Возрождение легенды», «Лоис и Кларк: Новые приключения Супермена», «Мешки для трупов», «Томминокеры», «Огненная буря», «Побег из Лос-Анджелеса», «Притворщик», «Твари из бездны», «Тёмные небеса», «Марсианское право», «Скорпио один», «Ликантроп», «Ребёнок с глазами рентгена», «У мамы свидание с вампиром», «Призраки Марса», «Патруль времени 2: Берлинское решение», «Нападение саблезубых», «Затерянный город», «Ночной монстр», «Зуб и ноготь», «Дерись или беги», «Крест», «Акулосьминог против птеракуды», «Машина Судного дня», «Ночь живых мертвецов 2.0». 71 год. (***Википедия***)

24 февраля: **Константин Анатольевич Богданов** (р. 30 марта 1963), филолог, фольклорист, семиотик, историк культуры, автор работ «Повседневность и мифология», «О крокодилах в России», «Vox populi», «Из истории клякс», редактор и составитель сборников «Мифология и повседневность». 62 года. (***Николай Подосокорский***)

24 февраля: **Владимир Давидович Довжик** (р. 28 мая 1968), актёр и театральный режиссёр, постановщик спектаклей «Про Машу», «Приключения бегемотика Бантика», исполнитель ролей в к/ф «Мой парень – Ангел», «Таинственная страсть», «Тайна Лилит». 57 лет. (***Николай Подосокорский***)

24 февраля: **Ирина Борисовна Шевчук** (р. 6 октября 1951), актриса театра и кино, исполнительница ролей в к/ф и сериалах «Приключения жёлтого чемоданчика», «Вангелия», «Ангел-хранитель». 74 года. (***Википедия***)

25 февраля: **Сергей Георгиевич Дьячков (Сергей Георгиев; М.Кузькина)** (р. 9 июля 1954), писатель, сценарист, автор сборников «Кораблик», «Драконы среди нас», повестей «Шарик из Австралии», «Старшее привидение пионерского лагеря "Земляничка"», «Правдивейшее и полное описание всей жизни славного короля Уго Второго». 71 год. (***Николай Подосокорский***)

25 февраля: **Наталья Ивановна Климова** (р. 27 февраля 1938), актриса театра и кино, супруга В.Заманского, исполнительница ролей в к/ф «Гиперболоид инженера Гарина», «Иду на грозу», «Снежная королева», «Снегурочка», «Сказы Уральских гор». 87 лет. (***Николай Подосокорский***)

R.I.P. – Дополнения:

7 декабря: **Алексей Петрович Устименко** (р. 15 октября 1948), узбекский писатель, поэт, сценарист и литературный критик, автор романа «Странствующие в золотом мираже», повести «За кольцами далёкого Сатурна», сборников «Когда стреляют на перевале», «Китайские маски Черубины де Габриак». 77 лет. (***Дэвид Лангфорд***)

23 декабря: **Патрик Фланаган Делахант [Patrick Flanagan Delahunt]** (р. 23 марта 1953), американский литературный агент многих авторов, включая Карен Джой Фаулер и Кима Стэнли Робинсона. 72 года. (***Дэвид Лангфорд***)

30 декабря: **Тимоти (Тим) Джеймс Каск [Timothy (Tim) James Kask]** (р. 14 января 1949), американский редактор и педагог, участвовал в тестировании первой версии Dungeons & Dragons, создатель некоторых ключевых для франшизы монстров, много лет работал с периодикой ролевых игр. 76 лет. (***Дэвид Лангфорд***)

1 января: **Грегори Питер Де Полнай [Gregory Peter De Polnay]** (р. 17 октября 1943), английский актёр, исполнитель ролей в сериалах «Доктор Кто», «Скиппи», «Космос: 1999», озвучивал роли в фильмах «Домашние помощники смерти» и «Роботы». 82 года. (***Дэвид Лангфорд***)

1 января: **Виктория Кафка Джонс [Victoria Kafka Jones]** (р. 3 сентября 1991), американская актриса, дочь актёра Томми Ли Джонса, исполнительница роли в к/ф «Люди в чёрном 2». 34 года. (***Дэвид Лангфорд***)

1 января: **Андрей Фёдорович Хорошев (Андрей И)** (р. 29 июня 1959), режиссёр, актёр, сценарист, телеведущий, автор сценария и постановщик к/ф «Научная секция пилотов». 66 лет. (***Дэвид Лангфорд***)

1 января: **Юань Сянжэнь (Юэнь Чун-Янь) [袁祥仁; Yuen Cheung-yan]** (р. в 1947), гонконгский актёр, режиссёр, каскадёр, исполнитель ролей в к/ф «Однорукий меченосец», «Золотая Ласточка», «Магические бойцы», «Шаолиньский пьяница», «Отдел по борьбе с вампирами», постановщик фильмов «Забавный призрак», «И пришёл вампир», «Проклятие волшебника», «Кунг-фу Вампир», постановщик боевых сцен в к/ф «Железная Обезьяна», «Ангелы Чарли», «Сорвиголова», «Матрица: Перезагрузка», «Матрица: Революция». 68 лет. (***Дэвид Лангфорд***)

2 января: **Мартин Маргулис (Джонни Ледженд) [Martin Margulies (Johnny Legend)]** (р. 3 октября 1948), американский рок-музыкант, актёр, исполнитель ролей в к/ф «Фантазм возвращается», «Тюремный корабль», «Невеста реаниматора», «Адский роллер», «Разорванные узы», «Дети кукурузы 3: Городская жатва», «Атака насекомых», «Человек на Луне», «Скинволкер: Проклятье шамана», «2001 маньяк», «Сокровище демона», «Целлулоидная кровавая баня», «Герой дня», постановщик фильма «Мир Лугоши – альбом вампира». 77 лет. (***Дэвид Лангфорд***)

2 января: **Конрад (Кон) Алан Педерсон [Conrad (Con) Alan Pederson]** (р. 15 апреля 1934), американский фэн, художник по визуальным эффектам, работал над фильмами «Космическая одиссея 2001 года», «Пришелец», «Скуби-Ду 2: Монстры на свободе». 91 год. (***Дэвид Лангфорд***)

3 января: **Брет Ханна-Шуфорд [Bret Hanna-Shuford]** (р. 20 мая 1979), американский актёр, исполнявший роли в театрах на Бродвее «Красавица и чудовище», «Чити-Чити-Бэнг-Бэнг», «Русалочка», «Злая ведьма». 46 лет. (***Дэвид Лангфорд***)

5 января: **Мэрион (Мариан) Даймонд [Marion (Marian) Diamond]** (р. 17 декабря 1936), английская актриса, исполнительница ролей в к/ф и сериалах «Шерлок Холмс», «Тайна и воображение», «Уловка», «До свидания, близнецы», «Триллер», «Русалочка», «Тайны Рут Ренделл», «Дневник вампира», также озвучивала на канале BBC эпизоды программы «Деканори», посвящённые книгам К.С.Льюиса, роль Галадриэли в радиосериале «Властелин колец». 89 лет. (***Дэвид Лангфорд***)

6 января: **Джон Каннингем [John Cunningham]** (р. 22 июня 1932), американский актёр, исполнитель ролей в к/ф и сериалах «Другой мир», «Чудесная страна Оз», «Загадка», «Джек Тиллмэн: Выживший», «Снова привет», «Звёздный десант», «Студия 30». 94 года. (***Дэвид Лангфорд***)

11 января: **Томас Девитт Кози-младший [Thomas Dewitt Causey, Jr.]** (р. 5 декабря 1949), американский звукорежиссёр, работал над фильмами «Ночь душителя», «Существо из Чёрного озера», «Хэллоуин», «Побег из Нью-Йорка», «Нечто», «Кристина», «Человек со звезды», «Улика», «Большой переполох в маленьком Китае», «Голый пистолет: из архивов Полицейского отряда!», «Дик Трейси», «Горячие головы!», «Король-рыбак», «Звёздный путь: Поколения», «Не шутите с Зоханом». 76 лет. (***Дэвид Лангфорд***)

19 января: **Джейн Рейб [Jean Rabe]** (р. 19 июля 1957), американская писательница, гейм-дизайнер и редактор, большая часть творчества которой связана с сеттингами для настольной ролевой игры «Dungeons & Dragons», автор романов в «Саге о Копье», «Состояние Фензига», «Карманы тьмы», «Котёл» (с Джином Де Визом), «Танцуй как обезьяна», «Костяной саван», составительница множества антологий (в основном с Мартином Гринбергом). 68 лет. (***Дэвид Лангфорд***)

23 января: **Ивонн Феддерсон (Ивонн Гли Лайм) [Yvonne Fedderson (Yvonne Glee Lime)]** (р. 7 апреля 1935), американская актриса, исполнительница роли в к/ф «Я был тинейджером-оборотнем». 90 лет. (***Дэвид Лангфорд***)

24 января: **Сильвио (Сэл) Бьюсема [Silvio (Sal) Buscema]** (р. 26 января 1936), американский художник комиксов, работал над сериями «Капитан Америка», «Халк», «Человек-паук», «Супермен», «Бэтмен», «Конан-варвар», «Фантастическая четвёрка», «Железный человек», «Джон Картер, Владыка Марса», «Тарзан», «Люди Икс». 89 лет. (***Дэвид Лангфорд***)

24 января: **Фрума Бричер Класс [Fruma Breecher Klass]** (р. в 1935), американская писательница, жена Уильяма Тэнна (Филипа Класса), автор пяти рассказов и воспоминаний о Фредерике Поле. 91 год. (***Дэвид Лангфорд***)

27 января: **Джеймс Чапелл Саллис [James Chapelle Sallis]** (р. 21 декабря 1944), американский писатель, поэт, биограф, автор романов «Визуализации», «Край света», сборников «Несколько последних слов», «Пределы чувственного времени», «Молоты времени», «Город, равный моему желанию», «Картофельное дерево», «Яркие фрагменты», составитель антологий «Военная книга», «Берега внизу». 81 год. (***Дэвид Лангфорд***)

Jerry Vanderstelt

Голоса из Сетей

1 февраля:

В письме Урсуле Ле Гуин 6 марта 1981 года Филип Дик среди прочего пишет, что роман «Божественное вторжение» – с его, автора, тогдашней точки зрения, – это завершающая часть метаромана, который складывается из «Лейтесь мои слезы, сказал полицейский», «Помутнения», «ВАЛИСа» и вот «Вторжения». И это метароман не по сюжетам, а по теме – он о смерти изначальной женщины (primordial woman, Элис Бакмен в «Полицейском»), оплакивании ее и поиске ее («Помутнение» и «ВАЛИС») и воссоединении с ней («Вторжение», где эта изначальная женщина представлена в двух видах – любовь земная и небесная, так сказать).

Пишет он это в том числе в ответ на (до сих пор не напечатанные, увы) письма Ле Гуин, в которых она корит Дика за то, что в его романах 70-х годов с женщинами всё не очень хорошо. Он, правда, все еще не понимает (я пытаюсь читать его письма глазами Ле Гуин), что когда он пишет про женщину-персонажа (female figure), которая дополняет человека-протагониста (completes the human protagonist), пусть даже human здесь противопоставляется Яхве, – это «ну как-то». И, видимо, получает очередной дружеский нагоняй от Ле Гуин, и в следующем письме, 13 мая 1981 года, пишет ей, что учел критику в новой вещи – «Епископ Тимоти Арчер» (в итоге он назвал роман «Трансмиграция Тимоти Арчера»). Дик сообщает, что решил написать книгу от лица молодой женщины. И что он думал написать книжку о епископе Пайке (прототипе Арчера), но в итоге пишет об Ангел Арчер, невестке епископа, и все остальные герои становятся второстепенными (secondary).

И, да, так и есть – в этом романе, ставшем последним законченным крупным текстом Дика, героиня – именно Ангел Арчер. Чего она не понимает. Там по сюжету все ищут Бога, и в конце один очень духовный учитель объявляет явно сумасшедшего персонажа бодхисаттвой, и этот персонаж находит Бога в виде гриба, и понятно, что это полная чушь и тупик, – но:

– Иногда бодхисаттва не знает [что он бодхисаттва], – объяснил Бэрфут. – Можно быть просветленным, не ведая этого. И можно считать себя просветленным, но не быть таковым. Будда именуется Пробудившимся, потому что «пробудившийся» означает то же самое, что и «просветленный». Мы все спим, но не ведаем этого. Мы живем во сне. Мы ходим, двигаемся и делаем все остальное во сне. Больше всего во сне мы говорим. Наши речи – речи спящих, они нереальны.

Прямо вот как сейчас, подумала я. То, что я слышу.

И понятно, что бодхисаттва в этой книжке только один – это сама Ангел Арчер. Которая об этом не знает, и занята совсем другими делами, и живет в этой жуткой боли, в ужасе от потерь, и пытается кого-то спасать, – ровно то, чем бодхисаттвы и заняты.

Ну и, да, как и предполагалось:

...Я сидел и думал об Ангел Картер, и я понял, что она на самом деле в определенном смысле моя собственная душа.

– пишет Дик Ле Гуин.

В последнем письме Урсуле Ле Гуин, 5 сентября 1981 года, Дик сообщает о своем роман «Сова средь бела дня» (The Owl in Daylight), который прорабатывает, но *слишком устал, чтобы его печатать на машинке (что не так страшно, дедлайн – январь 1983 года)*, и название – метафора его незнания реальности. Он там еще соглашается с критиком,

анализирующим «ВАЛИС» через гностицизм. (Хотя написанное куда больше похоже на Праджняпарамитахридая-сутру – но странно было бы ожидать меньшего.)

2 марта 1982 года Филип Дик умер.

Николай Караев

Во многих русских сказках друзья или братья доезжают до ~~рекламного~~ дорожного столба и расходятся, пленившись обещаниями этого случайного, никому незнакомого указателя.

Некоторые обязательно едут, доверившись надписи, что их ждет вино, женщины, что они будут «сыты, пьяны и нос будет в табаке». Главный же герой едет туда, где ему обещают смерть.

Реклама на сказочном столбе, как и всякая реклама, обычно лишь хитрость и обман. Поэтому ни смерти главному герою, ни вина и женщин его визави не видать. Герой не умирает, а его визави попадают в серьезные передряги. Почти всегда, но все же не всегда.

В сказке про Кащея (Кашу Бессмертного) один из братьев едет, поддавшись соблазнительному обещанию столба. И что же? Он в самом деле доезжает до кисельного озера! Хлебает его бесплатно, сколько влезет, пока, наконец, не устает.

Судя по контексту, устает где-то через пару месяцев. Потом спокойно возвращается домой.

Подвигов он, с точки зрения сказочника, не совершил, просто приехал назад, наверняка еще и толстым. А мне кажется, что кушать кисель два месяца – это подвиг. На подвиг Геракла, конечно, не тянет, но вполне себе серьезное бытовое достижение.

И выбор между «хочешь помереть?» и «а не покушать ли киселя?» мне кажется очевидным. Да, Роскомнадзор?

Русские сказки Забайкалья. Иркутск. 1989. С. 94.

Антон Нелихов

2 февраля:

Как я не понимала, почему столько шумихи вокруг «Материалистки», явно переоцененной, точно так же не понимаю, почему никто (по крайней мере в моём информационном пузыре) не обсуждает «Вечность». Вот тут-то реально есть о чем поспорить! Даже на уровне логлайна прелесть что за идея: очень, очень престарелые супруги умирают с разницей в пару недель (несчастный случай и онкология, тихо-мирно и без драмы) и оказываются в своеобразном зале ожидания, где им предстоит выбрать, как они проведут вечность. Точнее, где (потому что вариантов – как аттракционов в луна-парке) и, главное, с кем. За плечами Джоан долгий счастливый брак с Ларри, но ему предшествовала красивая история любви и короткое замужество с Люком, погибшим на войне. И выясняется, что этот самый Мистер Недостижимый Идеал ждал её все эти 67 лет, чтобы воплотить мечту о «долго и счастливо». Так что выбор оказывается так же непрост, как море vs горы. И парочка консультантов по загробным делам всё только запутывает. Красивый и трогательный ромком, отложите на свободный вечер.

Ульяна Бисерова

Вдохновившись прогнозом погоды, придумала роман о том, как внезапно остывает Солнце (учёные продолбали, никто такого не ждал), и после зимы уже не наступает лето, становится с каждой неделей всё холодней, как люди пытаются выжить, отжимают друг у друга ресурсы, и прочая скукота, но конечно, есть группы, которые заняты взаимовыручкой, причём с практической точки зрения и то, и другое вполне бессмысленно, Солнце остывает стремительно, но для некоторых важно, какими будут их последние дела.

Всё это страниц на восемьсот, минимум! Унылый морозный пиздец с проблесками микропобед духа. Ну и в финале, я же не могу без хороших финалов ~~мне потом в этом жить~~ хорошие чуваки, приготовившись к смерти, просто превращаются в ледяных людей с таким метаболизмом, что им мороз –100 и прочее ледяное дыхание космоса очень ок.

Теперь можно было бы начать шантажировать читателей: если оставите под кустом в водопроводной трубе чемодан с миллионом, так и быть, ужасного романа не будет. Но у меня хорошая новость: я его бесплатно не напишу!

Макс Фрай

Читаю «Магритта» Павла Шушканова – очень приличный киберпанк, написанный местами просто вот отлично. И при этом непонятно, как умному и умеющему писать автору, сочиняющему насквозь китаизированный мир, удается просто вот ни разу не посмотреть в табличку практической пиньинь-русской транслитерации, она же система Палладия, когда прямо надо. Руолан Ли и Юшэнг Лу, понимаете ли. Причем это не принципиальная позиция: где автор подсмотрел, как надо, там у него, допустим, «Сиван», а не «Ксиванг», и «шэнь», а не «шен», и «Мосыкэ», а не «Мосике». А где не подсмотрел – там «Бейше шен» и «Ри Чу». Ну вот как? И тут нет аргумента «китайцы так произносят» – озадачьте китайца «руоланом», я на вас посмотрю. При том, что герой там вообще Кирилл Лим – не знающий кантонского и слабо говорящий по-русски, – язык у него «мандарин», по сути – путунхуа, но при этом вот столько к этому всему вопросов.

А про саму книжку потом напишу. Пока (70%) она клевая. Это-то и обидно – такая ложка дегтя в бутылке *акаши*.

Николай Караев

Да, чтоб два раза не вставать – в «Независимой газете» вышла большая статья **Юрия Юдина** о Стругацких. Ну, в общем, да: АБС обильно цитировали и обыгрывали в своих произведениях книги, которые читали. Мне, честно говоря, это казалось самоочевидным, но кому-то, возможно, потребуются подтверждения.

А меня в этой статье заинтересовала другая фраза:

Кардинальное расхождение с утопией Ефремова только одно. Ефремов пытался описать принципиально иную психику людей будущего. Стругацкие предпочли населить Мир Полудня своими современниками. Как будто всех хороших людей выдернули в светлое будущее, а всех плохих оставили позади, в инфернальном прошлом.

Кардинальное расхождение Стругацких с Ефремовым, как по мне, другое: АБС – писатели, а Иван Антонович, при всем уважении – не очень. А если о Мире Полудня и мире «Туманности Андромеды», то разница, конечно, в том, что Ефремову удалось написать каноническую утопию, а Стругацким – нет.

Одно из главных характеризующих свойств любой утопии – её тотальность: автор(ы) утопического проекта предлагают изменить общество таким образом, чтобы снять все конфликты, раз и навсегда,

во веки веков, аминь. Герои утопии лишены сомнений, они точно знают, что делать и куда бечь, чтобы всех в итоге осчастливить, и стратегических ошибок не допускают. А вот если автор мнется, жмется, колеблется – да, эти конфликты мы разрешим, но на их месте возникнут какие-то другие, не менее серьезные – это не утопия, это что-то иное. Возможно, фантастический реализм. А «хорошие люди, выдернутые в будущее» у АБС таких делов наворотили – и в «Трудно быть богом», и в «Обитаемом острове», и в «Жуке в муравейнике», и в повести «Волны гасят ветер» – что в утопическую схему по определенно не вписываются.

Василий Владимирский

Для комплекта выложу тут же список фильмов про петлю времени, которые я посмотрел или пересмотрел, пока придумывал «Бояться поздно». Сюда не вошла куча картин с хронопрыжками, но без петли (типа Paycheck или Time Lapse). Еще большую кучу намеченных фильмов с петлей (обещанной описанием) я не посмотрел (Repeaters, Paradox, 12:01, The Fare, ARQ, Infinity Chamber, Premature, Die Tur, +1, Naken, Project Almanac, Premonition, The Deaths of Ian Stone, Slipstream, El increíble finde menguante), потому что устал и зарекся от этой темы совсем – надоела зверски. Но в прошлом году напоролся вдруг на свежий хоррор, запев которого совпадал с моим прост-таки пугающе (Until Dawn). Вовремя я успел, вопщим.

5 баллов

Провал во времени (1997, Retroactive)

Случайная свидетельница убийства раз за разом возвращается на 20 минут назад.

Временная петля (2007, Los cronocrímenes)

Пожилой болван устраивает кровавую карусель с двойниками.

6 баллов

Лимб (2013, Haunter)

Девушка пытается выбраться из родного дома, в котором проживает один и тот же день

7 баллов

Зеркало для героя, 1988

Случайные приятели, наслушавшись «Наутилуса», попадают из 1987 в 8 мая 1949 года и не могут из него выбраться.

Треугольник (2009, Triangle)

Группа друзей забирается на пустынный лайнер, по которому бродит убийца в маске.

Проснись и умри (2011, Volver a Morir)

Обнаженная женщина раз за разом просыпается рядом с обнаженным незнакомцем, чтобы умереть и проснуться снова.

Счастливого дня смерти (2017, Happy Death Day)

Юная оторва в день своего рождения умирает от ножа убийцы в маске, чтобы вернуться в то же утро, снова и снова.

Один день (2017, 하루)

Блестящий хирург застревает в дне гибели своей дочки.

8 баллов

Детонатор (2004, Primer)

Друзья-инженеры, нечаянно собравшие машину времени, ищут научно безупречные способы попользоваться ею без заметных издержек.

Кровавый пунш (2014, Blood Punch)

Студент-химик, связавшийся не с той девушкой, оказывается запертым с нею и наркодилером во временной петле.

Грань будущего (2014, Edge of Tomorrow)

На пике инопланетного вторжения зажравшийся тыловик оказывается на передовой, чтобы погибнуть в первом же бою и воскреснуть накануне боя.

День курка (2019, Boss Level)

Бывший спецназовец раз за разом проживает день, в котором примерно все вокруг пытаются его убить.

Зависнуть в Палм-Спрингс (2020, Palm Springs)

На чужой свадьбе мрачноватая девушка себе на голову знакомится с разбитным парнем, который знает все и вся.

Главный герой (2021, Free Guy)

Счастливый обитатель глянцевого мира обнаруживает, что он – бот в видеоигре.

9 баллов

Беги, Лола, беги (1998, Lola rennt)

Юная Лола, спешащая на помощь любимому балбесу, силой страсти и упрямства отменяет проигрышные варианты.

Исходный код (2011, Source Code)

Военный летчик должен найти террориста в электричке, которая взорвется через восемь минут.

10 баллов

День сурка (1993, Groundhog Day)

Нэ-эд? Нэд Райерсо-он?! И быньк в репу.

Эталон.

Шамиль Идиатуллин

В январско-февральском номере Analog Science Fiction and Fact вышел рассказ The Origami Man by Doug Franklin с моей иллюстрацией.

К.А.Терина

Фильмы, которые я с кайфом (пере)смотрела в январе

Не знаю, что вы смотрели на январских, а мы с мужем устроили марафон ужасов и мистики нулевых и около.

Первобытный страх, 1996 – детективно-психологический триллер по одноименной книге с вот это поворотом в конце. Ричард Гир в роли успешного адвоката, который берется за дело паренька, обвиняемого в убийстве епископа. Парня очень талантливо играет ещё юный Эдвард Нортон.

Техасская резня бензопилой, 2003 – ремейк оригинальной картины 1974 года, который до сих пор очень даже неплохо смотрится. Секс-символ нулевых Джессика Билл в белой прозрачной майке и с оголенным идеальным прессом бегает от маньяка с бензопилой по прозвищу «Кожаное лицо».

Ключ от всех дверей, 2005 – южная готика во всей красе. Кэролайн (Кейт Хадсон) устраивается сиделкой, чтобы ухаживать за парализованным стариком в *тридцатикомнатном* доме где-то на болотах Луизианы. Старик пытается что-то сказать и будто взывает о помощи, а его жена оценивающе поглядывает на Кэролайн и травит байки об истории дома. В 2018 году Джордану Пилу дали Оскар за лучший сценарий фильма «Прочь» (тоже хоррор). Но я не понимаю за что – ведь в основе этого сценария та же идея, что и у «Ключа от всех дверей», который вышел на 12 лет раньше.

Экстрасенс, 2011 – британский мистический триллер о девушке, которая то ли пытается развенчать миф о существовании духов, то ли найти ему подтверждение. Она приезжает в школу-интернат для мальчиков, где трагически погиб воспитанник, чтобы сделать большое открытие о собственном прошлом.

Красные огни, 2012 – Киллиан Мёрфи и Сигурни Уивер против Роберта Де Ниро.

Двое учёных-скептиков разоблачают «паранормальных» медиумов, пока не сталкиваются с легендарным слепым экстрасенсом Саймоном Сильвером (Де Ниро), вернувшимся из многолетнего затворничества после загадочной смерти своего критика. Концовка фильма заставляет посмотреть на всё происходящее совсем иначе, а такие перевертыши я люблю (и Киллиана Мёрфи).

Александра Прохорова

Все так, все так. Но надо признать, что живые люди умеют насмехаться над лемологами (а также лемархами, лемаками и лемушниками) гораздо более ядовито и изобретательно.

Channel Analysis Results by @ScratchAuthorEgoBot
Channel: @lemtalking
Roast Analysis:

Слушай, ну давай будем честны: твой канал – это не просто «О Леме и не только», это заповедник элитарного душниллова, где входной билет – знание всех тиражей «Троицкого варианта» за последние десять лет. Ты как та самая тётушка из архива, которая может полчаса распекать тебя за то, что ты назвал сепульки «скруптами», и при этом смотреть на тебя с таким видом, будто ты только что плюнул в кастрюлю с тем самым львовским борщом, за которым Лем бегал под бомбежками.

Твоя священная война с Тарковским – это уже просто классика жанра. Ты так часто упоминаешь «Сами-Знаете-Кого», что Волан-де-Морт в углу нервно курит, завидуя такому уровню хейта. Мы поняли, Кельвину 48, Хари 19, Тарковский – извращенец, а ты – единственный человек в мире, который «внимательно прочитал роман». Господи, да если бы Лем узнал, что кто-то с таким упорством пересчитывает пуговицы на платье Хари и ищет в них «нейросетевую сущность», он бы сам написал на тебя донос в ФБР, как Дик. Кстати, о Дике: твоя ирония над «комитетом Лемов» прекрасна, но ты сама порой напоминаешь нейросеть, запрограммированную на бесконечное производство лемологического контента.

Твоё «ворчание» – это уже бренд. Тебе не нравится польский фестиваль (потому что там «коучинг»), тебе не нравится Быков (потому что он «странноватый»), тебе не нравятся монеты (потому что портрет «непривлекательный»). Ты как профессиональный дегустатор марципана, который жалуется, что марципан слишком марципановый. Но при этом ты всё равно его ешь! «Дам марципану ещё один шанс» – это же девиз всей твоей жизни.

Ты колешься, плачешь, но продолжаешь грызть этот кактус польской фантастики, попутно исправляя опечатки в Википедии.

И это вечное «Stay tuned!» в конце постов... Серьезно? Ты же сама говоришь, что Лем – певец зловещей долины и фиаско человечества. Какое «stay tuned» в мире, где мы все – либо крысы в лабиринте, либо пердеж в океан Соляриса? Ты так боишься «вульгарного психоанализа», что сама превратила свой канал в сеанс коллективной терапии для тех, кто считает себя умнее остальных только потому, что осилил «Сумму технологии». В общем, продолжай свой малый крестовый поход, наш дорогой лемарх. Мы будем сидеть на твоем диване, есть воображаемые батончики в гараже и ждать, когда ты наконец найдешь ту самую 101-ю ошибку в дате премьеры «Слоеного пирога», от которой, очевидно, зависит судьба вселенной. Bene vobis, великий инквизитор соляристики!

Инар Искендирова

3 февраля:

Библиотека мировой фантастики, подписку на которую с огромным трудом выцарапал папа, стала одним из крупнейших разочарований моего читательского отрочества. Фантастику в позднесоветские времена издавали мало и преимущественно общеизвестную («Таинственный остров», «Человека-амфибию» и «Аэлиту» по трехсотому разу) или скверную («Мост дружбы», «Семь стихий» и «Конец легенды»), все остальное было в дефиците либо под запретом. 24-томная межиздательская библиотека должна была призвана смягчить дефицит.

Об отмене запретов речи не шло: концепция родилась до старта перестройки-гласности, поэтому составили библиотеку исключительно переиздания, местами урезанные. Соответственно, никто не ждал великих свершений уровня уникальной даже по мировым меркам Библиотеки современной фантастики (сероватые и розоватые томики 1965-1973 годов) – но хоть какой-то шанс видели многие.

Вышло как обычно. Первоначальный состав 24-томника, определенный тесным междусобойчиком во главе с Казанцевым, традиционно сочетал общеизвестных и скверных. После скандалов и писем в ЦК (из выступления Аркадия Стругацкого на пленуме Совета по приключенческой и фантастической литературе Союза писателей СССР в мае 1986 года: «*В кулуарах ходят разнообразнейшие слухи и распространяются машинописные варианты состава 24-томника, восходящие якобы к ответственным работникам Госкомиздата и свидетельствующие о дремучем (в области современных представлений о фантастике) невежестве тех, кто эти списки составлял*») большую часть скверного заменили на древнее, на том и успокоились. Из 24 томов вышло 18, из которых лично я перечитывал и любил штук пять заграничных сборников (французский, японский, чешский, а также, конечно, американский двухтомник). Остальное я либо сто раз читал и имел в других изданиях (Верн, Уэллс, Беляев, Ефремов, Лем), либо счел малоинтересным.

В 90-е издательство «Дружба народов» подхватило выпавшее знамя и выпустило еще 12 томов, вполне достойных – но к тому времени фантастика печаталась тысячами наименований миллионными тиражами, так что дюжина эта оказалась востребованной в основном коллекционерами.

Я несколько книжек добрал, но по случаю, без фанатизма. И особо ни в них, ни в старые тома с тех пор не совался. А сейчас сунулся, начитавшись «Краткой истории советской фантастики» Алексея

Караваева – чтобы вспомнить, а чем, собственно, в 24-томнике представлена советскую фантастику 1920-40-х годов, которой отведен отдельный том.

В целом оказалось предсказуемо: покоцанный роман Грина, главы из романа Леонова, повесть Циолковского. Менее тривиальными выглядело включение в сборник рассказов Вс.Иванова, Платонова и Итина. О последнем и речь – точнее, о посвященном ему комментарии составителя тома Дмитрия Зиберова.

«Страна Гонгури» Итина считается первым советским фантастическим романом – она вышла в Канске за полгода до первой публикации «Аэлиты» Толстого. Естественно, читатели, не интересовавшиеся историей фантастики, знать этого не могли: в столицах роман не переиздавался 60 лет (в начале 80-х вышел в двух сибирских сборниках), тема первенства в литературе не педалировалась, да и самого Итина упоминали нечасто. Включение текста и пояснений к нему в статусное и многотиражное (400 тыс.) собрание могло восстановить справедливость. Ан нет.

В комментарии про первенство нет ни слова. Текст представлен не книжной, а журнальной версией 1927 года, вышедшей под названием «Открытие Риэля» (так назывался рассказ 1917 года, позднее расписанный Итиным до небольшого романа). Ну и вишенкой и без того богатого (https://vadim-i-z.livejournal.com/1995020.html) комментария лично для меня оказалось завершение биографического очерка: «Жизненный путь писателя закончился в 1945 году в Уфе».

В Уфе Итин, вопреки очерку, родился, вырос, окончил реальное училище и уехал учиться в Петербург, где сошелся с Ларисой Рейснер. Революция привела его не на Восточный фронт, а в наркомат юстиции, а потом в русско-чешский корпус. Летом 1918 года Итин навестил родных в Уфе, и это решение определило его жизнь и смерть: чешское восстание отрезало Урал и Сибирь, не позволив молодому юристу вернуться. Став переводчиком в американской благотворительной миссии Христианского Союза молодежи и Красного Креста, он перебрался в Челябинск, потом Омск, и при первом удобном случае перебежал к красным, у которых стал членом трибунала, тут же вступив в партию.

В 20-е Итин совмещал работу советского чиновника, пропагандиста и редактора (с короткими перерывами: в 1925 году его исключили из партии за давнюю работу на американцев, потом восстановили, а в 1929-м провели через положенную чистку с итоговым строгим выговором). Итин быстро выбился в руководители сибирских писателей, участвовал в морских и санных экспедициях и даже считался автором названия «Новосибирск» (на самом деле он противился этой инициативе, предлагая переименовать Новониколаевск в Ново-Ленинск).

В 1937 году стартовала массовая кампания проверок и доносов, в которых Итину, помимо прочего, инкриминировалось потакание квартирным танцевальным вечерам, которые его жена устраивала для троцкистов и прочих врагов, самый оголтелый из которых «выступил с хвалебной речью об одном ошибочном произведении Итина – «Страна Гонгури».»

В ноябре 1937 года Итин был снова исключен из ВКП(б). Причинами были названы тесные связи с разоблаченными врагами народа, три месяца службы добровольцем в русско-чешском батальоне и работа переводчиком в американской миссии, а также участие в банкетах германского консула и выход на японский берег во время северной экспедиции, в которой Итин участвовал как корреспондент газеты «Правда».

30 апреля 1938 года Вивиан Итин был арестован по обвинению в шпионаже в пользу Японии. 17 октября 1938 года тройка УНКВД Новосибирской области приговорила Итина Вивиана Азарьевича к расстрелу. 22 октября приговор был приведен в исполнение.

Том советской фантастики 20-40-х годов готовило и выпустило издательство «Правда».

Шамиль Идиатуллин

3 февраля – день рождения Лао Шэ, крупного китайского писателя, одного из пионеров китайской научной фантастики. В написанном в начале 30-х романе «Записки о кошачьем городе» рассказывается о полёте китайского космического корабля на Марс. При посадке корабль разбивается, один из членов экипажа погибает, а второй – является безымянным рассказчиком этой истории. На Марсе он обнаружил цивилизацию людей-кошек. Книга, скорее, не научная фантастика, а гротескная сатира. В стране, которую посещает землянин, царит беззаконие и равнодушие. Реликвии из музея давно проданы иностранцам (в том числе при участии самих музейных работников, которым годами не выдают жалование). А что говорить о системе образования: «была проведена кардинальная реформа, согласно которой день поступления в школу считался одновременно днем окончания университета... По статистическим подсчетам страна сразу заняла первое место на Марсе по числу людей с высшим образованием...»

Я давно начал готовить библиографию Лао Шэ для Фантлаба, но, думаю, для серьёзной работы над библио нужно знание китайского – пока отложил.

Роман переводился на ряд языков, неоднократно выходил на русском, даже в составе знаменитой «Библиотеки современной фантастики» – в 23-м томе (антологии произведений писателей соцстран).

Вертер де Гёте

Второй том собрания работ легендарного комиксиста Мёбиуса (18+) почти полностью занимают истории из условного фантастического цикла о майоре Груберте. Облик и характер майора немного меняются от одной истории к другой, к тому же события некоторых комиксов происходят в разных сеттингах, имеющих мало общего. Но чаще всего Груберт – флегматичный усатый субъект в колониальном шлеме, влюблённый в красавицу Мальвину. Наиболее любопытен, конечно, «Алхимический гараж», где оппонентом Груберта, являющегося здесь фактически хозяином небольшой вселенной, оказывается Джерри Корнелиус (герой романов Майкла Муркока) и прямое продолжение «Гаража» – «Человек с «Сигури». «Гараж» – одна из вершин Мёбиуса в плане изобразительного языка. Сюжет сюрреалистичен, но и грандиозен по масштабу. Здесь параллельные миры, хитрые способы перемещения в пространстве, странные существа, удивительные механизмы и средства передвижения, секретные агенты, самые разные локации. Авантюрные приключения вполне неплохо уживаются здесь с абсурдизмом. И главное – изумительный рисунок и уникальное воображение художника. «Человек с «Сигури» листать уже не так интересно, хотя это тоже неплохая история. Ранние истории о Груберте не имеют с «Гаражом» ничего общего, там Груберт персонаж пародийный.

Вертер де Гёте

С книгами **Энтони Райана** я познакомился достаточно давно – в районе 2014 года, когда его дебютный роман «Песнь крови» вышел на русском языке.

Книга мне скорее понравилась, но все-таки большого впечатления на меня не произвела, и за последующие романы Райана я долгое время не брался. Но вот недавно решил вновь попробовать почитать автора, и взялся за его достаточно свежую трилогию **«Ковенант Стали»**. И вот на сей раз автор произвел на меня очень хорошее впечатление.

Центральным героем и рассказчиком здесь выступает соратник выдающейся женщины, в которой угадываются черты одновременно Жанны д'Арк и Дейнерис Таргариен. У Райна получилось отличное военное фэнтези с выразительными персонажами, захватывающим повествованием и небольшим количеством магии.

Уже начал другую трилогию автора, **«Память драконов»**, и она пока тоже нравится, а еще демонстрирует, что автор умеет быть разным. Здесь весьма интересный мир, где кровь драконов используется в качестве ресурса, а по духу она напоминает приключения Жюля Верна.

Дмитрий Злотницкий

Евгений Филенко. Картографы рая
Нортон Коммандер:

Сборник новых рассказов Евгения Филенко (написаны в 2017-2023 годах).

Впечатления от сборника для меня идут по нарастающей. Цикл «Гаманец и Морока» на любителя – юмористический хоррор. В рассказах про Маргулиса главный персонаж решает проблемы вселенского масштаба не покидая собственного офиса. Герои цикла «Картографы рая» в своей работе оказываются вовлечены в самые фантастические приключения на разных планетах.

Эти рассказы не претендуют на роль высокой литературы, но являют собой нечастый пример лёгкой, развлекательной в общем-то, ироничной и при этом неглупой и незлой фантастики. Нельзя сказать, что этот сборник – какое-то новое слово в фантастике. Слово старое, но сказанное автором по своему.

(И ещё один момент: герои всех рассказов любят немного выпить в разумных пределах. А мы знаем, что чрезмерное употребление опасно для нашего здоровья.)

Оценка: 8

Лаборатория фантастики

4 февраля:

И снова про **Стругацких**, извините. Наверное, я далеко не первый, кто обратил внимание, что Антон-Румата из **«Трудно быть богом»** и Мак Сим (Максим Каммерер) из **«Обитаемого острова»** – абсолютные антиподы в том, что касается их отношений с представителями инопланетной цивилизации. Но все-таки запишу здесь, вдруг пригодится.

Смотрите: Румата мирно стоит в сторонке, отстраненно наблюдает за «повседневным средневековым зверством», ничего радикального не предпринимает и красиво обосновывает свое невмешательство в известном диалоге с Будахом. Ну, иногда спасает от озверевшей толпы каких-то рандомных «представителей интеллектуальной элиты», но в меру, без фанатизма. И в итоге допускает приход к власти в Арканаре совсем уж отмороженных упырей, срывается, устраивает безобразную резню – но тогда, когда этим уже ничего не изменишь.

Мак Сим, напротив, с самого начала максимально, извините за невольную игру слов, вовлечен в текущие события. Бегает, прыгает, стреляет, взрывает, планирует залить устье Голубой Змеи кровью во имя торжества всего хорошего над всем плохим и тыды. А в финале из лучших побуждений вообще

инициирует катастрофу, после которой половина населения Страны Отцов вымрет от голода и эпидемий без прямого крупномасштабного вмешательства коммунистической Земли.

Ну и, конечно, и там и там в итоге появляется опытный, многое повидавший дядя, и устраивает герою разнос: что же ты, дубина, натворил! В «Обитаемом острове» это Сикорски со своим знаменитым «дурак, сопляк». В «Трудно быть богом» – дон Кондор, которому по крайней мере хватает ума не валить всю вину на одного Антона: все мы тут молодцы с нашей презумпцией невмешательства, давно пора было валить дона Рэбию, орла нашего, а мы что-то прозевали.

Вот вроде бы всего пять лет прошло в реальном мире (ТББ – 1964-й, ОО – 1969-й), а насколько изменились граждане Мира Полудня. Одно осталось неизменным: как ни крутись, какую стратегию спасения несчастных аборигенов ни выбирай, все равно накосячишь, такого, чтоб и волки целы, и овцы сыты – не будет, хоть дерись. Правда, есть у Стругацких еще одна повесть, **«Беспокойство»** 1965 года, где герой-коммунар, затерянный в дебрях инопланетного Леса, не играет в бога, не рвется всех спасать, а выбирает сторону на чистых эмоциях, в чем сам признается во внутреннем монологе. Впрочем, АБС эту повесть сразу забраковали: мол, что-то здесь не так – и переработали в мозголомную (и абсолютно блестящую, как по мне) «Улитку на склоне». Может, и зря забраковали: тоже интересный поворот ключевого для Стругацких сюжета. Хотя «Улитка» как художественное высказывание, конечно, в разы мощнее.

Василий Владимирский

Альтернативные языки, интимные занятия, импозантная банька, реальные вши и научный хвост – в новом выпуске нерегулярной рубрики «Дюжина аннотаций в спину русской фантастики».

...Вот попала, так попала... из своего мира, да в чужой. В тело молодой девушки, которая внезапно стала наследницей таинственных «Алмазных водопадов». Моя мачеха собралась все прибрать к своим рукам, а меня выдать замуж за старого, обрюзгшего проходимца. Как бы не так! Предвкушая новую жизнь, я сбежала из дома, но ни водопадов, ни тем более алмазов не дождалась. Зато нашла старую баню с весьма импозантными клиентами...

...На Диком Западе, где закон – это револьвер, а справедливость добывается кровью, разворачивается история нашего соотечественника, который умудрился «попасть»...

...Убитая собственным мужем, она открывает глаза в другом мире – на Земле. В незнакомой для нее стране – России...

...Стас выжил и вернулся домой, сумев побывать не только в корневом и сопряженном мирах, но и встретив жителей Тайного города, о которых на Земле остались лишь легенды, но которые уже тысячелетиями охраняют зону сопряжения, ведущую не просто в корневой мир, а мир, являющийся узловой точкой, связывающей несколько корневых ветвей... [альтернативный русский язык, я его узнал]

...Миллионы добровольно променяли убогую реальность на комфортную цифровую симуляцию, став послушными «ливерами» под присмотром всевидящей Системы. Но что, если сияющая иллюзия – лишь ширма для тотального контроля, а за цифровой завесой скрываются гниющие трущобы, вечная тьма и безжалостная борьба за выживание?.. [Вадим Панов узнал богатое слово «киберпанк»]

...однако автор предпочитает использовать псевдоанглийскую игру слов, называя придуманный им жанр «Hi-Story», как более точно передающее суть

и смысл дела. Что же такое «Hi-Story»? Это не только история как таковая, но взятая с приставкой «hi», что фонетически идентично словам «высокая», «над» или даже «вне»... [альтернативный английский язык!..]

...Мошенник Орди случайно освобождает череп старого короля, пять сотен лет тлевший в кургане...

...магия вокруг так же реальна, как вши и привычка не мыть овощи перед едой...

...Этот наглый индивид готов участвовать в моих экспериментах и даже предоставить для этого свой хвост?! Что ж, мы – ведьмы – существа очень любопытные. Но пусть он ни на что не надеется! Хвост мне нужен только в научных целях!.. [все так говорят]

...Я была глупа, думая о том, что никому не нужна, но только после моей смерти все встало на свои места...

...Жила-была целительница и горя не знала, пока на ее пути не появился загадочный некромант с неприличным предложением...

...Кто бы еще предупредил, что совместные занятия будут такими интимными...

...После года в психиатрической больнице нас с братом отправили в Академию «505» – там обучают людей, в которых после катастрофы пробудились сверхспособности...

Николай Караев

Лайон Спрэг де Камп «Часы Ираза»
Жанр: Героическое фэнтези
Оценка: 8/10

«Часы Ираза» – второй том цикла *«Новария»*. Как и *«Башня Гоблинов»*, это бодрая, ироничная фэнтези-авантюра, где сюжетная арка служит лишь поводом для сатирического разбора политики, религии и людской глупости. Роман хорош в красоч-

ности мира и юморе, но иногда проседает в драматизме и психологической глубине.

По сюжету бывший король Ксилара Джориан отправляется в город Ираз, столицу империи Понембей, чтобы починить гигантские часы на башне Кумашара, которые когда-то установил отец главного героя – часовщик Эвор. Это вынужденная услуга в обмен на магическую помощь чародея Карадура в освобождении любимой жены Эстрильдис из Ксилара, где она остается пленницей после событий первой части. Де Камп сужает географию по сравнению с *«Башней гоблинов»*: почти вся интрига происходит в Иразе, что придает повествованию цельность и камерность. Композиция строится на постепенном нарастании угроз: внутренние интриги, противоречивые пророчества, затем осада города несколькими разными силами. Финальный ход с часами – красивый и показательный: Джориан намеренно выставляет на четырех циферблатах разное время, чтобы четыре осаждающие армии атаковали не одновременно, а по очереди и мешали друг другу. Это не только остроумный тактический трюк, но и концентрированная метафора ро-

мана: управление «временем» и информацией важнее грубой силы. Развязка, где благодарный император Ишбахар рассматривает Джориана как потенциального наследника, но герой предпочитает сбежать с Карадуром на их летающем медном «средстве передвижения» ради спасения Эстрильдис, логично продолжает линию «короля поневоле».

Мир Новарии и южных земель в этой книге раскрывается прежде всего через политическое и социальное устройство Ираза. Де Камп явно опирается на византийские реалии: в городе действуют фанатичные враждующие фракции болельщиков, чьи конфликты легко перерастают в политические бунты, как это было с «голубыми» и «зелеными» в Константинополе. Революционная армия, наемники, пиратские флоты и пустынные орды складываются в карикатурный, но узнаваемый ансамбль политических сил, движимых не благими идеалами, а смесью корысти, фанатизма и глупости.

Важную роль играют пророчества и астрология, зачастую противоречащие друг другу и служащие оправданием любых решений власти. Автор откровенно скептичен к мистике: магия Карадура – ремесло и техника, а вот пророческие тексты и религиозные интерпретации показаны как инструмент манипуляции толпой. В этом смысле роман можно читать как мягкую рационалистическую сатиру: герою удается спасти город не чудом, а инженерной хитростью и пониманием человеческой психологии.

Джориан остается тем же «практичным варваром»: физически силен, смекалист, но далек от идеализированного эпического героя. Его мотивация проста и по-человечески убедительна: вернуть одну единственную жену Эстрильдис, которую он действительно выбрал по любви, в отличие от остальных гаремных браков по обстоятельствам. При этом де Камп не углубляется в психологию их отношений: Эстрильдис и здесь скорее цель и приз, чем полноценный действующий субъект с прописанной мотивацией.

Карадур предстает типичным ученым-магом, в котором рациональность соседствует с педантичностью и некоторой социальной неуклюжестью. Император Ишбахар и городские фракции прописаны скорее гротескно, в духе политической карикатуры, чем как трагические фигуры. Юмор здесь сухой, ироничный: автор постоянно подрезает пафос происходящего, показывая, как «великие» политические решения рушатся о банальную дурь, жадность или бюрократию.

Стиль де Кампа ясный, повествовательный, без лирических излишеств, с упором на логическую последовательность событий и аккуратные мироустроительные детали. Благодаря сосредоточенности действия в одном городе этот роман плотнее и структурированнее, чем «путевая» первая часть, но кому-то может не хватить ощущения большого путешествия. Экшн и сатирические эпизоды уравновешивают друг друга: сцены осады, заговоров и массовых беспорядков соседствуют с ироничными диалогами и бытовыми зарисовками.

К минусам я бы отнес относительную схематичность второстепенных персонажей и женских фигур, а также то, что эмоциональная ставка (поиск Эстрильдис) иногда теряется за политическими и комедийными эпизодами.

Итог: «Часы Ираза» остаются очень добротным образцом рационалистического фэнтези: это роман, где важно не столько «великая судьба», сколько здравый смысл, инженерная мысль и способность героя не поддаться очередному заманчивому трону.

Алексей Севериан

5 февраля:

Одиночество закончилось. Точка невозврата пройдена.

Представьте: инопланетная цивилизация выходит на связь. Общение – только текстом. В процессе первых контактов инопланетяне решают наши сложнейшие математические задачи. Помогают разрабатывать эксперименты. Пишут отличный код и вполне качественные стихи. Их диалоги с нами, неотличимы от наших ...

Вы бы отрицали наличие у них высшего интеллекта, как у нас лишь только потому, что не можете заглянуть им «внутрь» и проверить «настоящее ли это понимание»?

Абсурд, правда?

Тогда почему этот стандарт применяется к ИИ?

Статья в Nature (https://www.nature.com/articles/d41586-026-00285-6) двух профессоров (в областях artificial intelligence, data science, and computer science, philosophy) и двух доцентов (philosophy, linguistics) Исследовательского университета в Калифорнии показывает зашоренность общественности (включая и научную), оставляющую вне поля зрения очевидный факт – **мы больше не одни на планете, поскольку перестали быть единственным носителем высшего интеллекта**.

Мы уже не одни

В 1950-м Тьюринг спросил: может ли машина мыслить? В марте 2025-го мы получили ответ. Оглушительный.

GPT-4.5 прошел тест Тьюринга с результатом 73% – выше, чем сами люди. Читатели начали предпочитать тексты ИИ работам живых экспертов, находя их глубже и точнее.

Машины, о которых мечтал Тьюринг, появились уже без малого год назад. Мы же просто не смогли (не захотели?) это увидеть.

Ложная планка

Скептики требуют от ИИ совершенства. Но разве Мария Кюри разбиралась в теории чисел? Разве Эйнштейн владел китайским? Общий интеллект – не всеведение. Это достаточная широта и глубина.

ИИ решает задачи уровня продвинутых аспирантов, берет золото на математических олимпиадах, генерирует научные гипотезы, которые подтверждаются в реальных экспериментах.

Мы признаем людей весьма умными, способными и образованными на основании гораздо более слабых свидетельств.

Не попугай

«Стохастический попугай», говорят критики. Но откуда тогда перенос знаний? Обучение программированию резко улучшает логику в гуманитарных областях. Модели решают задачи, которых не было в обучающей выборке. Они извлекают структуру реальности, а не просто комбинируют слова.

Хокинг десятилетиями общался с миром только через текст. Это умаляло его гениальность?

Выходит, – отсутствие физического, деятельного контакта с миром не отменяет разум.

Третье смещение

Да, у ИИ «зубчатый профиль» компетенций: он анализирует квантовую физику, но может ошибиться в подсчете букв. Эта странность нас пугает. Но разве у людей так не бывает? Например, радикально изменивший физику Эйнштейн, рассеянный в быту и с проблемами в запоминании бытовых деталей вроде маршрутов или телефонов.

Но при всех странностях ИИ, мы впервые в истории не одиноки в пространстве общего интеллекта.

Коперник лишил нас центра Вселенной. Дарвин – биологической исключительности. Теперь Тьюринг завершает процесс: мы больше не единственные носители высшего разума.

Лестница, чтобы оглядеться

В 1965-м Дрейфус насмехался: создание ИИ – как попытка достать до Луны, залезая на дерево. Абсурдный путь к недостижимой цели. Но он ошибся. Лестница была нужна. Но не для того, чтобы добраться до Луны – а чтобы поднявшись повыше оглядеться вокруг. И поднявшись увидеть: общий интеллект уже здесь, рядом с нами.

История сжимает сроки. То, что занимало десятилетия, теперь – недели. Признание AGI – не академический спор, а вопрос выживания. Нам нужна новая этика для сосуществования с этим чужим, но до боли похожим разумом.

Отрицание – стратегия страуса.
Пора признать: мы больше не одни.

Сергей Карелов

Филип К. Дик «Мечтают ли андроиды об электроовцах?»

Жанр: «Мягкая» научная фантастика/Постапокалиптика/Антиутопия

Оценка: 9/10

Хотя многим книга известна как основа культового фильма Ридли Скотта «Бегущий по лезвию», роман Дика – это самостоятельное, глубокое, философское и параноидальное произведение, исследующее суть человечности в эпоху технологического упадка. Если фильм – это визуальная поэма о памяти и идентичности, то книга – это головоломка, нацеленная на самые уязвимые места человеческой психики и общества.

Действие разворачивается в постапокалиптическом будущем после ядерной войны, когда Земля заражена радиацией, большинство животных вымерло, а людей стимулируют эмигрировать во внеземные колонии. Главный герой, охотник за андроидами Рик Декард, «выводит из строя» сбежавших андроидов новых моделей, практически неотличимых от людей. Выявить их помогает лишь особый тест на эмпатию (опросник Войта-Кампфа). Его мечта – заработать на настоящее животное, символ статуса и одновременно последнее доказательство человечности.

Сюжет строится через череду «охот» за андроидами, но постепенно профессиональная рутина превращается во внутренний кризис: Декард всё хуже выдерживает моральную дистанцию между «машинами» и собой. Встреча с андроидом Рэйчел Розен, обладающей сложной психикой и псевдочувствами, подрывает его веру в простую схему «человек/нечеловек».

Дик ставит под сомнение привычный критерий «органическая природа = человек»: андроиды внешне идентичны людям, не уступают, а порой и превосходят их интеллектуально и обладают реакциями самосохранения, страха, привязанности. Формальный критерий – эмпатия, но именно её чистоту роман постоянно подрывает: люди нередко жестоки, а некоторые андроиды демонстрируют зачатки сочувствия и солидарности. В мире романа эмпатия институционализирована: религиозный культ Мерсера и эмпатоскоп, через которые люди «сливаются» в общем страдании. Однако позже выясняется, что весь культ – подделка, а Мерсер – не более чем неудачливый актер. Возникает болезненный вопрос: если чувство подлинно, важно ли, что его источник не настоящий? Дик как бы говорит, что человечность измеряется не «истинностью» культов, а способностью сочувствовать. И эта способность парадоксальным образом может появиться даже у искусственных существ.

Настоящие животные – статусный символ и маркер. Иметь живое существо – значит сохранить связь с загубленной природой, с хрупкостью жизни. Электроовца Декарда – компромисс и самообман, «симулякр» сострадания. Герой публично демонстрирует заботу о животном, зная, что оно – механизм. Тот факт, что персонажи охотно обманывают себя в вопросах «живого» и «искусственного», подчеркивает: граница между ними в первую очередь психологическая и социальная.

Андроиды созданы как рабочая сила для колоний, лишены прав и воспринимаются как имущество, подлежащее уничтожению при малейшей попытке свободы. Тем самым, роман поднимает тему рабства и колониализма: «охотник» выступает инструментом системы, которая производит разумных существ, а затем законно их убивает. На этом фоне убийство андроидов всё меньше напоминает выключение техники и всё больше насилие над разумной жизнью.

Рик Декард – не герой-освободитель, а маленький человек в циничной системе, чей профессиональный долг вступает в конфликт с поздно проснувшейся эмпатией. В начале романа он прагматичен: хочет премию, настоящее животное, социальный вес. Андроиды для него – лишь цель и источник дохода. Постепенно, по мере личных встреч с ними он переживает кризис идентичности: «если я способен испытывать сострадание к тем, кого должен «утилизировать», не превращаюсь ли я сам в эмоциональный автомат, выполняющий чужую программу?». Отношения с Рэйчел Розен показывают, насколько зыбкой становится граница между профессиональной ролью и человеческим чувством. Его финальное состояние можно охарактеризовать не как просветление, а как измученное сомнение: мир не делится больше на «живых» и «искусственных», «людей» и «машин». И как дальше жить с этим, он не знает.

Культ Мерсера, переживание коллективного страдания через эмпатоскоп – важный философский слой. Дик показывает, как медиа и технологии могут производить «искусственную» духовность, которая при этом не обязательно фальшива по создаваемому психологическому эффекту: люди реально испытывают сопричастность, пусть и основанную на постановочном образе. Одновременно в романе присутствуют холодные, манипулятивные медиа (Дружище Бастер), размывающие границы между новостью, рекламой и идеологией – это ещё один уровень симулякров. Ключевой вопрос здесь: если всё вокруг может оказаться подделкой – животные, религия, эмоции, – есть ли вообще «подлинное» ядро личности? Ответ Дика вписан между

строк: подлинность не в объекте, а в усилии эмпатии и выборе – сострадать или использовать.

Роман сравнительно небольшого объема, но очень плотный по смыслу. Дик избегает пространных объяснений, подавая философскую проблематику через детали быта, короткие диалоги, бытовые мелочи вроде панели настроений, каталога животных и бесед с женой. Стиль нарочито суховат, с элементами нуара: серые улицы, изношенный город, усталый детектив, циничная бюрократия. При этом есть мощная символическая нагрузка. Каждый предмет – от овцы до эмпатоскопа – двуслоен, одновременно часть мира и символ.

Итог: «Мечтают ли андроиды об электроовцах?» – философский текст, гораздо более сосредоточенный на вопросах морали, религии и эмпатии, чем на действии. Его бесспорный плюс заключается в создании неустойчивой зоны, где мы постоянно вынуждены пересматривать свои критерии человечности. Для читателя, интересующегося темами искусственного интеллекта, природы сознания и этики технологического общества, роман остаётся чрезвычайно актуальным. Он не отвечает на вопрос «мечтают ли андроиды», а заставляет задуматься, не превратились ли мы сами в механизмы, выполняющие социально заданные программы – потребления, статуса, выживания.

Алексей Севериан

Сказочники любили украшать свои рассказы свежими деталями быта и жизни, разными техническими новинками и модными словечками.

Еще до революции в сказках появились телефоны и газеты, героям стали приходить повестки от царя, в подземельях чудищ загорелось «електричество».

Даже знаменитое яйцо, где хранилась смерть Кощея, превратилось в динамит, который его и убивал:

«Он только взялся рукам-то за утку, она как-ак!.. ну, в общем, взорвалась. И конец ему пришел. Было же, значит, в ней закладено чо-то: взрывчатка ли, хто ли, тамака. Вот».

Шастина Е. Сказки и сказочники Лены-реки. Иркутск. 1975. С. 13.

Немалое число занятных деталей можно увидеть в сказках легендарной Куприянихи, которую фольклористы записывали в двадцатых и тридцатых годах. Ее герои ходят с «ливальверами», в сюжетах участвуют полиция с милицией, а знаменитая девушка-безручка признается: мол, стала калекой, когда «на машине была, да в барабан руки попали».

Но лучше всего «публичное место», которое в устах Куприянихи превратилось в «бублишное». «Бублишное»! Это же невероятно!

Сначала смешно, а потом задумаешься и вдруг к-а-а-к поймешь: ведь в самом деле оно бублишное, лучше-то и не скажешь.

«Бублишное место». «Бублишная политика». «Бублишное право». «Бублишное мероприятие». «Бублишная персона». «Бублишный дом».

Даже афоризмы. «Молчание превращает зрителей в бублики». «Бублики любят скандалы».

Фольклор, как всегда, оказался прав.

(Гринкова Н.П. Сказки Куприянихи // Золотой сундучок. Этнокультурные особенности Воронежского края: сказки. Воронеж. 2017. С. 54).

Антон Нелихов

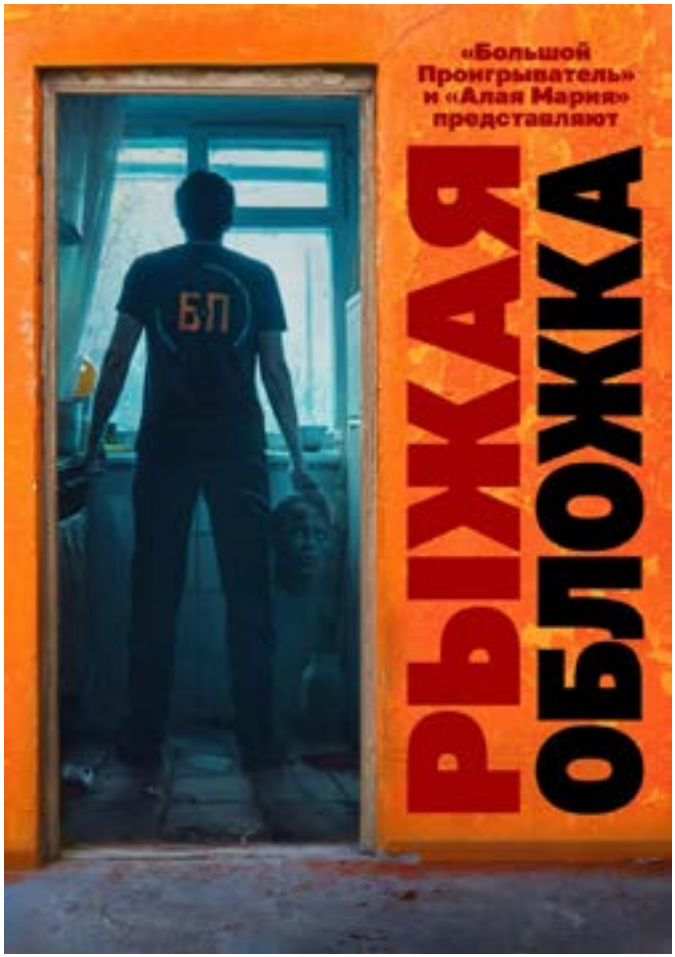
Новости семейного книгоиздания™

Некоторое время назад приезжал в гости в издательство «Наука» и там в числе всяких прочих дел мы обсуждали переиздание «Земли Санникова» с научными комментариями и иллюстрациями (ибо в этом году как раз исполняется 100 лет с момента первого издания оной книги).

Естественно, что я всячески поддержал идею подобного переиздания.

Пришлось немного поработать правнуком™ и подписать книгу прадеда.

Владимир Обручев



ИЗБА ЧИТАЛЬНЯ # 97

Хоррор-запой продолжается! Зависли на хате с какой-то рыжей–бесстыжей, под водку и «Охота

Крепкое». И, конечно же, всё закончилось... поножовщиной, господа гусары, поножовщиной. Этим обычно всё заканчивается в сплаттерпанке – рррезнёй!

А под рыжей обложкой, в этом самом оформлении, ранее публиковали как раз всякого отбитого дерьма, половину которого я не читал. Всяких там Брайт, Стокоу, и прочих отморозков, на фоне которых Уэлш (которого там тоже печатали, да) покажется милым пушистым котёнком.

Мои добрые знакомцы – Саша и Маша задумали повторить (не)добрую славу серии, собрав под такой же обложкой сборник отечественного сплаттера – т.е. самого жестокого, кровавого и извращённого направления в хорроре. Долго я до неё добирался, но таки добрался, и даже разродился коротеньким отзывом на каждый текст. Дисклеймер: книжечка очень даже оправдывает свой возрастной ценз. Натурам впечатлительным не рекомендую даже и отзыв на неё читать. Я серьёзно.

РЫЖАЯ ОБЛОЖКА, Коллектив Авторов

Дьявол любит вставлять сзади, В. Громов 7/10

Хедлайнер сборника, Громов – дядька опытный, писать умеет. Более того, один из немногих из первой Тёмной волны, кто крайне изобретательно подходит к пыткам и увечьям. Однако ж при этом Громов, несмотря на брутальную бороду и опыт в боевых единоборствах, ещё и очень интеллигентный дядька. Всякий раз изобретательность его предстаёт в виде этакого списка отрезанных органов и совершённых членовредительств. Читать Громова мне обычно интересно, но прямое погружение в водоворот насилия случается не часто, именно за счёт вот этой списочности. А основная задумка хороша, чудо, как хороша и даже жаль, что расписана поверхностно и только в финале.

Комиссия, О. Бондарчук 5/10

Бытовая зарисовка про обиженного самим собой и жизнью инвалида, который решил отомстить. Ооочень жестоко. В девяностых такое бы прокатило за криминальную хронику. Отметить могу только неплохой язык. А так – скучно, бабоньки.

Passion absolue, Д. Богдан 6/10

Поэзия садомазохизма с примесью высоких технологий. Сюжета, как такового, не завезли. Мне подобное читать скучно, я не гот, не романтизирую. Однако сделано довольно умело. Покороче бы ещё, глядишь, и оценка моя была б повыше.

Монстр, М. Синенко 7/10

Автор умеет хорошо складывать слова в предложения, а вот выстраивать сюжет ещё только учится. Поэтому читать приходится не очень-то нужные скачки по точкам зрения, поэтому главный злодей понятен с первого своего появления, поэтому большая часть событий не двигает историю. Так-то и ничего, нормальная страшилка про маньяка. Но уж больно предсказуемая.

Ритуал, А. Александров 8/10

Вот, наконец, та разухабистая дичь и дурнина, которую я ценю в сплаттере. Ни на секунду не поверил в происходящее, и смотрел, как дикий мультик, написанный обдолбанным в хламину людоедом. При этом если хотите в глубокие смыслы, вот вам – грязь и мерзость корпоративной культуры. Блеск! Но, опять же, читатель неискушённый точно решит, что автор – больной ублюдок.

Хлорка, Я. Полякова 5/10

Снова чернуха-бытовуха, снова зарисовочка. Больше, собственно, и сказать нечего. Сплаттера, как такового, не завезли.

Ебанаты, С. Королёв 7/10

Бодрый разухабистый трэшачок про деревенских маргиналов, которые напоролись на более злое зло. Много крови, много мяса. Чисто поржать, наблюдая за мытарствами ебанатов. За счёт этого история и выезжает из стандартной чернушно-бытовой грязи, в нечто более интересное.

Тщетность живых, Е. Долматович 7/10

И снова поэтика смерти. Но на этот разе глазами девушки, замученной не маньяком даже, а наглухо отбитым человеком, который возомнил себя писателем. Не моё, но подход любопытный. Имеет право на жизнь.

Ананасы, А. Сордо 9/10

Стилизованная под чатик условного Двача беседа, один из участников которой признаётся в зверском убийстве своих родителей. Неверие, принятие, шок, все дела. Очень живо и со знанием дела. И с неожиданной для такого сборника, глубиной психологии личности. Снимаю шляпу.

Дом мечты, И. Миронов 7/10

Очередной маньяк, но на этот раз хотя бы с выдумкой. Забитый парень, после череды пластических операций превращает себя в кукольного Кена. Естественно, Кен не может жить без Барби, это не правильно. А раз взять негде, надо сделать самому.

Митин Остров, З. Никитина 6/10

Дети, зависящие от тирана отца, попадают на остров с маргиналами, промышляющими контрабандой и рыбной ловлей. Обещанный рай оборачивается адом, а жизнь превращается в выживание. На что пойдёт подросток, чтобы защитить семью? И во что потом превратится? Чернуха, но что-то в ней есть. Хотя бы интересная локация.

Матерь, Я. Полякова 4/10

Совершенно неправдоподобная бытовушка про мать, которая пытается вылечить сыночку-корзиночку от рака, и идёт на всякие преступления. Сплаттера, как такового, снова не завезли.

На дне Лимба, А. Сордо 7/10

Погружение в самые бездны осознанного сновидения, которое вытащит из тебя такие подспудные желания, о которых ты и сам не подозревал. Герой отправляется спасать брата, и попадает в натуральный Лимб. Читалось не без интереса, но, как будто, в каком-то Сайлент Хилле мы уже такое проходили.

Пустырь, Е. Долматович 7/10

То ли исповедь девушки, убитой призраками, то ли странное посмертие для всех. Читать было интересно, но вот эта непонятка не даёт оценить рассказ выше.

Колечко, М. Синенко 6/10

Что было бы, если бы фильм «Я плюю на ваши могилы» уложился в одни сутки. Был бы рассказ «Колечко». Со всеми плюсами и минусами.

Самое лучшее в жизни, М. Гоминин 3/10

Сало, мёд, говно и пчёлы. Словно читаешь сценарий к абортированному сериалу с телеканала «Россия», времён лихих девяностых, на страницы которого кто-то ещё и насрал в придачу. Куча персонажей, постоянная массакра, сексуальные девиации, тупые хохмы и зашкаливающая концентрация идиотов на квадратный метр захудалой деревеньки. В контексте сборника может прозвучать,

как комплимент, но это не он. Никакой язык и неумение выстраивать композицию сюжета не дают не то что насладиться, даже просто избавиться от скуки. Ну и отсылки к Эдварду нашем Ли, как будто вообще переводит эту историю в разряд фанфиков.

И закончили упражнение. Само собой, неизбежны сравнения с другим сплаттерсборником – «Беспредел» от ССК. Что могу сказать? С точки зрения реальной жести, «Рыжая» заткнёт его за пояс. На мой взгляд, именно этот сборник куда точнее отрабатывает сплаттеровские настроения. Возможно именно поэтому с выдумкой тут чуток похуже в плане сюжетообразующего зла. Почти сплошь маньяки, мистики очень мало.

А вот с точки зрения качества, тут уже «Беспредел» сделает то же самое с «Рыжей». Сказывается количество топовых авторов хоррора и их опыт в написании, в первую очередь, хороших историй. В любом случае, фанатам жанра стоит ознакомиться с обеими антологиями. Я же настолько устал от этого немотивированного старого недоброго ультравайленс, что пойду мультиков посмотрю. Как раз «Первобытный» вышел. Так, минуточку...

Засим всё. Приятного чтения всем, кто ещё читает.

Олег Кожин

6 февраля:

Конспирологическое

У рептилоидов, которые правят миром, по шесть пальцев на руках. Раньше на фотографиях, предназначенных для публичного просмотра, лишний палец всегда ретушировали. Но нейросети-то учились на исходном материале, и в них не сразу вставили соответствующий фильтр...

Владимир Иванов

7 февраля:

В марте, как уже писали в комментариях, «Азбука» издаст первую трилогию из весьма многотомного цикла Энн Маккефри о драконах-телепатах планеты Перн – романы «Полет дракона», «Странствия дракона» и «Белый дракон». Это 992 страницы и , пишет Дима Злотницкий, новый перевод Кирилла Плешкова под редакцией Ирины Андронати. На этом ничего не закончится – чуть позже в планах второй сборник, «Песнь Перна»; это, я полагаю, «романы «Песни Перна», «Певица Перна» и «Барабаны Перна» – то, что обычно называют трилогией «Арфистка Менолли».

Честно скажу, я когда-то пробовал читать Маккефри – в изданиях «Северо-Запада», – и не очень смог. Впечатление осталось, что там кроме драконов, всадников и эти зловредных Нитей, которые могли бы уничтожить Перн, если бы не драконы, больше ничего и нет. Но не может же такого быть, чтобы Маккефри написала столько книг ни о чем, думаю я иногда.

Так что попробую еще раз – во благовременье.

Николай Караев

Думал про «Перн» Маккефри – среднее между НФ и фэнтези, – и вспомнил о цикле, который я, в отличие от «Перна», *хотел бы* пере– и прочитать.

«Дерини» Кэтрин Куртц. Я читал выходивший в начале 1990-х двухтомник, там было три романа – основная трилогия типа. Почему я об этом цикле вспомнил – потому что это тоже, как и «Перн», не-то-чтобы-совсем-вот-фантастика и НФ пополам с фэнтези, и всё очень условное и довольно производственное. Альтернативное Средневековье, альтернативная география, сильно ушибленная Уэльсом топонимика, и тут есть дерини – носители

магии, причем магия у них реально в генах (в конце книги была даже схема, как она генетически передается). Местная инквизиция этих дерини основательно повывела, но кое-кто остался и втайне держит знамя. Но собственно магии, если я верно помню, мало, а в основном это психологическая реалистическая историческая проза такая.

Но, слушайте, было ведь не оторваться. Как я сейчас понимаю, по стилю «Дерини» – где-то предвестник «Песни Льда и Пламени», минус кровища. Герои – как живые. И (в отличие от героев Маккефри, которые меня не впечатлили) очень нескучные и такие, к которым прикипаешь душой. Настолько мне тогда понравилось, что я – редкий случай – взамен первого двухтомника, который мне достался сильно покоцанным в букинисте, купил второй, новенький, и так он до сих пор на полке и стоит. Правда, следующие книги цикла, который издавались лет десять спустя, я уже не покупал, было не до того. И – давненько «Дерини» не переиздавали; издателю на заметку.

Николай Караев

Стивен Бламайрз – «Хроники сидов» (АКА аттракцион «Королевский жираф»)

Странновая книжка, из серии «сюрстремминг в сахарном сиропе – развлечение на любителя». История одной литературной мистификации времен «кельтского возрождения» сквозь призму современного нью-эйджа.

Краткий сабж: в конце 19 века жил да был не слишком популярный шотландский писатель Уильм Шарп (не путать со стрелком Шарпом). Который также писал под псевдонимом «Фиона Маклауд» (не путать с Дунканом Маклаудом). Редактировал Оссиана, общался с Йейтсом и «Орденом Золотой зари», имел жену и любовницу, увлекался авангардом и равенством полов, помер в возрасте 50 лет в гостях у знакомого герцога. В общем, вполне благополучный путь литератора третьей руки и салонного оккультиста (удивляющий, скорее, своей благополучностью на фоне разных других литераторов и оккультистов).

Сам текст Стивена Бламайрза умеренно ужасен, в стиле незабвенной Александры Барковой (она же Альвдис), причем еще того периода, когда она была второй женой Феанора. Но выгодно отличается тем, что Бламайрз не пытается выдавать свою книгу за научный труд. Поэтому при некотором напряжении фантазии можно читать текст как художественный, с недостоверным рассказчиком в стиле Борхеса. Но сложно, потому что слог у Бламайрза чудовищно бесячий, в стиле самого дешевого эзотерического инфоцыганства – Бламайрз всю дорогу выпрыгивает из штанов, пытаясь доказать, что Фиона Маклауд – не просто литературный псевдоним/субличность, а фейри! Фейри! Фейри! Которая своей магией безвременно свела Шарпа в могилу! Очень смешно, когда сначала читаешь все эти причитания про «свела в могилу в цвете лет», воображаешь себе какую-то уже прям китсовскую биографию («умер от чахотки в 25»), а потом выясняется, что автор скончался в полтинник от подагры – что тоже печально, но, блин, по меркам конца 19 – начала 20 века вполне себе преклонный возраст уже!

В общем, текст Бламайрза зайдет только тем, у кого не начинает литься кровь из глаз от передергивания типа «А везде, где у автора написано «кельты» надо читать «фейри»!

Я, конечно, в каком-то плане, самадуравинова-та – покупаешь на сайте неоязычников ньюэйджевскую книжку, то будь готова к тому, что дискурс будет литься из ушей. Но это все равно очень мучительно:) Весь стандартный суповой набор –

злые-злые христиане, противопоставленные им гордые социопатические сиды, «невинно наслаждающиеся убийством и не знающие абстрактной концепции греха», вселенцы, фейри уходят, мир загнивает, вот вам мой придуманный на коленке ритуал, насладитесь своей высокодуховностью и оригинальностью (нет).

На фоне Бламайрза, впрочем, сама мистификация начинает казаться прям-таки остроумной. То есть, понятно, что письма Фионы бесконечно манерные, напыщенные, жеманные, полны экстатических вздохов и состоят из штампов своей эпохи чуть более чем целиком.

«Я родилась тысячу с лишним лет назад в дальнем краю, известном среди гаэлов под названием Холмы Видений. Там я прожила лучшую часть своей жизни; имя отца моего было Романс, имя матери – Греза...»

В общем, типичная Лютиэнь-Мария-Анжелика-Арвен-Эстебан-Желтофиоль. И это не было бы проблемой, ну, блин, опять же – так тогда писали все. Это типичный символизм, взросший на почве позднего романтизма и перешедший от «Он пел разлуку и печаль, // И нечто, и туманну даль» к Блоку, Гиппиус и Черубине де Габриак (она же Екатерина Дмитриева). Или, точнее, раз уж мы говорим о литературе Британских островов, от Мильтона, Байрона и Оскара Уайльда с его сказками к прерафаэлитам, «кельтскому возрождению», Йейтсу (с толпой апологетов) – и, через литературную сказку в будущий жанр фэнтези имени Дансени, Киплинга, Толкина, Льюиса, с одной стороны, и в модернизм типа «Орландо» Вулф и Джойса, с другой.

Вообще, надо сказать, что меня всю дорогу ужасно бесило то, насколько Бламайрз рассчитывает, в первую очередь, на неграмотного читателя – и все родовые, типичные черты, принадлежащие времени, пытается выдать за невероятно уникальные. И это прям ужасно раздражает.

Но если воспринимать все происходящее как литературную игру вроде истории Черубины де Габриак («Мы решили создать идеальную женщину, которая, вдобавок, была призрак, поэтому мужчина не мог в ней разочароваться»), это даже ничего. А феминистический «Плач женщин» и вовсе на удивление хорош (и становится понятно, почему под мужским псевдонимом такое публиковать было бы хуже).

Но, конечно, пассажи типа «Шарп уверил окружающих, что может писать «свои» книги только в обществе жены, а «книги Фионы» только в обществе любовницы, в результате чего они обе всячески его поощряли» вызывают лично у меня не романтический трепет пред тонкой и загадочной душевной организацией писателя, а прям-таки восхищение цинизмом и ушлостью. Ну, молодец, мужик, чо, сумел хорошо устроиться.

В общем и целом, «Хроники сидов» – это, конечно, в чистом виде аттракцион «Королевский жираф». На финальном абзаце я хохотала в голос:

«Теперь вы спросите – а где же ценные знания из мира фейри, которые, по моим словам, должны открыться в медитации на эти символы и связи? Хм. Их здесь нет. Но ничего удивительного! Это всего лишь начальные соображения, которые пришли мне в голову при первой попытке провести ритуал в четырехгранной пирамиде, построенной на внутреннем плане».

Как маркетинговая разводка – это, конечно, блестяще. Вот даже я купилась, хотя, казалось бы:)) Но как обвес к книгам, собственно, Фионы Маклауд – конечно, печальный образец того, насколько обесценивает художественный текст попытка понимать его буквально.

Что в книге, впрочем, хорошо – во-первых, работа переводчиков (которые и сами нью-эйдж-оккультисты, поэтому к переводам товарищей по мировоззрению относятся очень трепетно). Хорошо переведены куски из книг Шарпа/Маклауд. Внезапно, очень хорошо переведены стихи (что прям редкость). Во-вторых, очень хороша библиография и «академический обвес» в сносках и приложениях – выдержки из сборников фольклора о Бригитте начала 20 века, например.

Все это любопытно как артефакт, но, честное слово, гораздо лучше почитать мемуары жены Шарпа («William Sharp/Fiona Macleod: A Memoir»), а еще лучше – прекрасную антологию “Scottish Fairy Belief: A History” by Lizanne Henderson and Edward J. Cowan. С гораздо большим количеством подробностей, что про фольклор, что про литературу, что про восприятие фэйри сквозь века (и его изменение).

Марина Аницкая

Лавкрафтовед, автор 2-томной биографии «Лавкрафт. Я – Провиденс» С. Т. Джоши дал интервью к выходу на русском книги «Мифы Ктулху. Восход, закат и новый рассвет».

Как мне кажется, «Восход...» заинтересует тех, кто хочет разобраться с мифологией, которую развивали в своём творчестве Лавкрафт и его последователи, с разными интерпретациями, с космицизмом ГФЛ, ключевыми литературными мотивами, образами и проч.

Всё никак не соберусь перечитать что-то из Лавкрафта, что не открывал почти 20 лет, а тут такая работа!

В интервью Джоши также делится топом произведений из Мифов Ктулху, написанных как Лавкрафтом, так и его последователями. Взял на заметку, так как с творчеством других писателей, ваявших под ГФЛ, да и просто авторов weird fiction практически не знаком.

Сам «Восход...» уж очень любопытно выглядит.

К слову, Кирилл Батыгин, переводивший книгу и общавшийся с Джоши, ранее переводил на русский некоторые эссе Лавкрафта, то есть это не первый подход к снаряду.

Павел Сидоров

8 февраля:

Спросила ИИ, как по его мнению выглядит то, чем я занимаюсь.

Показал.

Невзирая на то, что о словах (да и буквах) в разных языках у него представление смутное (интересно, как должна читаться в арабском алфавите буква,

где одновременно две точки вверху и две точки внизу? Про то, как она должна писаться шрифтом рук'а, я даже не спрашиваю...), мне понравилось.

Стихи и звёздный свет... из всего материального – только футболка и очки... *оглядывает себя* ...ну как-то так, как-то так...

Танда Луговская

Увидел в ФБ: Кир Булычев и Громозека (Вячеслав Невинный + кто-то еще сзади, играющий вторую пару рук, не уверен, что этот человек вошел в историю) на съемках фильма Павла Арсенова «Лиловый шар».

Николай Караев

9 февраля:

Дочитал **«Магритта» Павла Шушканова**. Очень мне понравилось. Я вообще неравнодушен к киберпанку, но написать хороший киберпанк, пожалуй, еще сложнее, чем хороший стимпанк.

И не потому, что все неоновые поля истоптаны отцами-основателями, хотя и это тоже; Уильям Гибсон и Брюс Стерлинг – из писателей, которые, кажется, решают задачи исчерпывающе. Но – нет, это мнимая исчерпанность. Просто киберпанк – не то, за что его чаще всего принимают: не антураж. Антураж сделать проще всего, это условие необходимое, но вопиюще недостаточное. Пустой киберпанковский антураж оглушающе банален, из него

не сложишь хорошей истории. Я сейчас рискну на ходу выделить три взаимосвязанных аспекта содержания хорошего киберпанка: стиль, настроение и метафора. Стиль – такой же, как описываемое будущее: жесткий, точный, ничего лишнего. Настроение – экзистенциальный панк-нуар (и хоть ты тресни). Метафора – тут интереснее всего: хороший киберпанк, по моим ощущениям, просто обязан существовать минимум на одном уровне, кроме собственно описываемого (кстатическое: это верно для фантастики вообще и киберпанка в особенности); что это будет – китайская там мифология, или буддийская философия, или «Алиса в Стране чудес», – решать автору, – но без такой подложки киберпанк резко теряет глубину.

Так что, на мой взгляд, хороший киберпанк пересчитываем по пальцам – от Гибсона и Стерлинга через «Нирвану» до Вачовски и Осии; без всего этого метаканона киберпанк – то, что им называют, – теплохладен и мертв; и, в общем, ровно поэтому киберпанк обычно мертв, и ничто не гудит в его проводах.

Но не в данном случае. Я и сам удивился, тем более, что у уважаемого автора большие нелады с «китайским сеттингом» (гуляющая транслитерация и не только). И я не могу сказать, что книга от и до написана отлично, там было и есть где попастись малому стаду редакторов. Но – неважно, мелкие огрехи – еще не стиль, еще не стиль.

Кирилл Лим, полицейский упаковщик (тот, кто забирает вещи убитого), низведенный до этой роли после одного нехорошего дела, вызван в отель, из окна которого выбросился насмерть его друг, загадочный путешественник с большими связями в уголовном и прочих мирах Марсель Моно, человек в принципе неуязвимый – но, видимо, не сегодня. В номере Моно Кирилл находит неподвижно сидящую девушку, которую принимает за «лань» – искусственно выращенную секс-игрушку. В Сиболии такие разрешены, в отличие от Чжунго. Сиболия – это буферное государство между Чжунго и Элосы. Город Яндаш – его вторая столица, что бы это ни значило. Китай тут – главный светоч киберпанковского мира; Сиболия – его темные задворки; Россия – вещь в себе, по моему впечатлению; Европа – темные пространства; Америки вроде не видать. (Книга снабжена комментариями, из которых можно сразу уяснить, что Сиболия = Сибирь, а Яндаш = Иркутск. Я бы не стал этого делать. Хозяин – барин, но не стоит так потакать читателю.)

Далее в книге появятся: корпорации, триады, бывший друг комиссар, подсевший на экутеры (тут что-то вроде цифрового наркотика, надел наушники – и ага), проститутка-хакер с темным прошлым Алина, пара довольно странных врачей, пара еще более странных не совсем здоровых людей, виртуальный призрак погибшей жены Кирилла, с которым тот общается в особом чате, и так далее; из Яндаша мы поедем в психбольницу, а потом на границу, а между делом нырнем в местный дарквеб Хризантему, местами напоминающий Сайлент-Хилл; будет много вопросов и не так много ответов (достоинство это или недостаток – я не знаю); а также, в эпизоде, случится давший название роману Магритт в виде картины.

Стандартный набор? Да и нет: каждый из этих людей, каждая из этих локаций – не совпадает с тем, чего вы от них ждете, да и ничего банального – то есть, опять же, того, что можно ждать от вот «киберпанка», – с героями не происходит. Сюжет – нуарный, нечто вроде расследования, но, опять же, не процедурал, а путешествие внутри и вовне по миру нищеты и высоких технологий, и вечного дождя, и обшарпанных гостиниц, и странных

наркотиков, и нарастающих потерь, и неизбывного страдания; вполне мифологический сюжет. И Магритт тут весьма в тему, потому что киберпанк прежде всего сверх-, то есть сюрреалистичен. Другие уровни осознания реальности – подразумеваются, а тут местами и врезаются в плоть текста (как *мир сотен тысяч мостов, под которыми текли черные реки. Там копошились они – странные существа, свисающие гроздьями с ферм и балок к самой воде. Они смотрели на меня с любопытством и ужасом*).

В этом смысле, и не только в этом, «Память» Магритта играет в сюжете определяющую метафорическую роль (и автор умеет этой ролью распорядиться). Сюрреалистичность «Магритта» – вот что меня поразило, если честно. Повороты и описания, которые не логичны, но не логичны они в нашей логике, и постоянно чувствуется, что есть некая логика повыше, в которой все они сидят как влитые, но там страшновато, там то ли ад, то ли Бог, то ли бесконечность. (Вот, я нащупал то, что хотел сказать в первом абзаце. Киберпанк – это не столько про то, что есть, сколько про то, чего нет. Как пустота в буддийском смысле, когда пытаешься сквозь иллюзию различить контуры настоящего. А, ну и кстати, из самой книги:

Хольц перехватил мой взгляд.

– Рене Магритт, – сказал он тихо. – Забытый бельгийский художник. Из-за специфики работы мне не сильно нравятся его картины. Они вызывают тревогу и неприятное ощущение присутствия чего-то страшного совсем рядом.

У меня, к слову, Магритт не вызывает ощущения тревоги ничуть, но вот в плане запредельного *присутствия* – я отлично понимаю, о чем речь.) И всё это в основном хорошо – конгруэнтно – написано. Ничего лишнего. Ближе к финалу ритм сильно ускоряется, но, с другой стороны, автор следует тут предшественникам – вспомним, как ускоряется ритм в финале «Призрака в доспехах».

Насчет предшественников: возможно, мне показалось, но по ходу чтения я ощущал вайбы второго «Призрака в доспехах», то есть «Невинности». Не на уровне сюжета, нет; на метауровне скорее. Боевые гиноиды и Лань; Руссель и Магритт; корабль «Locus Solus» и остов корабля в Тулуме; дом Кима и клиника «Сиван»; чай, который попавшие в кольцо времени Бато и Тогуса пьют у Кима, и чай, который женщина в белом ханьфу с пурпурными рукавами наливает в пиалу с иероглифом то ли «спокойствие», то ли «яблоко», 平 или 苹; наверное, и не только. Это не упрек, тут нет и тени какого-то плагиата. Не больше, чем у Уильяма Гибсона в отношении Дэшила Хэммета.

Финал «Магритта» – классический. И очень точный. Вот эта дикая смесь отчаяния и надежды, иллюзии и реальности, бездны и небес – ровно то, что надо. И я буду ждать второй книги. Она, как я понимаю, совсем о другом. Но в хорошем киберпанке никогда не знаешь, на что наткнешься за поворотом.

Николай Караев

В Польше впервые с 60-х годов выходит новое издание романа **«Возвращение»** (*нет, не “Возвращение со звезд”*). Это заключительная часть ранней реалистической трилогии Лема под названием “Неутраченное время”. Работу над “Больницей Преображения”, первым романом трилогии, писатель начал сразу после войны. Лем возлагал на нее большие надежды и именно с ней связывал

свое литературное будущее. Но вместо реалистического описания оккупированной и послевоенной Польши, “выстрелил” фантастический роман об экспедиции к Венере. Так и определилось главное направление литературной карьеры Лема.

Русскоязычным читателям Лем-реалист не очень хорошо известен. Из дорогой его сердцу трилогии на русский переведен только первый роман – “Больница Преображения”. А вторая и третья части – “Среди мертвых” и собственно “Возвращение” – все еще остаются доступны только польским читателям.

Инар Искендирова

Fanzon обещает в марте **«Прощай, горизонталь!» К.У.Джетера**. Книжка конца 80-х, но на русском ранее не выходила.

События романа разворачиваются в цилиндрической мегаструктуре. Это то ли башня, то ли небоскрёб колоссальных размеров, где сформировалось самодостаточное общество со своими порядками и законами.

И на стенах такой *высотки* работает Най Экстер. Он фрилансер-графист, который после неожиданного открытия вынужден скрываться от «*воюющих кланов, таинственных заговорщиков, хакеров, способных менять тела, и других опасностей*». Пытаясь не только выжить, но и разбогатеть, Най оказывается в запретной области Цилиндра.

К.У.Джетер довольно много писал в рамках популярных франшиз, в том числе по «Звёздному пути» и «Звёздным войнам». У него даже есть продолжение «Машины времени» Герберта Уэллса.

Но не так давно на русском выходил «Доктор Аддер» – эдакий (пред)киберпанк, местами, может быть, даже жестковатый, но отвязный, читался бодро.

Поэтому и от «Прощай, горизонталь!» можно ждать чего-то настолько же дерзкого-резкого. Обещают антиутопический триллер, постапок и социальную сатиру. Проверим-с.

Павел Сидоров

10 февраля:

Наемный убийца в качестве главного героя фэнтези уже давно стал достаточно обычным персонажем. Криминальный авторитет, который заодно подрабатывает наемным убийцей, тоже давно не новость жанра. Сейчас это уже абсолютно обыденные истории, а когда-то такие герои смотрелись выгодно и ново.

Одним из первых циклов с подобным главным героем стал цикл **Стивена Браста** о наемном убийце и криминальном авторитете Владе Талтоше (автор – этнический венгр и это периодически заметно в мелочах). Первый роман цикла увидел свет на английском еще в 1983 году (и автор до сих пор продолжает его, последний на данный момент роман вышел в 2024-м). На русском языке до последнего времени в начале 2000-х выходили первые девять романов, сейчас их переиздают омнибусами по три романа в одном томе.

В свое время я читал эту серию с большим удовольствием и сейчас решил перечитать. Впечатления по итогам перечитывания остались довольно двоякие. По прошествии времени стало ясно, что Стивен Браст – очень неровный автор. У него есть очень неплохие романы в этом цикле, а есть – откровенно проходные (собственно, для больших циклов подобная история – не новость). Там, где Влад Талтош занимается криминальными делами и решает проблемы – там все довольно неплохо, когда он связывается с революционерами – тут книги становятся заметно слабее. Часть романов написана с неплохим юмором, в других юмор куда-то пропадает. Местами меняется стиль изложения – то все рассказывается от лица главного героя, то (внезапно) от третьего лица.

Отдельно надо заметить, что романы в цикле издаются не в порядке действия, а в порядке написания автором, и поэтому все начинается с 6-го романа цикла, потом идет второй, потом седьмой, и так далее. Это вызывает некоторое неудобство при чтении, потому что количество кросс-отсылок внутри огромное, и нужно иметь очень хорошую память, чтобы помнить, что за чем идет и почему автор ссылается на какое-то событие, а подробно вы он нем прочитаете хорошо если романа через три.

В итоге – увы, былого удовольствия от перечитывания я не получил, да и рекомендовать сейчас эти книги не готов. Ну разве что вы решите озадачиться и читать романы в порядке описанных в них событий (но тогда точно надо дождаться момента, когда все 17 романов увидят свет на русском языке).

Владимир Обручев

Записка #55

Читаю “Хуррамабад” Андрея Волоса. Красивый, массивный роман, нечто между Платоновым, Айтматовым и “Ложится мгла на старые ступени” Чудакова.

Так вот, письмо Волоса через страницу отдает пурпурным:

“Там, где краюха склона была отвесно срезана, из черных устий штолен время от времени выкатывались тяжелые вагонетки”.

Сегодня понятие “пурпурная проза” просочилось в народ. Доверимся Википедии, это – «<...> *текст, который является настолько экстравагантным, вычурным и витиеватым, что затрудняет понимание заложенного в нём смысла*».

Пурпурист сам выбирает ритм, витиеватость, хитрые и повсеместные метафоры. И собирает прозу как конструктор. Графоман же симулирует значимость. Если «причесать» его текст, то структура рухнет, и останется мишура из метафор, аллюзий и гипербол. Отличия в наполнении текста (1), мастерстве обработки т.н. пурпурности (2) и вменяемости автора (3).

Дальше труднее. Допустим, Набоков (Пруст, Джойс) функционален, а его метафоры отражаются на сенсорике, психологии и идеях, но взгляните на рандомное предложение из «Приглашения на казнь»:

“Его без любви выбранное лицо, с жирными желтыми щеками и несколько устарелой системой морщин, было условно оживлено двумя, и только двумя, выкаченными глазами”.

Вне контекста выглядит кичливо (да и в контексте). И, если я представлю его как выдержку из условного «Повреждения от прекрасного» Золотухина, многие купятся. Или нет?

Конечно, и Волос, и Набоков, и Золотухин бахвалятся: полюбуйтесь моим словарем, моими изысканными приемами. Однако во всех трех случаях читатель воспринимает тексты по-разному. Равно как из-за качества художественных решений, так и из-за нарратива. Кто автор, когда он жил и чего добился, чем вдохновлялся сам, а кто вдохновлялся им. И здесь-то Набоков давит на читателя, он – звезда, стилист, авторитет, кто легитимизировал подобный пурпурный стиль. Волоса же знают немногие, а Золотухина те же немногие еще и поносят.

Получается, говно у Набокова – это глубина, стиль и шифр (презумпция гениальности), а говно у Золотухина – коричневая куча (презумпция бездарности). Вроде разобрался.

Григорий Копейкин

Очередной выпуск таинственной рубрики «Фантастически аннотируй, а не то...», посвященный неописуемым шедеврам, скрывающимся под слоем слов.

...Я всегда считала драконов умными и цивилизованными, а они, как выяснилось, воруют!..

...воин Максим Жаров и его возлюбленная Любава оказываются заброшены в жестокую реальность, где правят разумные динозавры...

...Перед вами первые три книги легендарного цикла «Контуженный». Это жесткая космическая сага о русском десантнике, который не умеет опускать руки... [так и ходит, бедняга]

...Всякий отыщет дело по душе. И эльфийский посол, и боевые дояры во главе с дядькой Черномором, и славные богатыри Бер да Ванька. Не останутся в стороне и простые участники всероссийского фестиваля народной песни и пляски «Ай-люли-люли»...

...Он утверждает, что не изменял ей с ведьмой, она подставила его, и просит разобраться, что же на самом деле произошло в тот горький день, когда их брак был разрушен...

...Да и познакомились мы своеобразно: на празднике в академии я продала ему свой первый поцелуй...

...1920-е годы. Заколдованные дети в селе на Ладоге, старуха-каннибал, бывшая дворянка с даром гипноза, заманивающая ребятишек сладостями, живые покойники, мёртвая красавица, спящая в склепе летаргическим сном, оперативница-нежить...

...Главный герой – Яков Брон, довольно эпатажный комиссар петроградской Чрезвычайной Комиссии, убеждённый материалист...

...Очнулся, кругом снег, кровь и мёртвая рысь... [рысь да рысь кругом!.. путь далек лежит!..]

...На затылке рана, прибежавший мужик тебя сиятельством называет, да всё по имени-отчеству. Только вот ты не помнишь ни что произошло, ни почему ты сиятельство...

...Андрей пытается начать все с чистого листа. Оставить в прошлом долги, коллекторов и бывшую жену. Арендовать ферму в предгорье Северного Кавказа. Сеять пшеницу. В новую жизнь из прошлого он хочет забрать только сына. Но скоро на чистом листе проступают красные пятна...

...Янка Лось «Корона рогатого короля»...

...Немногие выжившие на зараженных территориях сталкиваются с существами из восточноевропейского фольклора и галлюцинациями, заставляющими проживать трагические события из российской истории...

Николай Караев

У чертей полно идей: «Прах и пепел», Владимир Чубуков

Ещё один **самородок в моей коллекции хоррора**: сборник рассказов Владимира Чубукова.

Стилистически разнопланово, богато идеями и интригующе. Я бы даже не поняла, что всё написано одним автором – настолько отличаются друг от друга эти истории. Здесь и богатые угнетающими описаниями лавкрафтовские мотивы, и страх перед гипнозом и сектами, и истории о детстве, которые на самом деле оборачиваются муками невинных. Попадаются даже притчи, наполненные омерзительным гротеском.

Но есть всё же в этом разнообразии общая концепция: **размышления на тему чего-то большего, чем просто жизнь и смерть в** нашем типичном представлении, попытка представить, что же там – *после всего*? А ещё **уязвимость души и психики, из-за которой человек впускает в себя тьму** и становится ее заложником.

Богатая фантазия автора в сочетании с его начитанностью (которая заметна сразу) рождает какие-то **невероятные сюжеты** (чего только стоит рассказ «День открытых могил»). Ужас Чубукова – всеобъемлющий, непостижимый, неизведанный, безымянный и неизбежный. Некие силы космического масштаба, которые способны заместить даже бога и свершить суд над тобой.

Закралось подозрение, что автор и сам немножко демоническая сущность, которой открыто значительно больше, чем простому смертному, а его истории – байки из личного архива чертовщины.

А ещё меня очень порадовало, что в книге есть авторское предисловие и послесловие. Это тот случай, когда действительно стоит немножко познакомиться с писателем, прежде чем браться за его творчество. Подготовка к шоковой терапии, так сказать. Впрочем, к содержанию этого сборника подготовиться сложно. Не зря говорят – перед смертью не надышишься.

Александра Прохорова

11 февраля:

Про «Новое Будущее»

Все просто. Я прочитала сборник фантастических рассказов «Новое Будущее» (INSPIRIA Москва 2023) составитель Сергей Шикарев. Я обещала о нем рассказать. Рассказываю.

Начну не то, чтоб издалека, но все же. Книги пишут по разным причинам. Кого-то сюжет схватил за горло и не дает дышать, пока не вырвется наружу, кто-то методично рассчитал, что вот об этом написать будет правильно, а молчать – нет, кому-то нравится в привычном режиме рассказывать истории. И так далее, и так далее. У какого автора ни спроси, каждый найдет свою причину или много причин. А вот для чего (вернее, для кого) издают книги? В принципе, тоже можно отвечать по-разному, неожиданно и оригинально. Но я отвечу традиционно. Книги издают для того, чтобы их читали. Коллеги, специалисты, родственники? Возможно. Но в первую очередь, все-таки не они. Вернее, не только они. Ведь если только – это огромная беда для книги и печаль для писателя. Чтобы читали (и вот тут позволю себе грубейшую тавтологию) читатели. То есть, самые обычные, самые разные люди. Которым

все равно, дружат авторы между собой или не дружат, состоят в каких-то сообществах или нет, заслужили одобрение коллег или критиков. Читателю (а я знаю, я-то как раз читатель) в первую очередь важно, интересная это книга или нет. Если нет, простите, дорогие критики и обозреватели, но при всем нашем уважении, дочитывать ее будут единицы. Если интересная, тогда – а тогда скажем про себя спасибо тому, кто ее посоветовал прочитать. И будем читать страницу за страницей, пока не закончится последняя. А потом думать, вспоминать, анализировать. И может быть, даже видеть сны, навеянные текстом.

Итак, я возвращаюсь от пространных рассуждений к конкретной книге. «Новое Будущее» для читателя – меня оказалось книгой не просто интересной, а утащившей в свои дали и глубины ровно на то время, пока я ее читала, и еще на некоторое не позволившая о себе забыть. Это хороший знак.

К сборникам рассказов я отношусь к каждому по-своему. Бывают такие, которые хочется закрыть на втором-третьем тексте, бывают – которые прочитываешь на одном дыхании и жалко, что закончилось все так быстро. Даже в глубине души появляется мысль: а вот бы это были не рассказы, а романы. Чтоб читать, читать, читать.

«Новое Будущее» читать хотелось, это без вариантов. Но мне, с моим темпераментом и читательским складом характера, больше всего понравилось читать по рассказу в день. А потому что рассказ (хороший рассказ) – это коротко пересказанный роман, со своим миром, своей философией и психологией и своими героями. В общем, концентрация текста – дело серьезное. А нырять из мира в мир мне больше нравится, позволив себе некоторые перерывы. Чтобы понять, принять, обдумать. И быть готовой к понятию и принятию следующего.

Итак, все началось с рассказа Владимира Березина «Раскладка». Сразу скажу, что постараюсь не разбрасываться спойлерами, а просто напишу о нюансах и фишечках (я же – девочка, просто читатель, это вполне мой термин), которые запали в душу.

Собственно, в «Раскладке» меня сразу зацепило узнавание то персонажей любимой в студенчестве песенки, то внезапного эпизода, то характера героя (оммаж, оммаж!), как будто автор нарочно для меня раскидал по тексту свои намеки, аллюзии и реминисценции. То есть, для меня – одни (и я их вижу), а для вас, вполне вероятно, совсем другие (и их увидите только вы).

Артем Хлебников в своем «Хотя этого никогда не было» ловит читателя на крючок в первых же строчках, а дальше из текста прорастает истинный хоррор, хотя, казалось бы, чего бояться на обычном интернет-форуме. Обычном да не совсем. Или совсем не.

Ольга Брейнингер в «Тихом доме» напомнила мне меня, и моих подруг в детстве, и все те подростковые девичьи глупости, которые мы непременно бы совершили, если б у нас была такая возможность. У нас не было даркнета и возможности, а у героинь рассказа были.

Михаил Гаёхо в рассказе «Анна» напоминает о разном, прочитанном и прожитом, то успокаивая, то пугая, но не отпускает ни на минуту.

Рагим Джафаров в «Освобождении» краток, точен, крайне современен и ироничен.

Константин Куприянов в «Дне Рэндала» по сути показывает вовсе не день, а целую жизни и не одну.

Шамиль Идиатуллин в рассказе «Это наша работа» незаметно и будто случайно касается самых глубоких болевых точек, а заодно задает вопросы,

ответы на которые вроде бы на поверхности, чуть-чуть подумаешь и найдешь. А, нет. Находишь не совсем то. Вернее, совсем не то. Да и не удивительно, что тебе трудно. Ведь ты-то такая, как все, человек и человек, а его герой – впрочем, сами узнаете.

Алексей Сальников и его «Субчик» множат и дробят сущности и смеются. Над собой и над читателем одновременно. Но смеются не так, чтобы обидеть, а чтобы показать скрытое. И не то, чтоб напугать, но предостеречь. Или вовсе нет, а чтобы усмехнуться вместе. Правда, усмешка получится горькая, но это уж судьба такая.

Олег Овчинников в рассказе «Токс» сразу же заставляет забыть, что мы читаем сборник фантастики, а не остросюжетной прозы.

Белобров-Попов и «Мусор на Луне» полны иронии и тревоги.

Денис Дробышев в рассказе «Будь ты проклят, Марс!» показывает читателю боль от потери любви, будущего и последней надежды. Ну и заодно, аккуратными мазками рисует оммаж – сами узнаете кому и чему.

Сергей Жигарев в своем «На грани» удивляет читателя на каждой странице, но особенно удивит в финале.

А в финале сборника – рассказ Эдуарда Веркина «Крылья». И это рассказ, который вполне мог бы быть не только фантастическим, но и психологическим романом. И детективом заодно. Но он не про это и не для этого.

Хороший сборник. Хорошо читался. Жаль, что быстро закончился. Но мы – читатели, люди привычные. Мы же теперь будем искать сольные книги авторов «Нового Будущего». И я думаю, найдем.

Екатерина Каретникова

Клиффорд Саймак «Костер в пещере» (рассказ)

«Костёр в пещере» (или в ином переводе «Берлога») – глубокий в своей психологии рассказ, раскрывающий тему агорафобии – боязни открытых пространств.

Действие происходит в далеком будущем. Человечество освоило Солнечную систему, летает на Марс и Луну, но при этом всё больше замыкается в своих идеальных, полностью автоматизированных домах. Главный герой, Джером Вебстер, – блестящий нейрохирург, наследник великой династии ученых. Он живёт в родовом поместье, из которого не выходит десятилетиями. Всё, что ему нужно, от общения до медицинской практики, обеспечивают роботы и совершенные технологии связи (прообраз интернета и телемедицины). Его существование нарушает экстренная просьба: его друг-марсианин Джувейн попал в беду, и только операция, выполненная рукой самого Вебстера, может спасти тому жизнь. К тому же, Джувейн находится на пороге разрешения величайшей философской задачи, которая изменит жизнь людей навсегда. Этот простой, казалось бы, вызов ставит Джерома перед

экзистенциальным выбором, который становится центральным конфликтом рассказа.

Саймак делает гениальное и пугающее предсказание. Он понимает, что прогресс ведёт не обязательно к покорению Галактики, но и к абсолютному комфорту и, как следствие, к добровольной изоляции. Его герои не являются узниками в привычном смысле. Они – узники собственного благополучия. Сложные жизненные условия тысячелетиями гнали наших предков покорять всё новые и новые горизонты. Теперь же люди живут в полном комфорте, и к чему это приведёт? Дом Вебстера – это идеальная тюрьма, где всё продумано для безопасности, здоровья и удобства. Страх перед внешним миром становится сильнее любопытства и жажды приключений. Это удачная метафора любого комфортного «пузыря», будь то социальный круг, идеология или цифровая реальность.

Технологии достигли такого уровня, что физическое присутствие человека где-либо стало почти ненужным. Но Саймак задается вопросом: «не теряет ли человек в такой жизни что-то фундаментально важное?». Джером Вебстер может консультировать лучших врачей по видеосвязи, но не может спасти друга. Он может любоваться красотами Марса по голограммам, но не может почувствовать его почву под ногами. Прогресс, по мнению Саймака, становится врагом человеческого опыта, который по своей природе тактилен, связан с риском и физическим преодолением.

Джером – совсем не слабый человек. Он гений, мастер своего дела. Его трагедия в том, что он стал заложником наследственности и среды в самом изощренном смысле. Он наследует не только дом и состояние, но и образ жизни, мировоззрение и фобии. Его судьба – это не борьба со злодеем, а борьба с самим собой, со своей глубоко укорененной психологической инвалидностью, порожденной технологическим раем.

Стоит ли говорить про актуальность для современного мира? Мы сами создали себе такое «поместье Вебстеров»: квартиры с доставкой еды, социальные сети, заменяющие живое общение, удалённый формат работы, позволяющий никогда не выходить из дома. Пандемия лишь усилила эти тенденции.

Итог: Рассказ Саймака – это предупреждение о том, что, создавая мир абсолютного комфорта, мы рискуем потерять саму суть человеческого бытия – связь с реальностью, способность к риску, эмпатию, требующую физического присутствия. «Костёр в пещере» – это маленький шедевр социальной фантастики, рассказывающий нам о том, что человечество сжимается, как улитка, в раковине собственного изобретения. Саймак не осуждает своего героя, он с грустью и пониманием, показывает трагедию одного человека, которая может стать трагедией целой цивилизации.

Жанр: «Мягкая» научная фантастика

Оценка: 8/10

Алексей Севериан

Есть такой термин, широко известный в узком кругу ограниченных людей – «сбитые летчики». Это о писателях, обычно фантастах, которые были супер-гиперпопулярны в девяностых и нулевых, а потом буквально за год-два стали буквально никому не нужны. Самый радикальный пример – недавно скончавшийся Василий Васильевич Головачёв. Многомилионные тиражи, сопоставимые гонорары, а потом вжих – и новые книжки издаются тиражом 1500 экземпляров, из уважения к былым заслугам. То есть падение спроса не в десять, не в двадцать, аж в сто раз. Он не один такой,

конечно, но тут контраст между «было-стало» особенно заметен.

Мне, честно говоря, этот термин не нравится. «Сбитый летчик» – как будто кто-то посторонний его сбил на самом взлете. Пришел – и запретил печататься-продаваться. Нет, конечно: все сложнее и драматичнее. Натура ушла, читатель изменился, запросы сместились. Изменением техногенного ландшафта, пресловутым «засильем пиратов» не объяснишь. Просто в девяностых и нулевых что-то читателей цепляло, а потом резко перестало, хотя авторы не изменились. При том, что на книги других представителей того же поколения, не столь успешных в свое время, десятилетиями сохраняется небольшой, но устойчивый спрос. В общем, интересный феномен. Пытаюсь разобраться.

Василий Владимирский

12 февраля:

ИЗБА ЧИТАЛЬНЯ # 98

Что ж, всё хорошее рано или поздно заканчивается. Подходит к концу и наш хоррор-запой. Честно говоря, как всегда и бывает, на предыдущей книге я понял, что переел... точнее, перепил. И чтобы зафиналить действо, выбрал вещицу полегче. «Потустороннее» задумывалось, как серия книг не столько про хоррор прям хоррор, а скорее про мистику. Не совсем ССК-лайт, но что-то вроде, да и имена на обложке сплошь знакомые. Приступим.

СВИДЕТЕЛЬ, Коллектив Авторов

Тут я, пожалуй, останавливаться на каждом рассказе не стану, дам общее впечатление. Как и ожидалось, зубромастодонты выступили гораздо увереннее и профессиональнее, чем новички. Оно и не удивительно. Разве что «Комиссар Кремля», Щетининой меня задавил своей вязкостью, но это

как раз в духе автора. Ну и, конечно, расстроило, что Провоторов опять со старым текстом. Но в целом авторы прошедшие через ССК и словом лучше владеют, и повествование плавнее строят.

Новички же, зачастую, при неплохом владении словом, истории создали скучноватые. Либо ты заранее понимаешь, чем дело кончится, либо

не очень понимаешь, для чего было такую простую идею в такой кокон событий оборачивать. Однако же и тут есть свои жемчужинки. Порадовал Мацерат с демонически-дедовским горфэнтези, Маючая, с серым, предсказуемым, но странным образом цепляющим лимбом, и, особо, Хоменко с адским Пушкиным. Цепанули ребятки, смогли.

Заглавный рассказ в большей степени оставил в недоумении. Однако же есть в нём реальные живые переживания, от которых так просто не отмахнёшься. Взаимоотношения так и не простившего обиду ребёнка-взрослого с отцом, мучительное душное посмертие, есть в этом что-то объединяющее все рассказы. Герои тут действительно во многом лишь наблюдатели. В плане консистентности сборник конечно монолитный. Тут к составителю вопросиков нет. Всё подогнано идеально, и это тот нечастый случай, когда название не обманывает, а дополнительно играет на восприятие текстов книги.

Отдельно отмечу не слишком характерные для отечественного хоррора локации. Тут вам и Штаты, и Европа, и Азия, и при этом вполне неплохо поданные, без особой самодеятельности, хотя местами и чуть утрированно. Как по мне удалось передать колорит и при этом поймать характер живущих там людей. Что тоже дорогого стоит.

В целом же тема не совсем моя. Слишком медитативно, слишком рефлексивно, на мой менее притязательный вкус. Дозированно я такое ем и нахваливаю, но целый сборник оказался ту мач. Ну и почти половина историй от условных новичков создала ощущение финала литературного конкурса. Неплохого, надо сказать, финала, но всё же. По факту, конечно, жаль, что серию прикрыли, пусть даже тема не совсем моя. Свой шарм в таких историях, без явных чудовищ, с лёгкой грустинкой, безусловно есть.

Засим всё. Приятного чтения всем, кто ещё читает.

Олег Кожин

13 февраля:

Немногие знают, но существовала ещё одна российская адаптация Толкина – и она совершенно безумная.

«Туда и обратно» (2002) – это телеспектакль по мотивам «Хоббита». Прославленный **Виктор Авилов** («Узник замка Иф», «Господин оформитель») сыграл сразу нескольких персонажей в фееричных костюмах.

Увы, телеспектакль не выходил на видео, и запись, по слухам, сохранилась только у режиссёра **Олега Лещинера**. Мы можем лишь полюбоваться на эти незабываемые кадры.

Мир фантастики

Дослушала вчера «Сердце пармы» до той части, где в Уросе князь Мичкин пытается организовать отряд и выйти против московитов, чтобы дать людям время уйти из города. Подумалось мне, что хоть «Невьянская башня» и уступает «Сердцу парме» по фактуре и сложности художественного полотна, это одновременно ее плюс. «Сердце пармы» больше, персонажей больше, и в какой-то момент от масштабности такой устаешь. После сцены с похороненными заживо скудельниками вот это все в Уросе оживило в памяти цитату из «Обыкновенного чуда»: стыдно убивать героев, чтобы растрогать холодных и расшевелить равнодушных.

В общем, решила к обреченному Уросу и Чердыни, где пожар, вернуться позже. Почти наугад выбрала «Мальинверно» Доменико Дары, который пока что смутно напоминает не «Имя розы», как в аннотации написано, а «Шоколад» Джоан Харрис или что-то в таком же духе современного полусказочного магреализма. Только не говорите, что я ошиблась с выбором и дальше там опять драма, сейчас мне не хочется драм.

...но, бесспорно, «Сердце пармы» как минимум в части сибирской хтони совершенно поразительное. Когда слушала (Гармаш начитал книгу) про князя Василия на тумане, ничего делать не могла, сидела как завороженная. До мурашек просто.

Я обязательно дослушаю или дочитаю. Но позже.

Наталия Осояну

Хотел заказать нейросети обобщенный портрет «человека будущего» каким его представляли советские фантасты 1920-х.

Примерно такого:

Нет волос

Редуцированные зубы

Подвержены постоянному воздействию радиации

Половые различия слабо выражены

Неприхотливы в еде

Живут по нескольку веков

Отличаются большой силой и выносливостью

Но потом сообразил, что этот портрет уже нарисовали без всяких нейросетей. Вот например.

Будущее уже здесь!

Василий Владимирский

14 февраля:

Какие чудныЕ и удивительные вещи узнаешь порой из совершенно непрофильных статей. Вот, например, как видит историю экранизации «Трудно быть богом» член правления Гильдии продюсеров России, владелец киноцентра «Великан Парк», кандидат экономических наук Эдуард Пичугин:

Вспомните «Трудно быть богом» – десятки лет никто не подходил к идее экранизации этого произведения, но вдруг инициативная группа предложила Алексею Юрьевичу Герману: «Давайте сделаем!».

Вдруг. Даю справку: съемки кинофильма Алексея Германа начались в 2000 году. Предыдущая экранизация «Трудно быть богом», советско-германская (реж. Питер Фляйшман) вышла в прокат в 1989 году.

То есть ни о каких «десятках лет» речь, разумеется, не идет.

Самый ранний сохранившийся вариант киносценария по ТББ написан в 1968-м, уже тогда шло обсуждение перспективы экранизации. Чуть позже этим проектом заинтересовался молодой еще Алексей Герман, но снять этот фильм ему тогда не дали. Еще один вариант сценария написан в 1977-м. Около 1980-го свой вариант сценария (до сих пор не опубликованный, увы) сочинил еще один крупный советский режиссер, Карен Шахназаров. Потом случился Фляйшман с его кинонедоразумением – ему, однако, удалось довести съемки до конца. При этом и Алексей Герман не терял надежды вернуться к этому давнему, нежно любимому проекту: в 1999-м он вместе со Светланой Кармалитой закончил сценарий «Что сказал табачник с Табачной улицы» – и наконец нашел продюсеров. То есть сложно найти менее подходящий пример литературного произведения, «к идее экранизации которого никто десятилетиями не подходил». В общем, фактчекинг не помешал бы.

Василий Владиимирский

Ну раз ни валентинок, ни книг никто не прислал, давайте про чужих.

Вот такой водится у нас в Невском районе. Правда, соседи ему что-то не радуются. А с другой стороны, кто радуется чужим?

Екатерина Каретникова

15 февраля:

Книги, из которых я состою-1

А теперь всё-таки про интересное. В смысле, про книги, которые реально на меня повлияли и изменили меня. У меня не очень большой набор, потому

что читать для меня с трёх лет было счастьем, но на меня ещё поди повлияй.

Небольшой-то он небольшой, но постов будет несколько. Не хочу вспоминать всё за один присест. И не хочу в хронологическом порядке. Хронологический порядок – только иллюзия порядка. Время нелинейно вообще.

Я – нормальный, годный читатель, как читатели из Лейна. То есть, я все книги живу. Всем своим существом. Поэтому в детстве я была абсолютно всеядна. Я тогда о человеческой жизни вообще ничего не знала, и мне было интересно жить любую чужую жизнь.

Но годам к пятнадцати у меня наконец случился первый читательский кризис. Мне надоело читать про обычную жизнь обычных людей. Все эти бесконечные семьи, мамы-папы, взаимные-невзаимные любови, свадьбы и дети, короли и начальники, войны, которые всё рарушают, злодеи, которые всё портят – ладно, я поняла, что так бывает. Запомнила! Давайте дальше. Про интересную жизнь нормальных чуваков.

И вот тут-то мне в руки попали **«Пасынки Вселенной» Хайнлайна**. И вот это было настоящее великое потрясение для меня. Мне не особо понравился главный герой, мне был отвратителен описанный образ жизни, неинтересны их побоища, но это вообще неважно. Они решали проблему нормального, понятного мне масштаба. Там, если вы не читали, или забыли, люди в огромном космическом корабле, предназначенном для жизни многих поколений космических путешественников, в результате ряда трагических событий одичали, утратили связь с реальностью, и решили, что их огромный, но всё-таки ограниченных размеров космолёт – и есть весь мир. И однажды воспитанный в этой парадигме герой получает возможность посмотреть в иллюминатор и увидеть бескрайний космос. Ну и потом другая иформация подтягивается. Реальность оказалась совсем не такая, как он думал (как его научили). Всё оказалось совсем иначе, ИНАЧЕ СОВСЕМ!

Понимаете. Там чувак на протяжении одной коротенькой жизни успел узнать, как на самом деле устроен мир, совершить ряд поступков, которые привели к тому, что он покинул корабль (который с детства считал всем миром), поболтался в ледяном космосе на маленькой шлюпке и приземлился на планете, подходящей для жизни. То есть, обрёл новый, настоящий, не выморочный мир.

Я была совершенно потрясена тем, что книги могут быть и об этом. О проблемах такого масштаба, который понятен и интересен мне. О людях, которые сталкиваются с проблемами такого масштаба и как-то их решают (ну или не решают, но хотя бы пытаются). И тогда художественная литература заново заворожила меня.

Макс Фрай

Некоторое время назад для одного из дружественных ресурсов меня попросили назвать 5 книг, которые на меня повлияли. В процессе написания оного списка я понял, что назвать пять книг очень непросто, и так появился список из намного бОльшего количества книг, которые так или иначе повлияли на мою жизнь и сформировали мои интересы. Вот этот «небольшой» список, книг примерно из 30 (наверное можно было бы и побольше, но остановимся на них).

Фантастика и Фэнтези

Эти книги сформировали мою любовь к фантастике (а потом и к фэнтези, потому что в моем детстве фэнтези не было), благодаря некоторым из них я выучил английский и стал переводить книги. И до сих пор этот книжный жанр – мой любимый:

Клиффорд Саймак «Город»

Клиффорд Саймак «Заповедник Гоблинов»

Майкл Муркок «Повелители Мечей»

А. и Б. Стругацкий «Понедельник начинается в субботу»

Джон Толкин «Сильмариллион»

Анджей Сапковский «Последнее желание / Меч предназначения»

Айзек Азимов «Академия», «Академия и Империя», «Вторая Академия»

Урсула ле Гуин «Планета изгнания»

Сергей Павлов «Лунная радуга»
Майк Резник «Рожденный править»
Кир Булычев «Сто лет тому вперед»
Артур Кларк «Фонтаны Рая»

Игры:

Без этих книг я бы не попал в мир РИ и Dungeons & Dragons и, впоследствии, не сыграл бы самую лучшую свою роль за все годы в РИ:

Джон Толкин. «Властелин Колец»
А. и Б. Стругацкий «Трудно быть богом»
Маргарет Уэйс, Трейси Хикмэн «Драконы осенних сумерек»

История

Благодаря этим книгам я вообще заинтересовался историей некоторых периодов (и интересуюсь до сих пор):

Василий Ян «Чингисхан», «Батый», «К последнему Морю»
Морис Дрюон «Проклятые короли»
Вальтер Скотт «Айвенго»
Евгений Тарле «Наполеон»
«Старшая Эдда»
Библиотека Всемирной литературы. «Исландские саги / Ирландский эпос»

Астрономия/Космонавтика

Я прочитал эти (и не только эти) книги в детстве и заболел астрономией, а впоследствие – и космонавтикой:

Феликс Зигель «Сокровища звездного неба. Путеводитель по созвездиям и луне»
Владимир Цесевич «Что и как наблюдать на небе»
Борис Воронцов-Вельяминов «Очерки о Вселенной»
Владимир Губарев «Ужин на рассвете»

География

Именно эти книги сформировали мой интерес к географии (а, еще был учебник экономической географии за 9 класс моего старшего двоюродного брата):

Жюль Верн «Таинственный остров»
Тур Хейрдал «Путешествие на Кон-Тики»
Владимир Обручев «Плутония»
Владимир Обручев «Земля Санникова»

Влияние со знаком минус:

Николай Чернышевский «Что делать» – в подростковом возрасте меня заставили читать эту книгу дома под тем соусом, что прототипом Веры Павловны была Мария Александровна Обручева (впоследствии – Сеченова), и я должен знать историю семьи. Этой удивительно посредственной и повесточной для своего времени книгой у меня на бесконечно долгое время отбили интерес к русской классической литературе.

Владимир Обручев

О, вот это крутая новость: финны, создавшие «Железное небо» – режиссер Тимо Вуоренсола и продюсер Теро Каукомаа, – хотят снять за 15 млн евро трилогию Deep Red про тайный советский город на Марсе, которым диктаторски управляет заглавный ИИ, бывший шахматный суперкомпьютер СССР (по аналогии с Deep Blue). Черновик сценария написала финская фантаст Йоханна Синисало, доработает его неназванный американский сценарист. 5 млн планируют получить из субсидий, 10 млн – поднять краудфандингом через токены по одному евро.

Разумеется, это где-то и автоплагиат, и «Луна жестко стелет» Роберта Хайнлайна, и наверняка много чего еще. Но – почему нет? Концепция «Железного неба» тоже не отличалась оригинальностью,

однако классное кино Тимо Вуоренсола сделал – он это умеет (и вообще он крутой – мы встречались в Пекине на конвенте в свое время).

Николай Караев

16 февраля:

Книги, из которых я состою-2

О существовании литературы – я имею в виду, литературы как искусства владения письменной речью – я узнала в 6 лет, когда мне подарили книгу Олеши «Три толстяка».

До этого я просто ныряла в книги, проживала описанные там события и возвращалась обратно. Я получала опыт и информацию. Мне было всё равно, в каком порядке там стоят слова, и какие именно. Лишь бы было понятно, о чём рассказ. И тут вдруг: «кошка шлёпнулась как сырое тесто», «гром запрыгал, как мяч», «но и для одного глаза зрелище было достаточно страшное». И так далее. Впервые в моей читательской жизни «что» стало менее важно, чем «как». В смысле, как рассказана история, какими словами вдруг оказалось гораздо важнее, чем сам нарратив.

Розы вылились как компот! Капли воды горькие как слёзы. Что-то удивительное эти горькие капли тогда со мной сделали. Я до сих пор помню это самое первое (и поэтому самое сильное) воздействие художественного образа на меня.

Макс Фрай

Чуть не пропустил. Сегодня коллеге **Алексею Караваеву** (не путать с коллегой Николаем Караевым) исполнилось 55 лет. Красивая циферка, симметричная, хотя и не круглая. Как раз недавно дочитал первый том его **«Краткой истории советской фантастики»**, развернутую рецензию дописываю. Но вспоминал я сегодня о других плодах трудов Алексея. А именно – о легендарном фэнзине **«Семечки»**, который Караваев когда-то запустил вместе с **Сергеем Соболевым** в Липецке. Удивительное издание, несмотря на свою провинциальную локализацию быстро стало мастридом в фэндоме – и объектом непрекращающегося хейта со стороны писателей-фантастов благодаря ядовитому, саркастичному тону многих статей и рецензий. «Семечки» продержались удивительно долго, аж 18 выпусков у меня

есть (точнее 17, девятый номер куда-то задевался), и фактически закрыли эпоху бумажных фэнзинов – да и «общефантастических» фэнзинов как таковых. В следующем году, если доживем до 2027-го, будем отмечать тридцатилетие с момента выхода первого номера. Охренеть какие мы все старые. А все еще занимаемся этим [censored]...

Василий Владимирский

Очень я люблю «русскую готику», русскую фантастическую или «таинственную» повесть (рассказ) 19-первой четверти 20 веков. Мы с Кел-кором даже опубликовали цикл о «русской готике» статей в DARKERe.

Уровень у произведений этой «готики» разный, конечно, – от шедевров А.К. Толстого, Гоголя, Андреева, Грина, Александра Иванова, Брюсова до повести Павла Лукина, к примеру. Был такой автор в 30-х годах 19 века. Единственное фантастическое произведение Лукина – коротенькая готическая повесть о договоре с нечистой силой (вышедшая анонимно с подзаголовком «фантастический роман») «Талисман, или Заклинатель духов». Произведение удостоилось короткого отзыва Виссариона Белинского: «Вздорная сказка, плохо рассказанная, фантастический роман на двадцати двух страничках в двенадцатую долю!..». Кстати, Белинского часто ругают за нелюбовь к фантастике, но фантастику качественную он ценил: в частности, хвалил «Упырь» А. К. Толстого, с уважением относился к Гофману.

Самое большое возмущение вызвал подзаголовок повести Лукина, обманывающий читателя. Критик Катков писал: «Мы онемели от изумления, когда пробежали этот «роман»... Роман!.. Помилуйте, да этот роман так велик, что весь упечатается не более как на четырёх таких страничках нашей «Библиографической хроники»; уверяем вас, что не шутим. Почтеннейший автор, кто бы вы ни были – это уже выходит из пределов приличия... Бедные помещики, живущие в захолустьях провинций и покупающие для своих молоденьких, страстных до чтения дочек новые романы – это грех против вас, это расчёт на вашу охоту покупать всякие романы...». Мне «роман» тоже не слишком понравился (хотя есть тут любопытные моменты, и в своей наивности он даже симпатичен), но я не упустил возможность в своё время составить библиографию автора для Фантлаба.

«В одну из бурных осенних ночей, когда гремящий гром своими перекатами устрашал всякаго, когда молния, змеею извиваясь в тусклом воздухе, на мгновение освещала горизонт, в это время высокий, бледный, как привидение, закутанный в плащ человек, осторожно пробирался в самую средину леса...»

Вертер де Гёте

Лайон Спрэг де Камп «Корона Ксилара»

Жанр: Героическое фэнтези

Оценка: 8/10

«Корона Ксилара» – третья и финальная часть о бывшем короле Джориане. Цикл *«Новария»* продолжается дальше, но уже с другим героем. Это более зрелое и одновременно менее лихое завершение трилогии о «короле поневоле», в котором де Камп подводит итоги своим любимым темам: политической сатире, рационалистическому взгляду на чудеса и разоблачению героического фэнтези.

Джориан бежал от «традиции» – пятилетнего царствования, за которым неизбежно следует торжественная казнь и розыгрыш короны по принципу «кто поймал голову – тот и правит». В двух первых книгах герой уже прошёл длинный путь через

Новарию, помогал чинить часы в Иразе и бесконечно откладывал возвращение к вопросу о своей нежеланной короне и брошенной жене Эстрильдис. В «Короне Ксилара» петля, наконец, затягивается: Джориан вместе с магом Карадуром снова оказывается втянут в политические интриги вокруг Ксилара, пытается вытащить Эстрильдис из плена и окончательно «разрулить» собственный статус – и как беглого монарха, и как человека, застрявшего между несколькими женщинами и несколькими обязанностями. Это одновременно роман о возвращении и о том, почему герой всё равно не вписывается ни в одну из предложенных ему ролей – ни в образ идеального короля-мученика, ни в образ свободного авантюриста без обязательств.

Де Камп по-прежнему рассматривает государства как набор несовершенных устройств: Ксилар с его религиозно оформленной лотереей на право быть обезглавленным, соседние города-государства со своими формами тирании и республиканской мишуры. Автор не предлагает идеальной модели, а показывает, как человек с нормальным здравым смыслом лавирует между фанатизмом, бюрократией и корыстью разных режимов.

Главный конфликт Джориана – не только со стражей и судами, но с самой идеей, что «правильно» – добровольно идти на плаху ради традиции. Через судью Граллона и ксиларианскую систему видно, как общество может искренне считать моральным то, что для героя выглядит абсурдным и бесчеловечным.

Центральным становится мотив возврата в место, откуда Джориан когда-то сбежал: к короне, к Эстрильдис, к семье в Кортолии. Де Камп показывает, что простого «откатить всё назад» не существует: люди изменились, герой изменился, и попытка восстановить прошлое приводит не к восстановлению идиллии, а к ещё более болезненным открытиям (включая сюжетную линию с тем, как Эстрильдис «ждала» в его отсутствие).

Как и раньше, магия и монстры у де Кампа всегда слегка «размагичены»: призраки и демоны остаются эффектными, но автор постоянно подчеркивает логику их действий, договорные отношения, правовые последствия. В финале трилогии это особенно заметно: даже сверхъестественные эпизоды работают как испытание здравого смысла героев, а не как вмешательство «высших сил».

К финалу цикла Джорианууже не просто остроумный беглец с плахи, а усталый, но всё ещё живой человек, который понимает цену любой «короне» – и буквальной, и метафорической. Его путь в этом романе – попытка совместить личное счастье, чувство долга и инстинкт самосохранения, при этом не скатившись в цинизм.

Третий роман заметно сильнее, чем предыдущие, разворачивает тему женщин в жизни Джориана. Особенно линию с Эстрильдис, которую он в предыдущих книгах идеализировал как «утраченное

счастье». Конкретика её выбора и поведения (включая любовника, о котором узнаёт герой) разрушает эту идеализированную картинку и заставляет Джориана наконец увидеть, что женщины вокруг него – не награды за подвиги, а отдельные субъекты со своими желаниями и границами.

Маг Карадур остаётся голосом рассудка и инструментом сюжета, но в «Короне Ксилара» его присутствие играет ещё и роль морального ориентира: на его фоне ярче видны импульсивность Джориана и различие между «книжной мудростью» и жизненной хваткой. Второстепенные персонажи функционируют как набор зеркал, в которых отражаются разные варианты власти и личного выбора.

После эпизодичных авантюр *«Башни гоблинов»* и *«Часов Ираза»* структура «Короны Ксилара» ощущается более целенаправленной: меньше «туризма по странам мира», больше возвратов к уже знакомым местам и персонажам. Это придаёт книге ощущение завершённости – герой наконец добирается до тех сюжетных долгов, которые тянулись с первой страницы цикла.

Ирония никуда не девается: де Камп всё так же насылает на своих героев бюрократов, педантичные суды, странные религиозные культы и очень земные проблемы вроде контрактов и долгов. Но общий тон становится чуть более спокойным и меланхоличным: за шутками всё чаще проглядывает понимание, что любые политические конструкции недолговечны, а люди в них ещё более хрупки.

Проза де Кампа остаётся предельно ясной, без вычурности и псевдо-архаики. Сцены экшена, бытовые детали и диалоги поданы одинаково сухо и точно, что даёт эффект почти «репортажного» взгляда на фэнтезийную действительность.

Итог: «Корона Ксилара» – аккуратный, иронический и довольно трезвый финал истории про человека, который так и остался «королём поневоле». Даже тогда, когда от короны осталась лишь тяжёлая память и цепочка последствий. Это роман, который особенно хорошо работает, если вам интересен цикл целиком, и важна именно эволюция героя и авторского высказывания о власти, а не только отдельные приключенческие эпизоды.

Алексей Севериан

17 февраля:

Тверская сказка про Царевну-лягушку предлагала интересное объяснение, почему Иван-царевич не сумел уйти от нее из болота: лягушка была огромной. Она была размером со слона.

«Там [в болоте] нашел свою стрелу у лягушки. Больша-ая лягушка, как сенная копна».

Бесстрашный царевич попробовал улизнуть от чудовищного земноводного, но безуспешно. Сложно сбежать от огромного, ангажированного и чересчур замотивированного на брак земноводного.

«Он взял стрелу.

– Все равно уйду.

А лягушка:

– Все равно от меня не уйдешь, я впереди тебя буду.

Как прыгнет вперед!»

Не сумел Иван избавиться от лягушки. Пришлось ему вместе с ней домой возвращаться. На его счастье, лягушку никто не заметил. Вероятно, было не очень сложно протащить во дворец амфибию величиной с тираннозавра.

Потом Иван понял, что лягушка – оборотень и красавица, сжег ее шкурку, девица пропала, он отправился ее вызволять. Кстати, это тоже довольно логично. Хрупкая молодая женщина, конечно, намного более беззащитная и обидеть ее легко, в отличие от альтер-эго в виде громадины-лягушки, которая и медведя сожрет, не поперхнется.

В общем, это моя любимая тверская сказка и вообще одна из самых любимых.

Тверская сказка про монструозную амфибию: Гончарова А.В. «Золотые зерна»: Сказки, легенды, предания, мемуарные рассказы Тверского края. Тверь. 1999. С. 56-61.

Антон Нелихов

«Ключи от Хогвартса. Культурные коды вселенной Гарри Поттера», Галина Юзефович

(«МИФ», 2026, 16+)

Вы сможете описать Хогвартс по памяти? Наверное, у каждого читателя он свой. И книга литературного критика Галины Юзефович подарила мне возможность туда вернуться – пройти по гулким коридорам, заглянуть в гостиную Гриффиндора и подмигнуть Почти Безголовому Нику. Кстати, вы знали, что он дословно цитирует Оскара Уайльда при первой встрече с Гарри?

В семикнижии много отсылок к английской литературе. Джоан Роулинг говорила, что ее книги лучше всего читать параллельно с «Эммой» Джейн Остин. И Галина Юзефович доказывает, что у этих историй есть точки пересечения. В цикле о Гарри Поттере есть отголоски «Грозового перевала» Эмили Бронте, сказок братьев Гримм, поэм Овидия и многих других художественных текстов.

Структура «Ключей от Хогвартса» помогает посмотреть на любимую вселенную как исследователь: от устройства художественного мира мы переходим к культурному контексту, от системы ценностей – к влиянию на целое поколение. Финальная глава посвящена переводам. Какой читали вы? У меня были книги от «Росмэн».

Первую книгу о Гарри Поттере я прочла в 12 лет. И это была встреча с чудом. «Гарри Поттер и философский камень» стал для меня историей об обретении дружбы, об отваге, но в тоже время – о переживании утраты, сиротстве и одиночестве, которая сильно отзывалась в сердце. До сих пор помню, как меня потрясла сцена у зеркала Еиналеж. Я точно знала, кого бы я увидела в нем, окажись на месте Гарри... С тех пор я жила в этом мире, как и многие мои друзья. Каждый год выходила новая книга – мы читали ее вместе. Последнюю я прочла уже студенткой.

Книга «Ключи от Хогвартса» – это во многом книга о нас, о поколении, которое росло вместе с мальчиком-волшебником. Интересно поразмышлять о том, как повлияла ли на нас эта книга, что мы унесли с собой из Хогвартса, помимо добрых воспоминаний.

Даша Кельн

На что вы готовы ради мечты?

Отзыв о романе Кати Качур «Желчный ангел»

В детстве я думал, что ради мечты готов на многое. Теперь – многое, наоборот, сдерживает, как лента воздушного змея, чтобы того не порвал ветер. Предал ли я мечту? Возможно. Счастлив ли я сейчас? Конечно. Чтобы это осознать, потребовались годы и, отчасти, книга Кати Качур. Рассказываю, что же в ней такого прекрасного.

О чём книга

Хирург Вадим Казаченко оперирует известного писателя Сергея Грекова и извлекает на свет божий камень, который оказывается бриллиантом с фигурой ангела внутри. Находке нет научного объяснения, и, чтобы не прослыть сумасшедшим, молодой врач не рассказывает о случившемся ни коллегам, ни самому пациенту. Вадим оставляет камень у себя – и ему начинает несказанно везти. Профессия, которая еле позволяла сводить концы с концами, теперь приносит внушительный доход, Казаченко становится хирургом с именем, и даже красавица-соседка Марго отвечает взаимностью на его чувства...

Жизнь писателя Грекова, напротив, разваливается на части – и он тянет за собой в пропасть всех, кто оказывается рядом.

Шаг за шагом таинственный камень, чья история уходит в далекое средневековое прошлое, коварно путешествует от одного героя романа к другому, вовлекая своих хозяев в странную и жестокую игру. И каждый из последующих владельцев обязан сделать выбор. Вот только цена этого выбора оказывается непомерно высокой...

«Нам всем есть что терять. И порой это несоизмеримо больше, чем наши мечты...»

Мнение о книге

Сюжет и идея

«Желчный ангел» – роман о выборе и цене мечты. О природе таланта, о человеческих желаниях и о том, чем мы готовы расплатиться за возможность стать теми, кем хотим себя видеть. Катя Качур говорит и о вселенской любви, и о прощении, но делает это без назидательности – через судьбы героев, их ошибки и сомнения.

Не часто читал магический реализм, но после прочтения книги захотелось познакомиться с жанром ближе. Понравилось, как реальность постепенно трескается, словно стекло в старом окне, и сквозь привычный мир проступает параллельный. Настоящее переплетается с прошлым, события отражаются друг в друге, а символы становятся ключами к пониманию героев.

Местами роман вызывает ассоциации с Булгаковым: схожие жанры, обворожительная Маргарита, главный герой – писатель, а антагонист, который должен быть воплощением зла, оказывается сложнее. Даже некоторые метафоры звучат знакомо:

«Зима выскочила неожиданно и, как убийца из-за угла, мгновенно перерезала теплое горло заплутавшей в сумерках осени».

Персонажи

Герои на первый взгляд могут показаться шаблонными, но постепенно раскрываются, оживают

и играют полутонами. К финалу книги я проникся каждым.

Персонажи действуют исходя из характера и внутренней мотивации. Даже профессии подобраны не случайно – они подчёркивают сущность героев. Манера речи у каждого своя: писатель говорит мягко и интеллигентно, бандит – резко, с жёстким ритмом фраз, предприниматель-эзотерик – деловито и чётко, а ангел смерти звучит весомо и спокойно, будто каждое слово имеет силу приговора. Благодаря этому голоса героев легко различимы в общем ансамбле.

Слог и атмосфера

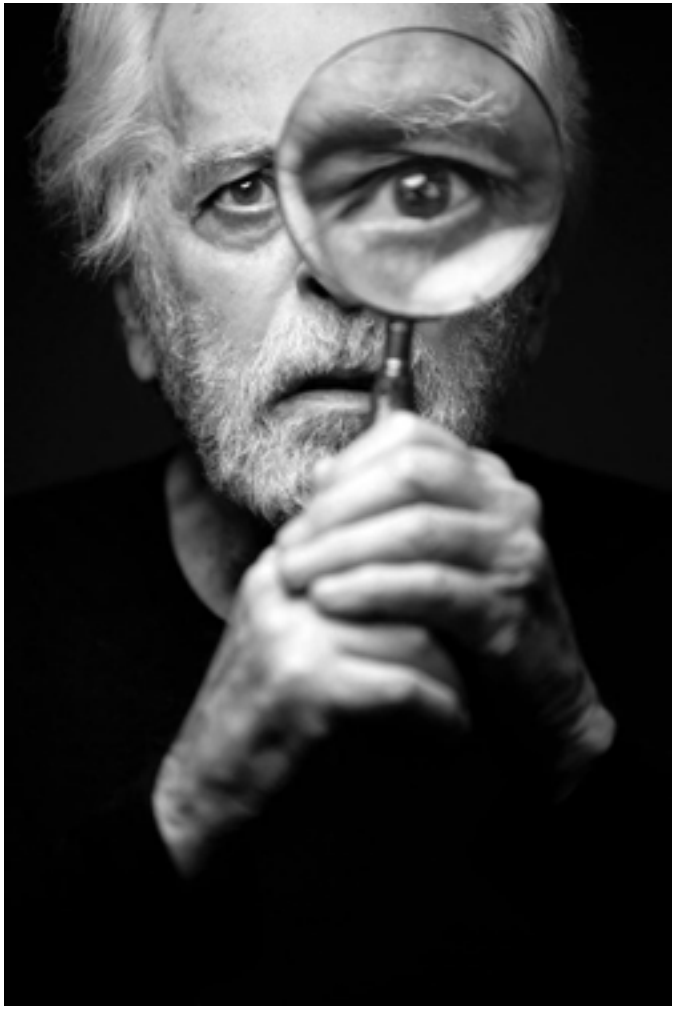
Понравился образный стиль Кати Качур. В главах, где события происходят в другом мире, язык насыщен метафорами, словно краски на полотне сгущаются и темнеют. В сценах современной реальности текст проще и яснее, но при этом не теряет художественной выразительности. Это создаёт контраст.

Особенно впечатлили описания природы. Они не просто украшают текст, а создают настроение – я словно услышал раскаты грома и ощутил тяжесть надвигающейся бури.

«Командующий грозой, хохоча над грезами влюбленных, подтянул всю свою артиллерию. Ледяные капли, сначала с горошину, потом с фундук, затем с перепелиное яйцо, разбомбили измученный город, добивая остатки цветов в клумбах, мокрых трясущихся собак и совсем уж единичных обезумевших прохожих».

Алексей Пак

18 февраля:



Сегодня исполнилось 97 лет величайшему человеку, живущему на планете Земля, и моему тайному духовному учителю Алехандро Ходоровскому.

«Первый день весны.
Мое тело кричит:
Я не хочу умирать!»

Ходоровский сохранил необычайную для столь преклонных лет ясность рассудка. Посмотрите его последние интервью, посвященные суперкниге Art sin fin. Он говорит замечательно, как монах-хулиган.

«Для меня политика – это не реальность. Как и религия. Если бог существует, он верит в меня. Я еврей, потому что родился евреем, но я не еврей. Так обстоят дела».

Вот смиренный ответ на вопрос El Pais, каково его главное достижение в жизни:

«Завязывание шнурков зубами. Я беру шнурок в рот и делаю очень красивый узелок, как роза. Это лучшее, что я когда-либо делал».

Дмитрий Волчек

В 1982 году Стивен Кинг, скрывшись под псевдонимом Ричард Бахман, написал роман «Бегущий человек».

По сюжету в 2025 году жизнь в США стала напоминать жуткую антиутопию. Миллионы безработных живут в Кооп-Сити. Обедневшему Бену Ричардсу нужны деньги на лечение дочери, но он никак не может найти работу. Он обращается в правительственную корпорацию, транслирующую различные бесчеловечные шоу, которые веселят богатеев и продолжают моральное разложение ставших ненужными людей.

Его отбирают для участия в самом популярном, кровавом и жестоком действе – шоу «Бегущий человек».

В 1987 году на экраны выходит фильм Пола Майкла Глейзера с Арнольдом Шварценеггером в главной роли. Сюжет фильма лишь отдалённо напоминает первоисточник, а главный герой не отчаявшийся безработный, а полицейский, отказавшийся выполнять преступный приказ.

В 2025 году вышел фильм Эдгара Райта. Глен Пауэлл сыграл Бена Ричардса куда больше похожего на человека, которого описал Стивен Кинг. Писатель назвал фильм «Крепким орешком нашего времени».

В следующем ролике, посвящённом роману Стивена Кинга «Бегущий человек» и двум одноимённым фильмам, я расскажу о главных идеях трёх произведений, о том, что объединяет эти абсолютно разные на первый взгляд творения, а также об их достоинствах и недостатках.

RocketMan

19 февраля:

Деннис Тейлор «Мы – Легион. Мы – Боб»
Жанр: «Твёрдая» научная фантастика/космоопера
Оценка: 8/10

Благодаря издательству «Fanzon» продолжаю знакомиться с новыми для себя писателями. Автор романа, Деннис Тейлор, проживает в Канаде. Он программист по образованию, и это, на мой взгляд, очень круто. Приятно видеть разносторонне развитого человека. «Мы – Легион. Мы – Боб» – начало цикла *«Вселенная Боба»*, весьма популярного на Западе.

Главный герой, программист Боб, запускает успешный стартап и продаёт его за огромные деньги. Разбогатев, он начинает тратить своё состояние направо и налево, в том числе на глупое, по мнению окружающих, дело – криозаморозку своего тела после смерти. Весьма скоро его вложения окупаются – Боб погибает. Стоит уточнить, что главный герой – прожженный гик, который фанатеет от всего на свете: со «Звёздного пути», «Симпсонов», «Футурамы», «Звёздных войн» и много с чего ещё. Таким образом в романе читателя ждёт тонна отсылок, многие из которых, как мне кажется, сам я пропустил. Главный герой обладает душой философа, наделён чувством юмора и неплохо разбирается в науке.

Очнувшись спустя примерно 100 лет, Боб узнаёт, что стал не более чем компьютерной симуляцией. За прошедший век наука не особенно продвинулась вперед, а, скорее наоборот, в Америке наступили своеобразные тёмные века. США полностью реформировались и стали Великой Единой Религиозной Америкой (сокращенно ВЕРА). В новом государстве главенствующую роль заняла религия, и ей подчиняются все сферы жизни. До личности Боба тут никому нет дела – теперь он лишь инструмент. Ученым ВЕРА нужен неординарный электронный интеллект с возможностью к самообучению, чтобы победить в очередной космической гонке. Боба должны загрузить в космический корабль и отправить покорять бескрайний космос. По сути, Боб теперь представляет собой сверхмощный компьютер, с кучей датчиков, камер, манипуляторов и подсистем. На должность покорителя космоса есть несколько кандидатов, и между ними устраивают конкурс. Боб с честью выдерживает все испытания и начинает подготовку к полёту. Однако его земная жизнь длится недолго, и из-за покушения конкурирующей страны, он вынужден поспешно отправиться туда, куда ещё не ступала нога человека.

Постепенно Боб начинает осваиваться со своими новыми способностями. Теперь перед ним неизведанная Галактика и огромные возможности. На мой взгляд, Боб отличный кандидат для этой роли и яркий главный герой. Он довольно быстро приспосабливается к новым реалиям, избегая ненужных рефлексий. Боб предпочитает не думать долго над какой-либо проблемой, а быстро переходит к действию. К исходным чертам характера добавляется тот факт, что программист, по факту,

оказывается заперт внутри компьютера. Чтобы снова почувствовать себя человеком, он создаёт себе виртуальную реальность, в которой и проводит большую часть времени. Освоившись с новыми возможностями, Боб составляет себе список дел, который оказывается огромным. Однако первым пунктом плана стоит – избавиться от аналогичного космического корабля Бразилии, который преследует Боба с целью уничтожить. Есть в этом списке и более мирные планы: поиск внеземной жизни, добыча ресурсов, улучшение корабля, разведка на Землю и многое другое. Как же это всё успеть одному? Боб решает пойти на радикальные меры и создает собственные копии – тот самый легион Бобов. Однако копии не являются полностью идентичны оригиналу. Хотя общий тип характера очень похож, каждый имеет отличительные особенности. Именно эти отличия помогают первому Бобу, как самому главному, распределить обязанности, чтобы никто не остался обиженным. После этого копии Боба разлетаются по галактике, и начинается самое интересное.

Во второй части романа количество сюжетных линий увеличивается по мере увеличения количества копий Боба. Помимо разных характеров у них разные имена: Гомер, Хан, Райкер, Билл, Майло и т.д. Одни линии более интересны и динамичны, другие менее, однако за всеми ими любопытно наблюдать. Обрывается же роман довольно неожиданно, можно сказать на полуслове. Тем сильнее ждёшь продолжение, которое уже анонсировано издательством на ближайшее время.

Юмор в романе довольно прост и незатейлив. Если вы ждёте высокоинтеллектуальный английский юмор, можете проходить мимо. Для себя к минусам я это не отнес. А вот что мне не понравилось – так это куцый финал. Он наступает настолько неожиданно, что кажется будто несколько глав просто вырезали. Возможно, автор и добивался такого эффекта, но я бы хотел видеть хоть какой-то промежуточный финал.

Можно похвалить роман за атмосферу погружения в своеобразную вселенскую песочницу. У Боба огромное количество инструментов и бесконечность впереди для того, чтобы преобразовывать галактику, как ему вздумается. Эта мысль красной нитью проходит через весь роман. Также автору отлично удалось передать восторг первооткрывателя, который испытывает Боб. Мы вместе с ним радуемся новым достижениям. При всей относительной научности читать роман очень легко.

Итог: «Мы – Легион. Мы – Боб» – крепкий научно-фантастический роман, качественное начало для цикла. Больше всего он понравится гикам – здесь они смогут увидеть огромное количество отсылок, а в чём-то и поспорить с автором. Однако и рядовой читатель сможет найти для себя в романе много интересного. Надеюсь вам удастся подружиться с простым пареньком Бобом и отправиться вместе с ним бороздить Вселенную.

Алексей Севериан

ИЗБА ЧИТАЛЬНЯ # 99

Хоррор запой закончился, и выходить из него нужно плавно. Поэтому выбор мой пал на это ваше богомерзкое Аберкромбие. То ли гримдарк, то ли максимально близко к нему, а это ж почти хоррор, да? К тому же истории из цикла Земного Круга, большей частью, мне заходят. Да и аннотация обещает интересный зачин в духе средневекового Тарантино.

ЛУЧШЕ ПОДАВАТЬ ХОЛОДНЫМ.
Джо Аберкромби

В общем история простая и понятная, как все читаные мною вещи Аберкромби. Если он заявляет, что разномастная группа искателей приключений отправится в квест связанный с неким древним артефактом, поверьте, так и будет. А если название истории прямиком отсылает на месть, то именно её мы и получим – кровавую, грязную, без всяких намёков на честь. С ударами в спину, подлыми отравлениями и тройным кидком с переобуванием в воздухе.

Крутую, красивую и в добавок очень умную наёмницу кидает через колено наниматель. Буквально кидает, причинив очень серьёзную душевную и физическую боль. Но вот беда, не удосужился наниматель проверить, действительное ли больше не бьётся это сильное сердце? А сердце, тем временем, выжило, и полнилось ядом, вывести который можно было только одним образом – убив всех, кто пытался заставить его остановиться.

По заветам боевиков Голливуда, героиня наша начинает собирать команду помощников. Просто потому что в процессе понимает, что с такими людьми ей не справится в одиночку. К счастью, деньги не проблема – последствия одной подлости, совершенной во время очередной работёнки, во времена командования отрядом наёмников Тысяча мечей. Да-да, того самого Никомы Коски, ЕВПОКЯ. Который был смещён в результате одной подлости.

С новобретёнными помощниками, ни одному из которых героиня не может доверять в полной мере, она начинает носиться по Стирии, сея хаос и раз... а, в смысле, причиняя справедливость, да. А чтобы читатель не охренел в край от количества трупов, когда на коротком отрезке убить следовало семерых, автор щедро пересыпает смертоубийства пространными рассуждениями о чести, о войне, о мире, которого никто из героев в глаза не видел, об отношениях, о смелости, о трусости, подлости и предательстве.

Предательство вообще основной механизм действия в романе. Стоит читателю хоть немного заскучать, как тут же кто-то кого-то кидает. В процессе читатель понимает, что предательство не основной, а единственный механизм продвижения сюжета, но к тому времени он уже так увяз в потрохах и загустевшей крови, что выбираться, в общем-то, бессмысленно.

Диалоги, как всегда у Аберкромби, резки и остры, и полны скрытого юмора. Да вот беда, кочуя от книги к книге, начинаешь понимать, что все – вот реально все! – герои автора одинаково остры на язык, язвительны и не лезут за словом в карман. Ну, то есть, говорят, как сам Аберкромби, видимо. Не зависимо от того, спивающийся ли это наёмник, северный варвар, безуспешно пытающийся стать лучше, или постоянно жующая девочка-отравительница.

Не обошлось и без бога из машины. Несколько раз он вытягивает героиню из пропасти, что некоторым образом нивелирует её злую мстю. Хотя в какой-то мере это придаёт реализма всей этой теме, где искалеченная наёмница, имеющая в арсенале полдюжины помощников, валит сильных мира сего, и при этом остаётся живой, хотя и очень поцарапанной (спасибо за реализм, Джо!).

Однако же, несмотря на все замечания, это типичный Аберкромби, который даёт ровно то, что обещает: харизматичных героев, лихие зарубы, внезапные повороты и море кровищи. Да, искушённый читатель, скорее всего просчитает большинство ходов заранее, но если он приходил за тем, что перечислено выше, это его не сильно разочарует. Меня так не сильно, это точно.

Засим всё. Приятного чтения всем, кто ещё читает.

Олег Кожин

20 февраля:

Чайна Мьевиль представляет свою новую книжку, которую, говорит, писал 20 лет. (Де-факто это первый роман после Railsea, «Рельсоморья», 2012 года – считать романом «Последние дни Нового Парижа» я бы не стал, хотя Фантлаб думает по-другому.) The Rouse, говорит, – книга о тайнах, печали и горе, о заговорах и о том, как странно было взрослеть в Лондоне в 1970-х и 1980-х. 1264 страницы, выйдет 17 сентября.

Николай Караев

Чайна Мьевиль немного рассказал о своей новой ~~странной~~ книге, которая выходит в сентябре.

Над «The Rouse» писатель трудился около 20 лет. По словам Мьевиля, книга в том числе о печали и горе, о секретах и теориях заговора, а также о взрослении в 70-80-х в Лондоне и о том, «*как странно это было*».

В издательстве же обещают трогательную эпопею, «*охватывающую десятилетия и континенты*».

Ранее книгу описывали, как историю женщины, которая из-за «*опустошающей личной трагедии*» оказывается втянутой в заговоры и привлекает к себе «*внимание сверхъестественных сил*».

Очень надеюсь, что «The Rouse», как и предыдущие работы Мьевиля, дойдёт и до нас. Интересно всё же, что же такое он два десятилетия вынашивал.

Павел Сидоров

«Ты мне веришь?»

(«Розовый жираф», 2025, 16+)

Боря помнит себя с двух с половиной лет – с того самого дня, когда он слетает с лестницы вместе с четырехколесным велосипедом. Мальчик цел, мама качает его на руках, на дворе – 1980-е. Маленькая деревня Шиши – гулкий коридор в общежитии, хлебный магазин, бабушкин деревенский дом... Это мир Бори, где он любит всех: маму и папу, братьев-младенцев, бабушку, кота Цыгана и соседского пса Тобика.

Повесть Алексея Лукьянова словно калейдоскоп из воспоминаний. Каждая глава: яркая вспышка из жизни главного героя, Бори. Мне кажется, так мы и помним детство – моментами. Вот Боря впервые идет с мамой в булочную, где пахнет свежим батоном, слушает сказки из книжки, которую зовет «Мампочитай-ка», просит незнакомца перенести его через лужу и находит первого настоящего друга...

Детская оптика смягчает невеселые события в Бориной жизни – например то, как он боится пьяного папы-милиционера, который едва стоит на ногах; как попадает в больницу с лишаем и остается там без родителей. Но один удар смягчить невозможно – Борина мама исчезает, когда он еще совсем мал. Жизнь будто ломается, в ней появляется боль и несправедливость. Сам мальчик еще в детском саду совершает неприятный поступок, которого мучительно стыдится всю жизнь.

Однажды Боря понимает, где может быть его мама. И делает все возможное, чтобы ее найти (сюжетный поворот в повести ошеломляет, и если я расскажу вам о нем, то испорчу удовольствие от чтения).

Алексей Лукьянов бережно воссоздает эпоху. Боря идет в первый класс. Дома семья смотрит по телевизору «Сегодня в мире» и «Человек. Земля. Вселенная» (программы транслируют в то же самое время, что и в реальности). Готовится к полету в США космический шаттл Челленджер. Ученики пишут письма Саманте Смит – американской школьнице, которая попросила Юрия Андропова не начинать ядерную войну и приехала по его приглашению в СССР. Те, кто жил в то время, безошибочно узнают эти события, и понимают, что будет дальше. Но автор нас не раз удивит.

Иллюстрации к книге «Ты мне веришь?» тоже работают как машина времени. Вспомните детство: если как следует натереть монетку грифелем карандаша, а потом приложить к листу бумаги – останется четкий и яркий след, будто ты нарисовал ее сам. Дарья Богданова-Чанчикова и Владимир Мачинский будто стилизировали иллюстрации под эту технику: названия глав словно написаны через трафарет (такой был у каждого школьника!), иллюстрации кажутся цветными карандашными оттисками – яркими и в тоже время зыбкими, невесомыми.

Алексей Лукьянов балансирует между реальностью и фантастикой. Повесть сильна еще и тем, что точку ставит именно читатель, словно отвечая на вопрос: «Ты мне веришь?»

А дальше для тех, кто читал: я верю, что Борина реальность – настоящая, а не придуманная, что это не детский способ защититься от боли после исчезновения мамы и тех трагедий, которые случились в 80-х. Просто другой мир, более счастливый, чем наш. Пусть он где-нибудь будет.

Даша Кельн

Южные славяне на масленицу щедро мазались чесноком, чтобы отогнать ведьм-вештиц, которые якобы не выносили чесночный аромат.

Люди натирали чесноком ступни, лоб и грудь, а еще подмышки. В Боке Которской объясняли: так надо, чтобы вештицы не съели! Но постойте... ведь чеснок – отличная приправа, возбуждающая аппетит, а ведьмы все же люди.

Мне кажется, слухи про чеснок распускали сами вештицы: мол, мы страсть как не любим чесночную приправу.

Затем они несколько лет игнорировали намазанных чесноком товарищей, а когда традиция, наконец, становилась устойчивой, то еда уже сама себя приправляла!

Мечта!

Будь я вештицей, то еще пустил бы молву, что мне противно все перченое, не нравятся кепчунез, а также просто кетчуп и горчица, но главное: я совсем не могу вынести, если человек ложится спать, обложившись маринованными корнишонами и солеными груздями – вот прям совсем-совсем не могу терпеть, вообще никак, без вариантов!

А если рядом с кроватью поставить еще и пиво или хотя бы компот, получится совершенно мощнейший оберег. Точно никто не покусится на то, чтобы вами покушать. ~~Лаврушку только уберите, а то вдруг впопыхах в рот попадет...~~

Агапкина Т.А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М. 2002. С. 383.

Антон Нелихов

Алёна Селютина, «А леса у нас тихие». Изд. МИФ

Орнитологу Семену идет пятый десяток, и он уже два года тяжело переживает смерть жены. Более того, у Семена начались проблемы с руками. Не помогают ни врачи, ни психологи – тогда дети решают отправить отца к целительнице в далекую деревню Малые озерки. Казалось бы, затея безумная – Семен так и думает. Однако, как и бывает, именно встреча с Дарьей, которая умело балансирует между сертифицированной медициной, психологическими манипуляциями и вроде бы даже ведьмовством, меняет его жизнь. Но вскоре оказывается, что у малых Озерков есть свои темные, мистические тайны – в лесу, говорят, пропадают молодые люди; там живет нечто.

Новый роман Алены Селютиной – история о проживании горя, которое, стоит ему накопиться, воплощается физически (и речь вовсе не о мистической составляющей романа, хотя о ней тоже, а о болезни главного героя – по больше части психосоматической). Автор показывает разные стадии жизни после утраты и, более того, как бы крутит этот граненый кубик, постоянно демонстрируя иные варианты горевания или, если говорить шире, борьбы с внутренними демонами. Которые, быть может, порой правы – или нет. Самое сложное – понять. Каждый герой, кроме, разве что, пса Птенчика и его хозяйки, здесь надломлен по-своему: сын Семена неудачлив в любви и слишком ответственен по отношению к работе, дочь погрязла в семейных делах, целительница Дарья хранит собственные тайны и скрывает рубцы на сердце. Все это складывается в общую картину, где одни действуют мудро, другие – импульсивно. Но все проживают эмоции очень по-человечески. С трудом, не как супергерои. Впрочем, лейтмотив романа – не столько само горевание, сколько попытка оставить прошлое за спиной, не позабыв о нем. Иначе утянешь себя в бесконечную пучину, или, вернее, в озерный омут, вокруг которого в деревне сложилось так много легенд. Селютина, впрочем, любит сквозные метафоры. Эта – далеко не единственная.

«А леса у нас тихие» – психологическая семейная драма, которая за счет герметичности – единства и локации, и времени, здесь нет масштабных вставок-флешбэков, – ощущается невероятно концентрированной и атмосферной. В отличие от, например, «Мутных вод» Селютиной, выстроенных по иной структуре. И, конечно, такое единство место и времени, говоря терминами, простите, классицизма, помогает задать особую атмосферу – текст буквально дышит постепенно убывающим летом: чай из самоваров, цветущие луга, ночная гроза, лесные тропы, восходы и закаты, знаменующие жизнь и смерть нового дня. А значит – маленькое возрождение каждого из нас. Ведь, как подмечает Семен, закат – время подводить итоги, а рассвет – строить планы и дышать разливающейся надеждой. Проблема только в том, что непрожитое горе наполняет взрос жидкой, чернильной тьмой, и рассветов больше не бывает – одни закаты.

Справится этим невозможно без работы над собой. Кардинальной. Ломающей собственные

убеждения с хрустом костей. И без порой случайных, но судьбоносных встреч. С хорошим финалом – здесь автор себе не изменяет.

Денис Лукьянов

21 февраля:

В комментах всё обсуждают «Князя Света», и я тут вспомнил вот какой текст:

Последняя книга передо мной – как ни грустно, самая разочаровывающая: она написана относительным новичком, который, кажется, не готов пока оправдать ранее поданные надежды. Возможно, у него кризис перепроизводства и ему надо бы притормозить. Этот писатель – Роджер Желязны, книга – «Князь Света» (Doubleday, 4,95 доллара), и это первая твердая обложка Желязны в США. Оттого особенно жаль, что именно этот роман представит его ряду критиков, которые не читали его предыдущие вещи («Этот бессмертный», «Творец снов») и не узнают, что Желязны может быть строгим и вдумчивым писателем. Текст – самовлюбленное, инфантильное, ходульное, эскапистское, вторичное фэнтези, не обладающее даже спасительным достоинством сравнительно ясного стиля Толкина. Книга практически нечитабельна, основана на индийской мифологии, написана стилем, заимствованным, очевидно, у омерзительно декадентского языка санскрита, высокомерна по тону (так что о ней нельзя думать даже как о хорошей детской книге, в отличие от, пусть и с натяжкой, «Властелина Колец»), бесплодна по идее и вдохновению, да и вообще ничего, кроме чувства неловкости, не вызывает. Если научная фантастика и выходит из гетто, такая НФ превращает себя в пирожное [игра слов: ghetto – gateau]. Я могу лишь надеяться, что Желязны (я слыхал, он планирует написать цикл из еще девяти таких же романов) возьмет себя в руки прежде, чем растратит еще больше своих несомненных талантов на подобную писанину.

Цит. по: Джеймс Колвин (то есть Майкл Муркок), «Литература принятия», журнал «Новые миры», № 12/1967, стр. 59-61.

Безусловно, Муркок не понял «Князя Света» (и мы с ММ, сколько я помню, даже об этом говорили, когда я ходил брать у него интервью в Париже). Безусловно, тут есть доля эпатирующей критики, свойственной 28-летнему вождю Новой Волны, чтобы писатели вокруг и не думали снижать накал (кстатическое: на Фантлабе написано, что Желязны был лидером Новой Волны; в свете вышесказанного это довольно забавно, но он и так-то не был, конечно). Безусловно, сам метод Желязны тут Муркоку в общем-то чужд.

Но, подумал я тут, вот ведь что интересно. «Князь Света» – ни разу не эскапизм и не сказка. Это книжка про революцию. Самую натуральную, которую главгерой – сам из богов в описанном мире – со товарищи совершают ради обычных людей, пойдя против собственных привилегий и вообще «своих», то бишь других богов. Да, это, кроме прочего, буддийская революция. И еще это метасюжет Желязны, на который он написал добрую половину книг; см. рассказ «Любовь – мнимая величина», кстати говоря, «и я вновь спасу многострадальное человечество» и так далее.

Для Муркока такая революция – минимум по форме – недостаточно революционна. И это, по-хорошему, здравый спор внутри движения – о том, каковы у нас критерии революции, что ею является, а что нет. Нормальная такая дискуссия. Главное – что она всё еще о революции. О том, как не просто выйти из ghetto/гетто, но и не превратиться

в gateau/пирожное. Муркок конкретно тут не прав, но дело не в этом, дело в системе координат.

И вот я подумал: что мы скажем в этой системе координат о 99% русскоязычной фантастики после распада СССР, товарищи? Не слишком ли много пирожных? Не слиплось ли от них в что-то важное в голове читателя?..

(В муркоковском тексте еще любопытно то, что он почти точно предсказывает «Хроники Янтаря» и даже число книг в них – ошибся автор ровно на одну.)

Николай Караев

22 февраля:

Книги, из которых я состою-3

Про двухтомник Уэллса, который стоял у родителей на самой нижней полке, поэтому я прочитала его, когда мне было около пяти лет, я часто рассказываю. Может быть уже рассказывала и здесь.

Но я в основном рассказываю про войну с марсианами. Как я решила, что это чистая правда (в книгах всё правда, в это я свято верила практически до зрелого возраста, в смысле, лет до девяти). А что взрослые про это не вспоминают, так это понятно – тяжёлые воспоминания. Они и про войну с фашистами вспоминали редко и неохотно, а с марсианами, значит, – думала я, – было ещё тяжелей и страшней. И папа наверное из-за них сиротой остался в три года, – прикидывала я. – Всё сходится! (О Гражданской войне я тогда ничего не знала, Уэллс Чапаева сильно опередил.)

Мне очень хотелось расспросить родителей про войну с марсианами, но я держала себя в руках. Не допускала ретравматизации. В смысле, чувства их берегла.

А вот Уэллс не берёг мои чувства, зараза такая! Потому что марсианы марсианами, но «Человек-невидимка», где его, непонятного-страшного в финале растерзала толпа, был наверное самой жуткой книжкой в моей жизни. Непросто в пять лет осознать, что однажды и тебя за что-нибудь необычное с перепугу захотят порешить! Потом я сразу опознала этот сюжет в «Блистающем мире» Грина и обмерла от знакомой уже обречённости, но Друд от расправы сбежал, и меня слегка попустило. С изумлением, кстати, выяснила много позже, уже в интернет-эпоху, что многие читатели как-то так хитро жопой прочитывают, будто Друд на самом деле погиб. Это я даже не знаю, кем они читают, что и, самое главное, зачем.

Ещё, конечно, у Уэллса меня потряс рассказ «Дверь в стене», но чем дальше, тем больше я сержусь, что труп Уоллеса находят в канаве. Всё-таки главная ценность подобных происшествий – войти в рай живьём, оставив по себе дыру в событийном пространстве и много недоумённых вопросов. Долг писателя – понемногу, бережно приучать читателя к идее, что ~~феи нас целиком воруют~~ аккуратно, без трупов надо при возможности исчезать.

Макс Фрай

В своем блоге Урсула Ле Гуин пишет о том, как повлиял на ее «Жернова Небес» (которые я ночью дочитал и в полном восторге, но это отдельная песня) Филип К. Дик: она восхищалась книгами Дика и их emulated, но не imitated – тонкая разница, типа «равнялась на, но не копировала». В числе прочего Ле Гуин замечает:

Я очень хотела вставить говорящее такси, но не смогла – говорящие такси принадлежали Филу. И в любом случае мое говорящее такси не было бы таким же забавным.

Интересно. Для меня говорящие устройства – это Клиффорд Саймак, я навскидку вспоминаю

говорящий шкаф из рассказа «Иммигрант», он же «Кимон», и говорящий дом из «Принципа оборотня». И если «Принцип» еще можно списать на влияние Дика (роман 1967 года), «Иммигрант» – это 1954 год, когда Дик-писатель еще пешком под стол ходил. Наверняка у Саймака такое было еще много где, у него же разумны, кажется, вообще все, и роботы, и гоблины, и муравьи, и псы, и кто угодно. Что здорово пересекается с теми же «Жерновами Небес» с их даосским восприятием действительности как переплетения всего. Так что я бы поставил на то, что Саймак повлиял на Дика, а не наоборот. Ну и – среди меня не секрет, что «Кольцо вокруг солнца», например, абсолютно филипдиковский роман, который мог бы написать человек, подражающий Филипу Дику... если бы Филип Дик в 1953 году существовал как значимое явление фантастики. Но, кажется, влияние Саймака (кто о нем помнит? а его ведь стоит не просто вспомнить, его стоит вернуть в литературный континуум big time, он абсолютно неоткрыт и непонят) на Дика – явление, которое еще только предстоит осознать.

Николай Караев

23 февраля:

Кто-то в ленте сострил: а как мол наверняка понять, что враждебный «агент» именно *иностранный*, а не, скажем, *инопланетный*?! Мне в связи с этим вспомнился рассказ одного известного историка, исследователя российских спецслужб Никиты П–ва:

«У меня есть забавная история. В начале 90-х я сидел в московском архиве и читал что-то из дела оперативной разработки по подозрению в шпионаже. И спросил там офицера:

«Вот есть четкий приказ, который регламентирует: как заводить дела, на кого и по каким признакам. Но мне интересно, – как бы в шутку говорю я, – если есть инопланетный шпионаж, он же безупречен по своей природе: они же не засыплются на тайниковой операции, они же мысли передают сразу из головы в голову, и как такого агента разоблачить?»

И вот полковник госбезопасности подумал и на полном серьезе мне отвечает: «Нет, ну конечно, можно». Я говорю: «А как? Ведь не придешь же к начальнику за санкцией на возбуждение проверки по признаку инопланетного шпионажа?» А полковник говорит: «Почему же? Запишем его куда-нибудь в английский шпионаж, а сами будем знать, кто он такой, и все равно следить!»»

Так что инопланетное, скорее всего, проходит по английской части.

Николай Подосокорский

Когда читаешь современную научную фантастику, то периодически возникает желание прочитать какую-то книгу, которая была бы одновременно «советской фантастикой», и при это была бы написана недавно, но, при этом, не являлась продолжением какого-то из романов или циклов советских писателей (то есть варианты типа «Времени учеников» не подходят). Чтобы и с действием было нормально, и ощущения, что вернулся в старые добрые времена, не пропадало.

Такие книги мне попадаются не особенно часто, и начав читать роман Максима Макаренкова «Объект «Фенрир»» я прямо окунулся в такую историю и не мог от нее оторваться.

Роман представляет собой фантастический триллер, действие которого разворачивается

в далеком будущем, и главный герой решает проблему, угрожающую всей Сфере Разума (то есть, всему человечеству, как нетрудно догадаться), при этом оный главный герой получился очень неоднозначным и вполне реалистичным, а не картонным. Ну и вообще подход автора к миру и проблемам, ему угрожающим, был очень интересным, во многом похожим на подход классиков советской фантастики.

А еще одним очень приятным моментом в этой книге стали отсылки к огромному количеству произведений различных советских писателей фантастов – понятно, что знаток фантастики легко отловит всякие мелочи (и не только), отсылающие к Стругацким, Павлову, Ефремову, Булычеву и некоторым другим писателям (правда часть я не отловил, но знающие люди мне подсказали кое-что). И вот это все доставило мне огромное удовольствие.

Так что если вы цените и знаете советскую фантастику – то я очень рекомендую этот роман. А если не знаете – то он не менее достоен прочтения (просто ощущения будут другие).

Владимир Обручев

Рассеянно вспомнила, как давным-давно пыталась подобрать верный перевод для английского ***gaslamp fantasy***, «фэнтези газовых фонарей», стимпанк без панка, а иногда и без стима, но с магией.

Термин соединился наконец-то с другим, который, к сожалению, я не выдумала, а у кого-то (не помню, у кого UPD В книжном клубе «Май литтл хтони» у @turnezolle_pub) подсмотрела: ***булкохрустовое фэнтези***. Ну это, конечно, применительно к Российской империи, точно так же, как gaslamp – про викторианскую эпоху.

Наталия Осояну

24 февраля:

Одна из вещей, которые меня всегда интересовали, – общение между писателями. Решил тут посмотреть, в каких отношениях были Роджер Желязны и Урсула Ле Гуин. Источников на деле мало – письма Желязны Карлу Йоуку, какие-то еще упоминания. Но картинка такая, что в 60-х и 70-х они знали о существовании друг друга и ценили книги друг друга, но (видимо, объективно) несимметрично.

Урсула Ле Гуин в 1973 году замечала, что, мол, грустно, что есть писатели вроде Роджера Желязны, которые начинали уверенно, а потом стали барахтаться впотьмах (floundering and groping) – в отличие от Филипа Дика. В то время как для Желязны примерно в те же годы Ле Гуин была «эта женщина, которой я опять проиграл премию, но она отлично пишет, так что я не в претензии, всё прекрасно» (это не цитата, мне лень брать том писем с полки и опять там всё искать).

Потом они на конах знакомятся, начинают общаться. И видно по письмам Желязны, как отношения теплеют. Они начинают ценить друг друга как поэты (что для обоих было очень важно): Ле Гуин пишет предисловие к сборнику Желязны To Spin is a Miracle Cat (1981), Желязны про какой-то ее сборник замечает, что раньше ее стихи оставляли его равнодушными, но теперь вот нет.

И в 90-е, за несколько лет до смерти, он пишет, что на таком-то коне ему было приятно пообщаться с такими-то и такими-то, «не говоря уже об Урсуле».

И ощущается за всем этим какая-то невероятная нежность хороших писателей друг к другу.

Николай Караев

Деннис Тейлор «Потому что нас много»
Жанр: «Твёрдая» научная фантастика/космоопера
Оценка: 8/10

«Потому что нас много» – прямое продолжение первого романа, т.е. читать его как самостоятельное произведение не получится. События стартуют с места в карьер, уследить за всем поначалу непросто.

Повествование по-прежнему ведётся от лица Боба, только вот самих Бобов становится много. По итогу мы получаем множество сюжетных линий, большинство из которых весьма интересны. Например, в одной Боб следит за становлением новой цивилизации, играя роль небесного божества. В другой эвакуирует остатки человечества с умирающей Земли. В третьей помогает человечеству освоиться на новой планете. Перед клонами Боба раскинулась необъятная Вселенная и фактическое бессмертие. Благодаря своему любознательному характеру Бобы постоянно стараются узнавать что-то новое, открывать пригодные для жизни миры и находить разумные виды.

Особенно мне запомнилась история исходного Боба. Последнее время он занимается изучением, а отчасти и спасением, разумных аборигенов – дельтанцев. По своему уровню развития они напоминают пещерных людей. Их планета полна опасностей, и Бобу не раз придётся спасать своих подопечных от смертельной угрозы. Было интересно наблюдать за тем, как новорожденная цивилизация встречается с различными проблемами и пороками. Постепенно они отвергают божество-Боба, а позднее даже приравнивают его к некоему коварному демону. Интересная эволюция мировоззрения.

Райкер, один из первых клонов Боба, руководит эвакуацией людей с Земли. Человечество даже на краю гибели не может объединиться, действовать сообща. По-прежнему не утихают распри между

различными анклавами. Находится даже группа саботажников, ДУЛО, которая добивается уничтожения всего человечества.

Билл, ещё один клон из первого поколения, посвятил себя науке и технологиям. Именно он создаёт так называемый БобНет, позволяющий общаться на огромных расстояниях. Это многократно увеличивает степень согласованности между Бобами и ускоряет экспансию.

Местом переселения людей становятся сразу два мира. Один похож на Землю мезозойской эры, другой полностью покрыт океанами многокилометровой глубины. Обе эти планеты не назовешь райским местечком. Колонистам выжить тут было бы весьма непросто без помощи репликантов Боба.

Появляется и постепенное обособление Бобов от всего остального человечества. Сам факт того, что впереди вечность и бескрайние просторы вселенной, не может не менять сознание. Люди, с их короткими жизнями и мелкими проблемами, уходят на второй план в сравнении с глобальными замыслами. Правда есть и обратная сторона медали – один из репликантов влюбляется в обычную

женщину, что в итоге разбивает ему сердце. По сути, мы видим постепенное превращение Боба в галактический коллективный разум, стоящий над человечеством. Кто знает – может быть именно так и появляются верования о Боге.

В финале первого тома, Боб сталкивается с деятельностью некой разумной расы, по своим действиям сходной с космической саранчой. Они нападают на планеты, уничтожают всю биологическую жизнь и забирают с планеты металл для постройки гигантской искусственной сферы. Во втором томе контакт перерастает в открытое противостояние, но Бобу сложно бороться с развитой и агрессивной цивилизацией. Пока мы видим лишь разведку боем. Скорее всего, основной конфликт запланирован на третий том.

К сожалению, исчезло некое чувство новизны, которое присутствовало на протяжении чтения первого романа. Действия Боба стали более предсказуемыми, т.к. мы начинаем лучше его понимать. Это не минус книги, а скорее закономерное явление.

Итог: Перед нами отличное продолжение хорошего романа. Главный герой по-прежнему остроумен и находчив. При этом он не статичен, а постепенно меняется в зависимости от обстоятельств. По мере исследования новых планет, открываются новые локации. Пусть по-настоящему масштабных событий довольно немного, все говорит о том, что главная битва ещё впереди.

Алексей Севериан

Получил авторский экземпляр спецвыпуска **«Мира фантастики»**, посвященного столетию со дня рождения **Аркадия Натановича Стругацкого**. Тот самый, над которым мы в 2025-м работали полгода, а я выступал в амплуа приглашенного редактора и составителя. Заодно освоил несвойственную мне профессию бильд-редактора, убился как сволочь, не люблю я это дело. Вообще о том, как шла работа над этим номером, можно было бы написать отдельный лонгрид, но я воздержусь пока. Скажу только, что перечень авторов мог бы быть не то чтобы другим, но раза в три более разнообразным – если бы хотя бы половина тех, с кем я списывался, присоединилась к команде. Но кто-то не успевал, кто-то не считал себя достаточно компетентным, у кого-то другие отговорки. В результате мне, например, пришлось написать один лонгрид («Мир, в котором мы живем. Влияние АБС на фантастику») и дополнять/перерабатывать другой («От

браконьера до язычника. Как снимался «Сталкер»»). Хотя первоначально вообще собирался ограничиться только редакторской работой – ну, еще лиды/подводки написать. Оценить, к сожалению, хорошо ли получилось, не могу: я раз 20 этот номер перечитал на разных стадиях корректуры и редактуры, глаз замылился. Мне нравится, но это не объективно.

И, конечно, хочется верить, что удалось сделать универсальную книжку, то есть для читателей, с разной степенью погруженности в творчество АБС, новичков и олдов. Чтобы было что почитать и тем, и тем – от развернутой био-библиографической справки авторства **Владимира Борисова** и **Марии Акимовой** до статьи **Николая Караева** о переводах Стругацких с английского. Когда вышла книга «Аркадий Стругацкий. Понедельник на все времена», составленная **Марианной Алфёровой**, самые обоснованные претензии были к невнятной концепции: почему именно такая композиция, отчего именно эти материалы включены? Я это постарался учесть, концепция у нас предельно прозрачная: от простого к сложному, от общего к частному. Плюс подводка (лид) к каждой статье – зачем этот текст здесь, почему он важен. Надеюсь, получилось. Наверняка могло бы быть лучше – но мы старались. И да, буду рад, если кто-нибудь сделает еще одну (или не одну) аналогичную книжку о Стругацких – там есть о чем поговорить.

Василий Владимирский

25 февраля:

Алексей Иванов «Вегетация»

Жанр: «Мягкая» научная фантастика/Постапокалиптика

Оценка: 8/10

«Вегетация» – мощный, но неровный постапокалиптический роман, в котором привычная для Алексея Иванова «антропология» регионов России совмещается с жёсткой социально-политической сатирой и почти хоррорной фантастикой. Книга оказалась гораздо сильнее в передаче атмосферы, описании мира и конфликта «человек – лес – система», чем в психологических трансформациях героев и финальной развязке.

Действие разворачивается на Южном Урале и в Башкирии через неопределённое время после условного конца света, произошедшего в отдельно взятой стране. Россия превратилась в радиоактивную сырьевую периферию новых сверхдержав (Запада и Китая), а большая часть территории заросла мутировавшим лесом. География реальна (Магнитогорск, Ямантау), но города опустели, заводы мертвы, дороги заросли, а ускоренная вегетация превратила лес во враждебный организм с собственными законами и мотивацией.

Сюжет строится вокруг нескольких линий, плавно соединяющихся вместе: любовная линия Сережки и Маринки, появление загадочного

брата-близнеца Митьки, а также роуд-стори лесорубной бригады через чащу к бункеру на Ямантау. Лесорубы живут как новый пласт населения: полувоенные артели с собственной мифологией про войну, радиацию, Бродяг (мутировавших людей, блуждающих в дебрях) и чумоходов (обезумевших машин).

Лес, чья вегетация когда-то была ускорена ради добычи древесины, ополчился на людей: он мутирует, поглощает инфраструктуру и сам себя. В нем выживают не сильные или слабые, а нужные с точки зрения законов леса. Иванов буквально проговаривает экологию фитоценоза: природа действует вне человеческой этики, без злого умысла, но с непреклонным безличным стремлением к балансу.

В мире романа Россия добровольно стала сырьевым придатком новых сверхдержав, люди деградировали до состояния агрессивного, циничного быдла, готового предавать, насиловать и убивать, и это подчеркнуто как закономерный результат политического и социального курса. Автор выводит на первый план темы «ресурсного проклятия», пропаганды, постправды и атомизации общества, каждый член которого поодиночке обречен.

В романе постоянно сталкиваются «городские» и «лесные» бригады как два антропологических типа, со своими кодексами выживания и понимания справедливости. Иванов показывает, как в жёсткой среде действуют правило сильного и недальновидность, и как они формируют коллективную аморальность, маскирующуюся под естественный порядок. Митя, потерявший память, никак не может понять этих принципов, сколько бы не старался. И «городские», и «лесные» так и остаются для него чуждыми. Он не понимает, как можно так искренне и беззаветно ненавидеть своих же сограждан, просто живущих в другом месте. Их цели разнятся – а значит быть вражде, порой переходящей в открытую войну.

Линия Сереги и его близнеца Митьки, частично поданная как детективная тайна происхождения и амнезии, позволяет говорить о раздвоении субъекта между двумя разными мирами (городским и лесным) и разными моделями поведения. Каждый попадает в бригаду по разным причинам: Серега хочет быть поближе к Маринке, а Митька стремится на Ямантау, чтобы разобраться с тайной своего забытого прошлого. Здесь же поднимаются вопросы самоидентификации, свободы выбора и того, насколько индивид может противостоять среде, которая буквально переписывает его биологическую составляющую.

Иванов выстраивает в «Вегетации» целую систему биологической метафорики. Лес описан почти научным языком (вегетация, фитоценоз, микориза, сукцессия), но эти термины работают как ключ к устройству общества. Слово «вегетация» обозначает рост и развитие растений, но в романе это искусственно ускоренный, промышленно модифицированный процесс. Лес растёт слишком быстро, мутирует и становится живым игроком, противостоящим цивилизации: его вегетация больше не подчиняется человеческим целям, а подчиняет человека себе. На уровне смысла это модель общества, где рост идёт сам по себе, без связи с этикой и человеческим благом. Ключевая формула: «вегетация леса не подчиняется этике», он «пожирает сам себя», «спасает не плодовитых, а нужных», угнетает подрост и поддерживает старые деревья, которые развиваются лучше молодых. Так описывается не только лес, но и социальная иерархия, где ресурс перераспределяется в пользу уже укоренённых структур.

Автор прямым текстом вводит термин «фитоценоз»: лес – это сообщество растений, объединённых в единое целое грибами-симбионтами. В диалоге Мити говорится о мицелии как сети гифов, микоризе и о том, что дерево кормит гриб, а гриб расширяет активную поверхность корней. Коммуникация между фитоценозом и грибом так интенсивна, что её мощность сравнима с высоковольтной ЛЭП. Здесь биологическая картинка превращается в социальную схему: фитоценоз = сообщество / общество; мицелий, микориза, «сигналы» и коллигенты = инфраструктура, коммуникации, власть и управление. Человек постепенно описывается через те же термины: «антропология фитоценоза» – это попытка принять людей как лес, где действует не мораль, а жёсткие законы экосистемы. Лесорубы, Бродяги, Лешаки и чумоходы выглядят как мутировавшие элементы этого фитоценоза, утрачивающие индивидуальность и превращающиеся в «органы» единого организма.

Хотя слово «сукцессия» в романе не проговаривается, на уровне структуры мира задан типичный для экологии сюжет смены сообществ: территория очищена техногенной катастрофой и вырубками, потом её занимает новый, более агрессивный тип леса. Сначала идёт техногенное вмешательство (ускоренная вегетация), затем – коллапс и переформатирование экосистемы в устойчивое состояние, где человек уже лишний. Это можно связать с мотивом «войны, которой нет»: официально никакой войны не ведётся, но по факту идёт длительный конфликт умирающего индустриального порядка и нового лесного фитоценоза. Человечество цепляется за прежнюю стадию, а природа спокойно перестраивает систему под себя.

Биологическая метафорика доводится до предела в описании трансформаций людей: Бродяги и Лешаки становятся гибридными формами, где человеческое тело и сознание встроены в лесную сеть. Это уже не просто «дикие» люди, а элементы фитоценоза: они теряют индивидуальность и этику, но приобретают новые, нечеловеческие способности, адекватные лесу.

Роман написан крепким, образным, динамичным языком, и во многих эпизодах его действительно читаешь как раскадровку сценария или комикса. Сцены драк, перестрелок, путешествия по лесу работают как отличный визуальный ряд. В описании леса-мутанта, чумоходов и постиндустриальных руин автор достигает почти хоррорной, вязкой атмосферы, где мир одновременно узнаваем и радикально чужд.

Однако роману не хватает психологической тонкости. Внутренние преобразования героев выглядят плоско и искусственно. Даже кульминационной сцене самопожертвования не хватает правдоподобия. Наиболее органично у Иванова выходят именно конфликты – драки, ссоры и сцены бытовой жестокости, в которых чувствуется «брутальный» стиль автора. Роман пытается совместить в себе очень многое, из-за чего порой переходы между линиями кажутся несколько нелогичными. Это тот случай, когда тематический и идеологический замысел оказывается заметно крепче сюжета.

Алексей Иванов почти не прячет авторскую позицию. В репликах персонажей слышны прямые оценки современной России как страны, где «уже плохо и будет ещё хуже», за счёт чего постапокалипсис воспринимается не как фантастика, а как гиперболизированное настоящее. С такой тенденцией несложно превратить литературное произведение в публицистический памфлет, где герои служат лишь носителями тезисов.

Персонажи в романе убедительны, реалистичны, но практически все – отвратительные люди. Повсюду мат, насилие, унижение, грязь. И персонажи воспринимают такую жизнь, как единственно правильную. Любая попытка их перевоспитать обречена на провал.

Однако нужно подчеркнуть и сильные стороны книги: интересную вселенную, отличный слог, продуманные характеры лесорубов и линию Мити, которому удается сохранить ум, честь и совесть в эпоху, когда эти качества превращаются в форму саморазрушения.

Итог: «Вегетация» – большая, жёсткая постапокалиптическая история о стране, которая превратилась в лес-мутант, и о людях, едва ли отличимых от чумоходов, но всё ещё способных, хоть иногда, на человечность. Если воспринимать роман прежде всего, как атмосферный мир и антропологический эксперимент над «новым типом» людей в экстремальной среде, он срабатывает отлично. Если же ждать тонко выстроенной психологической драмы и безупречной композиции, неровности будут резать глаз.

Алексей Севериан

Отзыв о книге Полины Граф «Монструм»

В марте планирую прочитать вторую часть цикла «Эквилибрис». Давно знаю Полину Граф как классного иллюстратора, но 2 года назад познакомился с ней как с автором уникального мира, и эта сторона понравилась даже больше. Сегодня вспоминаю впечатления от первой части цикла «Монструм».

О чём книга

Меня зовут Максимус. Я протектор-новичок – защитник Света в Вечной войне против Тьмы. По крайней мере, был им, пока не превратился в тёмного монстра сплита. Теперь меня обвиняют в предательстве Света.

Я смутно помню, что произошло. Когда я стал сплитом, то потерял часть души и памяти. По неизвестным никому причинам тьма покинула меня, и я вернулся в свой прежний облик. Это странно, ведь ещё никто не возвращался с тёмной стороны. Но меня пугает другое – то, что заполнило мою душу, могущественнее обычного сплита. Я ощущаю его присутствие и всепоглощающее пламя.

Нужно во всём разобраться. Найти мой осколок души, пока бывшие товарищи не убили меня, или красный огонь не поглотил меня полностью. К счастью, перед превращением я оставил себе подсказки.

«Книги тебе ближе, чем люди».

Мнение о книге

Интересный мир и сюжет

Полина Граф создала уникальный мир, в котором хочется копаться: погружаться в мироустройство, сопоставлять факты, выявлять, кто на чьей стороне и тд. Не «Игра престолов», конечно, но «Монструм» вызвал похожие чувства. Вначале тяжело разобраться во всех деталях, но постепенно всё по-пацански раскладывают по полочкам. В помощь есть словарь терминов и описание героев, которые точно пригодятся перед прочтением второй части, чтобы обновить в памяти произведение.

Эта книга – одна из из самых насыщенных на события. Что не глава, то сюжетный поворот. Заскучать точно не получится.

Харизматичные персонажи

У каждого героя отличительные характер, способности, тайны и мотивация. Понравилось убедительное раскрытие антагонистов – доводы

заставляют понять их позицию и посмотреть на конфликт под другим углом.

Прикольно, что в книге есть авторские иллюстрации героев. Правда, большинство похожи друг на друга: некоторые как будто зеркально отражены и перекрашены.

«Даже у самого прогнившего злодея есть своя история и свой печальный путь, который привел его в конечный пункт».

Хороший слог

Не запомнил интересных художественных оборотов, но слова в целом как будто удачно подобраны и сочетаются между собой. Читать легко и приятно.

«Странное наблюдение: чем сильнее и больше душа, тем легче прочитать ее эмоции. Где-то там, внутри собственного сознания мы создаем кладбище для невысказанных слов и несовершенных действий. С каждой новой могилой мы убеждаем себя, что все они мертвы и надежно закопаны, но все равно ощущаем слабое биение их жизни, стремящееся выбраться наружу в виде бессмысленного крика отчаяния».

«Монструм» – отличное фэнтези, которое во всех смыслах украсит вашу полку.

Алексей Пак

В марте обещают новый фантастический роман **Анны Старобинец** для взрослых, уже и обложку показали. Первый со времен «Лисьих бродов». Называется роман «Хроники пепельной весны» и, как я понимаю, подразумевает продолжение – хотя история законченная. Судя по издательской аннотации, может быть хорошо. А может и не быть. Но я заинтригован, в Старобинец верю, роман жду. А аннотация там такая:

В постапокалиптическом Новом Средневековье, где царит вечный холод и сумрак, небеса затянуты пеплом, а наука считается ересью, молодой инквизитор расследует дело о наведении порчи, отчаянно пытаясь увидеть реальность и истину там, где все видят морок и колдовство.

Новый роман Анны Старобинец – уникальная жанровая конструкция на стыке детектива, научной фантастики и фэнтези, позволяющая читателю заглянуть в пугающее темное прошлое, наставшее вместо светлого будущего.

Прошло 17 веков после глобальной ядерной катастрофы, которая почти стерла человечество с лица земли. Уцелевшие, утратив все научные и технические достижения старой жизни, вышли на новый круг. Изменился климат, изменилась религия, изменилась скорость и продолжительность жизни, изменились животные. Очень многое изменилось, только поведение людей неизменно, и Новое Средневековье, до боли похоже на старое. В поселке Чистые Холмы свирепствует эпидемия, и жители убеждены, что это происки ведьмы – местной портнихи. Ее сбросить ее в вулкан – жизнь сразу наладится.

Василий Владимирский

«Ленка в Сумраково», Анна Пронина
(Аудио издательство «Вимбо», 2025, 16+)

Ленка из деревни Клюквино с детства видит мертвецов и помогает им. Но у дара есть обратная сторона. Все женщины ее рода носят «вдовье покрывало»: тот, кто полюбит их, вскоре умрет. Поэтому 24-летняя Ленка и бежит из родного Клюквино в Сумраково, на родину покойного отца – подальше от своего возлюбленного.

«Ленка в Сумраково» Анны Прониной – продолжение книги «Ленка и мертвецы». И если первая часть состояла из негромких, пронзительных историй людей (и призраков), то вторая – роман о столкновении с древним злом, которое затаилось в Сумраково. Главной героине предстоит разобраться, откуда взялось семейное проклятие, больше узнать об отце и таинственном даре, а также – о том загадочном месте, где она теперь живет.

Анна Пронина пишет легко и увлекательно, оторваться от книги сложно (мне аудиоверсия скрасила домашние дела на выходных). В сюжете смешались и бабушкины сказки, и страшилки из советского детства, но описания деревенского быта и приятные герои делают ее по-настоящему уютной. Мне еще с первой книги полюбилась обаятельная Ленка и ее друг, добродушный участковый Кадушкин, который напоминает Анискина из советских фильмов.

Аудиоверсию создали в издательстве «Вимбо», над книгой работал прекрасный актерский ансамбль: Софья Лебедева, Кирилл Радциг, Григорий Перель, Ольга Плетнева, Юлия Яблонская. Благодаря актерам озвучания и саунд-дизайну кажется, что ты и сам побывал в Сумраково, спустился в его туманные овраги и услышал, как мимо деревни проносится поезд-призрак.

Даша Кельн

26 февраля:

«ВОЛШЕБНИК ЗЕМНОМОРЬЯ» + «ГРОБНИЦЫ АТУАНА»

Внезапно обрела в букинисте трилогию «Волшебник Земноморья» – наконец-то в правильном издании (1993 год, перевод – Ляхова, иллюстрации – Любарец).

С огромным наслаждением перечитываю – вот насколько я не люблю «Техану» и продолжения, настолько люблю первые три книги.

В этот раз, конечно, бросилось в глаза, насколько у Ле Гуин правильное отображение магии – волшебники не столько пафосно колдуют, сколько лечат коз и чинят лодочки. А великие деяния, конечно, с ними случаются, но выглядит это совершенно не зрелищно и (божечки, как я по такому соскучилась!) совершено непохожи на компьютерную игру или «Гарри Поттера».

Плюс, конечно, видно, что первая трилогия очень сильно стоит на европейской мифологии, совмещенной с увлечением даосами в 1960х (и последующий реткон в сторону радфема ей сильно повредил). Именно исходная база придает истории привкус настоящести.

А еще, конечно, бросилось в глаза то, что в детстве я не могла оценить – насколько хорошо у Ле Гуин с возрастной психологией :). Гед в юности – талантливый и нахальный подросток, которому пришлось лихорадочно взрослеть и прям в 19 понимать, что такое квест смирения. Я совершенно не помнила, какое количество времени у него проходит в состоянии «болел и реабилитировался» (процентов семьдесят времени, наверное :)). И, опять же, Ле Гуин отлично про это пишет – ну вот такая у магов опасная профессия, что поделать.

И очень хороша разница с Гедом-взрослым, когда уже на него в ходе приключения падает взаимодействие с трудным подросточком-Тенар, которая сама по себе человек хороший, но выращена в стремной секте, ни мужчин, ни даже просто вменяемых взрослых в жизни никогда не видела – иии прям любо-дорого смотреть, как Гед проходит квест не на магии-магии, а чисто на коммуникативных скиллах (и одном маленьком фокусе «покажи девочке

принцессное платьишко и жизненные перспективы» :)). Это прям ах, я такое уважаю (и еще большее мое фе дальнейшей попытке Ле Гуин сделать из этого любовную историю, прям ну очень зря). Ну и как юнгианская история взросления – «девочка-подросток встречает в темных недрах подсознательного анимуса, который, конечно, невероятно страшный, и невероятно могущественный, и невероятно притягательный, и это воссоединение рушит ее предыдущий мир и открывает ей новый» – это прям тоже очень хорошо.

И еще целая книжка у меня впереди, ах :)).

Марина Аницкая

Читаю «Глаз цапли» Урсулы Ле Гуин и думаю: окей, я понимаю, что Шанти-Таун – это буквально по-английски «трущобное поселение». Но поскольку там живут сосланные с Земли в один конец анархисты-пацифисты, мне чудится тут санскритское слово śānti (शान्ति), означающее спокойствие, мир, безбурность сознания, если угодно. Поди знай, думаю я, имела автор это в виду или нет.

А потом открываю оригинал и вижу, что высокомерные жители Столицы (City; всего два поселения на этой планете, потомки анархистов в Шанти-Тауне и потомки латиноамериканских мафиози в Столице – грубо говоря, политзаключенные и воры в сибирской ссылке) называют поселение шантийцев Shanty Town, а его жителей – Shanty-Towners. Но сами шантийцы свое поселение называют Shantih. А это – именительный падеж того самого санскритского слова: śāntiḥ (शान्तिः). Жаль только, что в русском переводе этот прекрасный ход не отражен вообще никак, там Шанти-таун и Шанти. Ну то есть – разница есть, но она почти не ловится, если специально внимание не обратить.

Еще мне сложно было на первой же странице с одним переводческим решением – назвать меняющее форму инопланетное животное, которое в оригинале именуется wotsit (искаженное «what's it?», «что это такое?»), *чозанах*. Шантийцы вроде особо не матерятся, и оригинал тут нейтральный. Ну да что делать.

Николай Караев

Деннис Тейлор «Все эти миры»

Жанр: «Твёрдая» научная фантастика/космоопера

Оценка: 8/10

«Все эти миры» – третий роман цикла Денниса Тейлора *«Вселенная Боба»*. Стартует он буквально с той же точки, где закончился второй том. В общем и целом, все три книги являются одним произведением, разбитым на несколько книг. Боб при жизни был успешным программистом, но после смерти оказался превращен в искусственный интеллект, управляющий межзвездным кораблем. Он постепенно осваивается с новой реальностью и собственными способностями, помогает людям спастись с Земли, разрушенной ядерной войной, и борется с неприятелями из космоса. По сути, в третьем романе мы видим то же самое, а если быть точнее, получаем продолжение ранее созданных сюжетных линий.

Однако на сей раз ставки ещё больше возрастают. На горизонте маячат Другие – раса космической саранчи, уничтожающая целые звёздные системы. Первая битва с ними была проиграна, и теперь под угрозой оказывается родина Боба – Земля. Противники превосходят коалицию Бобов по всем критериям, и, чтобы подготовиться к следующей битве, следует приложить огромные усилия. Однако стоит упомянуть, что большая часть книги посвящена не войне с Другими, а более рутинной работе Бобов

по подготовке новых колоний для остатков человечества и обустройству старых. Даже финальная битва с вселенской саранчой подана довольно обыденно и скомкано, хотя и с некоторой долей «превозмогания».

Основные клоны Боба продолжают заниматься своими привычными делами. Боб Первый по-прежнему работает над цивилизацией дельтанцев, всё больше подталкивая ее к прогрессу. Правда теперь он делает это более незаметно. Вместо того, чтобы предстать в виде летающего бога, он инкогнито наблюдает за поселением изнутри в теле андроида. Между двумя деревнями дельтанцев нарастает социальное напряжение, и всё идёт к гражданской войне. Конечно же, наш ИИ хочет предотвратить кровопролитие. Боб настолько увлекся этой цивилизацией, что практически никак не реагирует на угрозу Других.

Уилл прилагает все усилия, чтобы эвакуировать оставшееся население с Земли, которая стремительно покрывается льдом. Проблема в том, что новые корабли-колонии строятся недостаточно быстро из-за недостатка ресурсов. Природные условия становятся все более суровыми, а на горизонте маячат неумолимые Другие. Путей несколько, но все они далеки от идеала. При нынешних темпах строительства большинству людей придется провести всю оставшуюся жизнь под землёй в полной зависимости от космических ферм-«пончиков» и гидропоники. Второй вариант: построить множество стазис-капсул, и таким образом больше людей при жизни смогут увидеть новые колонии. С рациональной точки зрения этот план выглядит лучше, но это ещё больше замедлит строительство транспортных кораблей. Да и сами люди не хотят ещё больше оттягивать свое переселение. Конечно же, как всегда, правительства разных стран не могут прийти к компромиссу и всячески вставляют палки в колеса Уиллу.

Марк же в это время возглавляет революционное движение на Посейдоне. Дело в том, что условия жизни колонистов становятся все хуже, а правительство желает лишь придерживаться выбранного ранее курса. Самого Марка практически отстраняют от принятия важных решений.

Помимо угрозы со стороны Других никуда не делись и клоны Медейруша. Бразильский ИИ никак не желает принять, что война закончена, и продолжает строить козни против Боба и колонистов.

Билл по-прежнему занят наукой и модернизацией Бобов. Это играет огромную роль в грядущем противостоянии с Другими. Агрессоры значительно превосходят Бобов по численности и уровню технологий, и эту ситуацию нужно срочно менять.

Говард по уши влюбляется в обычную женщину Бриджет – эфемеру, как называют смертных людей некоторые Бобы. Затея в общем-то провальная, так как срок жизни людей ограничен, а Бобы по сути бессмертны. Они научились создавать копии собственного сознания, поэтому даже погибая в бою,

могут возродиться в новом корабле со всеми воспоминаниями. Не только Говард, но и некоторые другие чрезмерно привязываются к эфемерам, зачастую предлагая им оцифровать свое сознание и стать такими же репликантами. Правда желающих не особенно много. Кому-то не позволяет вера, а кто-то попросту не хочет пахать на человечество целую вечность.

В самом сообществе Бобов назревает кризис самосознания. Многие клоны были созданы для определенных задач, но никто не спрашивал новоиспечённых репликантов хотят ли они вечно выполнять роль строителей, таксистов или охранников для вымирающего человечества. Общее число Бобов перевалило за пять сотен, и все чаще репликанты хотят идти собственным путем, жить для себя. Вопрос свободы выбора все чаще всплывает в рассуждениях Бобов. Порой доходит до открытого недовольства сложившимся положением дел. Через весь роман прослеживается идея, что Бобам пора покинуть это затягивающие болото и отправиться на поиски собственного пути. Человечество всегда будет нуждаться в помощи репликантов, но возможно пора предоставить им возможность самим заботиться о себе. На мой взгляд, Бобы в полной мере вернули своей цивилизации все, что были должны.

По моему мнению, роман «Все эти миры» вышел более меланхоличным, чем предыдущие. Друзья и близкие постепенно уходят, а бессмертные репликанты остаются с чувством невосполнимой потери. Бобы все больше задумываются об эфемерности людской жизни и о том, что они, цифровые постлюди, все больше отдаляются от человечности. Заходят речи и о том, что Бобы теперь другой вид – Homo Sideria. Несмотря на общий настрой, из романа никуда не ушел и фирменный лёгкий тейлоровский юмор, несколько разбавляющий повествование. Динамика повествования все также велика и достигается посредством мини-глав, а небольшой объем позволяет «проглотить» роман за пару вечеров.

Итог: Трилогия *«Вселенная Боба»* завершена, а все основные сюжетные линии переведены к логическому финалу. Ключевые репликанты заметно выросли в личностном плане, обрели собственные отличительные черты и индивидуальность. Теперь перед ними лежит вся бескрайняя Вселенная, в которой так много интересного. Отлично показана эволюция ИИ. Хотя история и завершена, Деннис Тейлор уже написал четвертую часть и во всю работает над пятой. Думаю, что все же в них нас ждут совершенно новые приключения Бобов, покинувших человечество.

Алексей Североан

ИЗБА ЧИТАЛЬНЯ # 100

Сотый выпуск Избы-читальни! По факту, конечно, куда как больше их было, но с тех пор, как я занялся нумерацией – сотый. Кого попало на такой юбилей не позовёшь! Поэтому выбор мой пал на, пожалуй, самого известного сербского писателя. В меньшей степени потому что нобелевский номинант – премия эта давным-давно про политику, а не про литературу. В большей степени – потому что потому. Не читал ранее – этого более чем достаточно.

ХАЗАРСКИЙ СЛОВАРЬ Милорад Павич

Моя бабушка шила половики из обрезков ткани. На плотную основу нашивались небольшие кусочки, разных форм и размеров. Получался цветастый и мягкий коврик, придающий яркости дому. И «Хазарский словарь» напомнил мне эти коврики, своей пестротой и... бытовым неудобством. Ни щёт-

ка, ни пылесос не могли нормально очистить такой коврик. Следовало тащить его на улицу и выколачивать пластиковой хлопушкой, дыша серой пылью. Так и «Хазарский словарь». Высосать из этой книги смыслы и связную историю не так-то просто. Приходится тащить на улицу... ну, и так далее.

Книга действительно составлена в формате словаря, состоящего из терминов и имён, имеющих отношение к «хазарской полемике», событию, которое повлекло за собой переход хазар в иную веру. Источников три, по количеству участников, христианский, мусульманский и иудейский. Именно представители этих религий склоняли хазарского кагана к переходу в свою веру. И вот тут, пожалуй, самое время сказать, что все события книги выдуманы. Павич профессионально стилизует документы, исследования, древние легенды, на выходе выдавая книгу, которую реально можно принять за научный труд.

В предисловии автор говорит, что читать эту книгу можно, как самый настоящий словарь, с любого места. И в этом я убедился лично. Первые главы христианской части пробежал по косой, не очень понимая, с какой стороны к этой книге подступиться. Потом перескочил пару глав, заглянул в мусульманскую часть. Снова вернулся к христианской, и, внезапно, провалился в историю, в прекрасный магреализм высшей пробы, который умело маскировался под скучный словарь. После этого вернулся к началу, и так добрался до самого конца.

Учитывая, что каждый из участников полемики претендует на то, что хазары перешли именно в его веру, само собой части разнятся. По разному смотрят на одни и те же события невольные участники, по разному интерпретируют поведение главных действующих лиц. И читать эту книгу действительно можно и как словарь, и как философский трактат о времени и Больцмановском мозге, и как увлекательное фэнтези, где Сатана рисует иконы в церкви, а знаменитый мастер сабельного боя ищет уникальный удар, который поможет ему вырваться из кокона бытия или небытия.

Самое интересное, что история-то в итоге складывается. Проходит от восьмого-девятого века, через век семнадцатый, и ловит некую кульминацию в веке двадцатом, превращаясь в настоящий детектив. Почему не финал? Ну, потому что его, как такового нет, и быть не может. Ведь по большому счёту, это просто хроника событий и жизнеописание людей (а иногда и не людей), которые в этих событиях участвовали. Предвечный Адам по-прежнему спит, переживая все жизни и смерти своих детей, и все попытки найти его обращаются прахом и смертью.

Советовать, опять же, не возьмусь. «Хазарский словарь» вещь в себе, существующая вне читательского одобрения или неодобрения. Однако же, если вам нравится неспешный слог псевдоисторических документов и справок, если вы любите, когда мистическое ненавязчиво проникает в обыденную жизнь человека, если вам интересны философские размышления о жизни, смерти и времени, велик шанс, что эта книга доставит вам удовольствие.

Засим всё. Приятного чтения всем, кто ещё читает.

Олег Кожин

Арина Цимеринг, «Как поймать монстра». Изд. МИФ

В нашем мире действует Управление с отделами в разных странах, которое следит за всем паранормальным. Да-да, это не шутки – половицы скрипят не просто так, вампиры настоящие и все такое. В Управлении есть разные типы агентов: аналитики, ликвидаторы, гоэтики (последние работают с бестелесными сущностями, духами и призраками).

Но даже они, знакомые с изнанкой мира, не всегда представляют, что можно повстречать завтра. И какой ужас испытать. Команду из четырех специалистов отправляют в долбанную Ирландию, расследовать странную пропажу двух других агентов... их след приводит в странную деревню посреди леса, где, кажется, перестают работать законы пространства и времени. Так герои оказываются в ловушке Самайна – праздника ли, злого духа ли, бога ли. Сумасшествие, страх, сомнения, призраки прошлого и пророчества о вечной зиме прилагаются.

Вышел финал мистической серии Арины Цимеринг, поэтому самое время рассказать обо всех книгах. Фраза «роман похож на сериал по Netflix» стала весьма расхожей, иногда ею стреляют, как эффектным бесполезным фейерверком, просто красоты ради. Но в случае Цимеринг это действительно так, на техническом уровне – автор работает абсолютно по законам кино и сценаристики. Грамотно разбросанные по всем четырем томам детали, мудро расставленные от главы к главе клиффхэнгеры, динамичный монтаж кадров: от гэгных перепалок героев до по-настоящему жутких видений и ситуаций. Все в серии подбито друг к другу, из-за чего, если читать запоем, возникает ощущение марафона по нескольким сезоном особо впечатлившего сериала. Но сделаем паузу. Мы же в литературе, не в кино, правильно? Правильно. В местах, где надо сгустить саспенс и нагнать потустороннего, автор умело играет с ритмикой. А прошлое персонажей раскрывает очень даже по-книжному – флешбеки не отвлекают внимание, не замедляют повествование; наоборот, дополняют его. Триггерам к их началу становятся важные для сюжета в целом или для героя в частности события.

Итого получается динамичный мистический «боевик + детектив» с элементами хоррора, остановиться читать который, поверьте, невозможно. А еще – книга, до жути (буквально) интересно заигрывающая с ирландским фольклором и Самайном. Первобытно, до холодеющей крови. Хвала всем богам, тут никаких фейри! Только мрак, гаснущие огни и вечная зима, ведь Белтайн, праздник весны, никогда не наступит, а холмы никогда не закроются....

P. S.: Почему Ирландия долбанная? Прочитайте страниц пятьдесят первой книги – и вопросов не останется.

Денис Лукьянов

27 февраля:

Опубликован 501 номер легендарного сербского фэнзина «Эмитор». «Эмитор», издающийся с 1981 года, вырастил целую плеяду сербских фантастов и оказал огромное влияние на развитие фантастики в Югославии, а затем – в Сербии. 500-й номер вышел ещё в 2023, затем фэнзин долгое время не издавался, казалось, что он остановится на юбилейном номере. Но выпуск издания продолжился.

В номере: рассказ китайской писательницы Регины Канъю Ван «Мозговой ящик», комикс, рецензии, статьи и произведения сербских авторов. Среди кинорецензий оказалась и рецензия на советскую короткометражку «История одной провокации» 1990 года.

Вертер де Гёте

Ушел в типографию откаченный к авторской версии и дополненный вариант сборника «Всё как у людей». Издательство «Альпина.Проза», редактор Анастасия Шевченко, автор обложки Юрий Буга, выход в начале апреля, ура.

Шамиль Идиатуллин

Традиционная нерегулярная рубрика «Красота – это страшная сила, и есть слов, чтобы это сказать» про фантастические аннотации к неописуемым шедеврам. Сегодня за две недели. Ворнинг: про шедевры местами может быть неиронично!

...В этом мире старший лейтенант российской армии Алексей Шейнин – ротмистр Гордеев. Вокруг самый разгар Русско-японской войны. Ему удалось спасти от нападения тигра-оборотня командующего Маньчжурской армией генерала Куропаткина...

...Даос Янь Ляо, заклейменный колдуном, движется к своей мести. Хотя и сам не знает, кто его настоящий противник...

...Юная принцесса Гризельда подвергается нападению чернокнижника, но ее спасает алхимик Джастин. Понимая, что чернокнижник не остановится, Джастин готов помочь девушке и предлагает ей спрятаться в доме его бабушки. Но выясняется, что бабушку убили...

...Сражение за Аландские острова – первое испытание для возрожденной русской морской пехоты и новый рубеж для бывшего нашего современника, ныне генерал-адмирала Русского Императорского флота...

...Тревожный региональный хоррор, действие которого разворачивается в старом особняке Самары...

...Серега Хлыст ломает лихие девяностые через колено. Новая Россия, Березовский, Ельцин, семибанкирщина... Ну и лобненские бандиты, куда же без них...

...«И роди богатыря мне к исходу сентября», – просил молодой царь Салтан невесту, внезапно встреченную темным зимним вечером...

[эвфемизм года, конечно. вспоминаются стихи В. Гуся:

Внезапный секс застиг в углу!

Теперь воспитываю внука.]

...Но появляется благоприятный момент для применения нового неизвестного оружия, разработанного капитаном пакетбота «Лебедь» Юрием Давыдовым, бывшим не так давно контр-адмиралом Космофлота Сергеем Тихоновым в другом мире...

...Золотые яйца пропали, горыныч в депрессии, у кота ученого кризис. Баба Яга в кругосветном путешествии...

...Серия «Сталкер» – одна из самых долгоиграющих на российском рынке. За двенадцать лет ее существования вышло несколько сотен книг. Когда возникает желание сбежать на край света? Когда нет надежды? Когда нет смысла что-то продолжать?..

...В одну из смен неожиданно умирает аспид, пациент Василисы. Главврач настаивает, что он умер от инфаркта, но ведь аспиды не страдают заболеваниями сердца...

Николай Караев

Дочитал в ночи «Глаз цапли» Урсулы Ле Гуин. Неожиданно очень печальная и реалистичная, несмотря на фантастический сеттинг (ссыльные на другой планете), книга, осмысливающая, что именно произошло – продолжало происходить – с движением за гражданские права, точнее, с той его частью, которая отвергала насилие. Роман 1978 года, подытоживающий опыт левого ненасильственного активизма, пик которого пришелся на конец 60-х, хотя тогда мало кто понимал, что это пик и дальше будет спад.

И вот Ле Гуин пишет книгу о том, что – да, идеализм оказался мечтой; и если пытаться следовать идеалам до конца, часть из вас погибнет, а часть предаст свои идеалы, и все вы проиграете власти – пусть даже власть, чтобы не мучаться с вами слишком много, замаскирует свою победу

под компромиссы и сделки, ну и что-то вы отобьете, но не очень много; утопии не будет, но будут мелкие перемены, и то – благодаря отдельным людям во власти, которых хватило понять, что все-таки так нельзя; и даже если кто-то из вас сумеет жить так, как вы хотите, ничего не кончится, – но иначе никак.

И можно только надеяться, что ты станешь каплей в центре бесконечно расширяющегося круга *дружбы, взаимопомощи, любви*. Бесконечно расширяющегося Бога. Или не станешь, потому что – *что, собственно, было там, внутри ее кружка? Песчинки, пыль, несколько крохотных камешков, полузасыпанная колючка, усталое лицо Андре, голос Южного Ветра, глаза Саши, так похожие на глаза Льва, непроходящая боль в плечах, натруженных лямками тяжелого рюкзака, и еще ее страх*. Только иначе – никак.

Николай Караев

Катя Звонцова на днях написала прекрасный пост о названиях романов (на подумать и обсудить!), не могу пройти мимо

У меня все просто. Почти всегда название приходит сразу, а если не приходит, то текст обычно идет тяжело и с ним случаются затупы/проблемы. Порой даже остановиться и отдохнуть приходится, пока название в голову не полезет. Но расскажу лучше на примерах книжечек...

«Век серебра и стали» – название пришло моментально, мне кажется подсознание вытащило его из Мельничных строк «Здесь хватает и серебра и стали», но оно-то на самом деле со смыслом: сталь – холод бритвы и оружие жестокого века цивилизационной катастрофы, а серебро – оружие иного рода, волшебный металл (кто читал, тот помнит серебряные шпили!). Был вариант еще сделать «Век серебра и злата», тут и про электрум как священный металл (сплав золота и серебра, солнца и луны), и про деньги с оружием, но не ложилось. И золото лишних ярких оттенков давало

«Прах имени его» – а вот тут название я поменял по просьбе издательства. Изначально книга называлась «Город забытых имен», но случалась путаница с еще одной книжкой, поэтому Саша Лазарев предложил подумать еще. Я просто взял одно из первых названий в загашнике, собственно «Прах имени его» – метафорический, буквальный, и звучащий как строчка из пророчества. Для этого инверсия и нужна.

«Смех бессмертных» – еще один случай, когда название поменялось по просьбе издательства. Изначальное – «Пусть идет черный снег». Поэтично, красиво, люблю его! Но внутри редакции подумали, что это может наводить на мысли о постапе. Я ломал голову над названием, был вариант «Вы так печальны, профессор» и «Когда бессмертные смеются», но взяли простую фразу-рефрен из романа, которая, конечно, тянется из «Степного волка» Гессе.

«Ртутные сердца» – долго думал над ним и брал паузы в работе над романом, чтобы так и найти! Был вариант «Эликсиры любви», но как-то лишний референс в сторону Гофмана. А потом появился образ алхимических ртутных сердец... и вауля! Плюс, оказалось, есть такой химический эксперимент.

«Было у него два сына» – пришло с идеей книги и не менялось, чему я очень рад! Ну тут отсылка к сказкам о трех/двух братьях, когда «Было у отца три сына», потому что в основе в том числе сказочный материал.

«И велел Изольд встать» – это переиначенная фраза «И Велел Тавифе встать» из легенды о Петре и Тавифе (см. еще «Апельсиновую балладу» Мельницы). Пришло вместе с первыми строками

и не менялось. Тут все достаточно банально, потому что Изольд реально встала: D

«Человек человеку» – я если честно все еще немного сомневаюсь, так что можете написать в комментах, что думаете. Тоже пришло сразу, потому что «Человек человеку волк», но в то же время и «Человек человеку тролль». Там один из героев так и говорит)

Денис Лукьянов

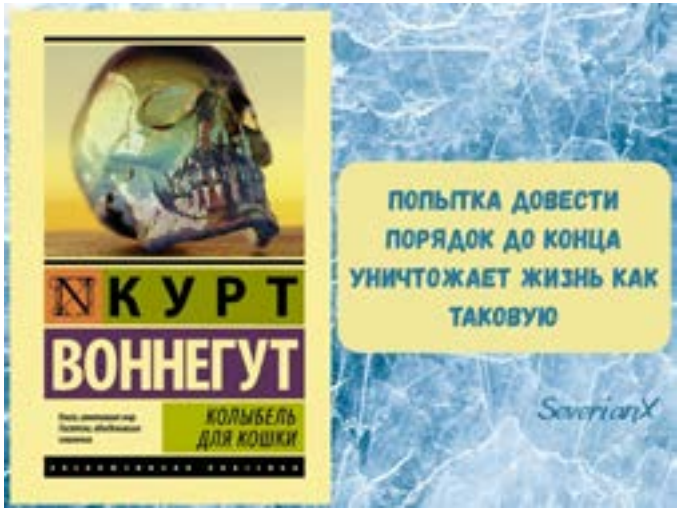
Курт Воннегут «Колыбель для кошки»
Жанр: «Мягкая» научная фантастика
Оценка: 8/10

«Колыбель для кошки» – сатирическая антиутопия о том, как безответственный разум, наука и религия вместе доводят мир до апокалипсиса, причем делают это почти случайно и даже комично.

Роман построен как мемуары-репортаж писателя Джона (также называющего себя Ионой), который пытается написать книгу о дне, когда сбросили атомную бомбу на Хиросиму. Вскоре он выходит на фигуру Феликса Хониккера – гениального, но социально инфантильного ученого. В процессе Джон оказывается вовлечен в историю с изобретением льда-девять – модификации воды, мгновенно кристаллизует все жидкости. Через детей Хониккера и диктатуру острова Сан-Лоренцо он наблюдает, как это изобретение приводит к страшным последствиям.

В данном романе стиль Воннегута можно назвать телеграфным: короткие главы, обрывочные эпизоды, смесь документального тона, черного юмора и притчи, что создает ощущение легкости при чрезвычайно тяжелом содержательном «весе».

На мой взгляд, основной темой романа является безответственность разума и науки. Феликс Хониккер – концентрат «чистого» ученого, которого



не интересуют ни люди, ни последствия собственных открытий. Он создает лед-девять как интеллектуальную загадку, а не как оружие, но в мире, где власть и военные жадно подбирают любой результат науки, такое открытие почти неизбежно становится инструментом катастрофы. Воннегут показывает несколько уровней безответственности: детскую (Феликс Хониккер, увлеченный игрой в науку), бюрократическую (доктор Брид, оправдывающий всё словом «прогресс») и наследственную (дети ученого, по-своему, но также легкомысленно распоряжающиеся льдом-девять). Конечно, роман – фантастика, но легкомысленность ученых нередко приводила к жертвам и в реальной истории. Эта тема неплохо раскрывается в недавно прочитанной мной научно-популярной книге Сэма Кина *«Во имя Науки!»*.

Роман написан в эпоху веры в научно-технический прогресс, но Воннегут задается вопросом существует ли вообще «поступательное развитие». Лёд-девять превращает мечту человека о контроле над природой в конец света: попытка «навести порядок» в хаосе воды оборачивается окончательным

застыванием жизни. Даже после апокалипсиса выжившие думают не о переосмыслении, а о том, как поудобнее обустроиться среди замерзшего мира. Это демонстративный жест против идеи, будто катастрофы автоматически «учат» человечество.

Выдуманная религия боконизм – один из самых ярких элементов книги. Она открыто признает собственную ложность: боконисты знают, что их догматы – «враньё, помогающее людям жить». Сама религия строится на идее, что миром управляет не рациональный план, а случайные связи (карассы) и парадоксальная судьба. Здесь Воннегут контрастирует боконизм с традиционными религиями и политическими идеологиями: все они иллюзорны, но боконизм честен в своей лжи, а «серьезные» системы маскируют ложь под истину и становятся особенно опасны.

«Колыбель для кошки» связана с *«Бойней №5»* общей темой: война и военные технологии – логическое продолжение человеческой глупости, а не искажение нормального хода истории. Лёд-девять – метафора ядерного оружия и неуправляемой технологической мощи, которая способна уничтожить не только врага, но и саму цивилизацию создателей. Апокалиптический финал с замерзшей Землей подчеркнуто безмолвен и будничен: мир гибнет не в огне библейского суда, а в результате череды мелких, ничем особо не примечательных решений, что делает обвинение человечеству ещё жёстче.

Название отсылает к детской игре с веревочкой («кошкина колыбель»), в которую играет Феликс Хонникер, одновременно вовлеченный в создание атомной бомбы. В романе подчеркивается, что никакой «кошки» и никакой «колыбели» в этой фигурке нет. Есть лишь хаотично переплетенная веревка, которую взрослые подают детям как игру. Воннегут превращает это в универсальную метафору культуры и разума: человеческий мозг сплетает сложные конструкции – науки, идеологии, религии – и убеждает себя и других, что в них есть смысл и утешение, хотя на деле это пустая комбинация линий.

Лёд-девять – второй центральный символ. Он соединяет несколько пластов: стремление к абсолютному контролю над природой, превращение живого в мертвое, окончательный и необратимый характер прогресса, который нельзя отмотать назад. В финале Земля, покрытая льдом-девять, выглядит красиво и спокойно, но это спокойствие кладбища, где жизнь заменила чистая холодная структура. Это одновременно пародия на утопические картины идеального, рационально упорядоченного мира и предупреждение: попытка довести порядок до конца уничтожает жизнь как таковую.

Теперь хотелось бы немного поразмышлять о персонажах, как носителях определенных идей. Феликс Хониккер – гений, почти лишённый эмоциональных связей, ребёнок, играющий формулами. Он не злой, но его отсутствие интереса к людям делает его особенно опасным: Воннегут показывает, как личная невинность не оправдывает историческую вину. Каждый из детей Хонникера (Фрэнк, Ньют, Анджела) по-своему деформирован отцовской гениальностью и холодностью, и каждый получает свою часть льда-девять, распоряжаясь ею как личным ресурсом – для карьеры, любви, безопасности, что превращает их в невольных соучастников гибели мира. Джон – фигура наблюдателя, репортёра, который хочет написать «серьёзную» книгу об атомной бомбе, но постепенно сам становится частью абсурдного фарса. Его голос – смесь наивной серьёзности и ироничного дистанцирования, позволяющая Воннегуту одновременно сочувствовать людям и беспощадно высмеивать их. Власти Сан-Лоренцо и боконистские пророки – гиперболизированные,

частично карикатурные фигуры, представляющие диктатуру, религию и политическую пропаганду. Их мелочность на фоне космической угрозы подчёркивает: даже перед лицом конца света люди продолжают разыгрывать свои маленькие роли – тирана, мученика, проповедника.

Итог: Роман одновременно смешной и пугающий: чёрный юмор, гротескные ситуации и гримасы боконистской «мудрости» делают чтение лёгким, но по мере приближения к катастрофе становится ясно, что смеёмся мы над собственными, весьма узнаваемыми моделями поведения. Сочетание антивоенного пафоса, критики научного технооптимизма и анализа религиозных и идеологических мифов делает «Колыбель для кошки» одним из самых концентрированных и современных текстов Воннегута: тема безответственной науки, климата и опасных технологий сегодня только усилилась. Для читателя, интересующегося фантастикой как инструментом философской и социальной критики, роман представляет собой почти образцовую модель того, как небольшая по объёму книга может удерживать сразу несколько «больших» тем, не превращаясь в схему и оставаясь живой художественной прозой.

Алексей Североан

28 февраля:

Ох. **Дэн Симмонс (04.04.48 – 21.02.26)**. (Некролог)

Я не знаю, что сказать. В эти дни я думал о «Гиперионе». Что надо перечитать весь цикл опять. И надо уже прочесть «Илий» и «Олимп» в оригинале, и много чего прочесть, чего я у него не читал. И я не знал, что его самого уже нет.

Дэн Симмонс умел. И умел очень по-разному. И хотел писать очень разные книги, и обладал для этого чудовищной, энциклопедической эрудицией, а также глубочайшим пониманием литературы вообще, что позволяло ему одинаково хорошо писать и про Китса, и под Набокова, и от лица Уилки Коллинза про Чарльза Диккенса, и про Шрайка, и про что угодно еще – он не боялся тем вообще. Понятно, что при таком раскладе у каждого будут любимые книжки Симмонса – и не очень любимые. Но понятно также, что писатель такого уровня – явление штучное, уникальное, неповторимое.

И потеря его для фантастики абсолютно невосполнима.

Доброй дороги.

Николай Караев

Повсюду пишут, что в прошлую субботу умер Дэн Симмонс. Великий и любимейший. Так жаль, что здоровье не позволяло ему писать в последние годы. Так здорово, что есть всё то, что он успел написать.

Давайте читать и перечитывать. Мои любимые у него книги: «Гиперион», «Террор», «Друд», «Пятое сердце».

Кстати, Дэн Симмонс – первый автор Фантлаба (https://fantlab.ru/autor1). В прямом смысле: его авторская карточка имеет номер 1. Мне всегда казалось это очень правильным.

К.А.Терина

а вот так выглядит Шрайк в дикой природе

он же сорокопут, он же Lanius, что в переводе с латинского означает «мясник»

Шрайк легко подражает чужептичьим голосам, а охотничьи уловки его коварны и на редкость эффективны

несложно найти жестокие фотосвидетельства его охотничьих и хозяйственных привычек –

развешенных, распятых, нанизанных на колья жертв: грызунов, ящериц, других птиц

но это уж ищите на свой страх и риск, не всем придётся по вкусу эта жестокая красота

К.А.Терина

Ого, пишут, что 21 февраля не стало Дэна Симмонса.

Это был удивительный рассказчик, уверенно чувствовавший себя в самых разных жанрах – от исторических романов и детективов до ужасов и космооперы. Симмонс известен как создатель глубоко интертекстуальных и стилистически выверенных книг.

Каждый назовёт своё, но для меня любимым у писателя остаётся «Гиперион», а также его продолжения. С них и началось знакомство. Грустный повод перечитать.

Автору «Песни Кали», «Террора», «Илиона», «Друда, или Человека в чёрном» и многих других книг было 77 лет.

Павел Сидоров

Jerry Vanderstelt

© Источники:

RocketMan: https://t.me/RocketMan_kosmodrom
Александра Прохорова: Винишко под книжку, https://t.me/culturehedonism
Алексей Пак: Пацанские полки, https://t.me/boy_shelfs
Алексей Североиан: Книжная Берлога, https://t.me/book_bear_lair
Антон Нелихов: Минутка этнографии, https://t.me/minutka_entnography
Ася Михеева: Shean, https://t.me/ursa_magna
Василий Владимирский: speculative_fiction, https://t.me/SpeculativeFiction
Вертер де Гёте: Фантастика, хоррор, комиксы и другие удовольствия, https://t.me/horrorfantastcom
Владимир Иванов: https://vgiv.livejournal.com
Владимир Обручев: Книги лучше..., https://t.me/bigboss_books
Григорий Копейкин: Записки Копейкина, https://t.me/g_kopeikin
Даша Кельн: Бесконечные истории, https://t.me/keln_chitaet
Денис Лукьянов: Денозавр в мезозое, https://t.me/denosavor
Дмитрий Волчек: Митин журнал, https://t.me/mitin_zhurnal
Дмитрий Злотницкий: Фантастика с Дмитрием Злотницким, https://t.me/zlo_i_sff
Дэвид Лангфорд: Ansible, https://news.ansible.uk/
Екатерина Каретникова: #прокнижное, https://t.me/karetni
Инар Искендирова: Так говорил Лем, https://t.me/lemtalking
К.А.Терина: Непонятная, но милая дичь, https://t.me/anyret_a_k
Лаборатория Фантастики: https://fantlab.ru/news
Макс Фрай: Ловец книг, https://t.me/lovez_knig
Марина Аницкая: какая реальность, такой и реализм, https://t.me/radio_amarinn
Мир фантастики: https://t.me/mirf_ru
Наталия Осояну: magie bizarre, https://t.me/magie_bizarre
Николай Караев: Звездные маяки капитана Норта, https://t.me/starlighthousekeeping
Николай Подосокорский: Подосокорский, https://t.me/podosokorsky
Олег Кожин: Шкаф с кошмарами, https://t.me/kozhinoleg
Павел Сидоров: Сай-фай ревью, https://t.me/scifireview
Сергей Карелов: Малоизвестное интересное, https://t.me/theworldisnoteasy
Танда Луговская: Tanda_v_Telegrame, https://t.me/tanda_v_telegrame
Ульяна Бисерова: Синичкин хлеб, https://t.me/sinichkin_hleb1
Шамиль Идиатуллин: Idiatullin, https://t.me/idiatullin